

001.37
К. 59

Ильяс КОЗЫБАЕВ

Умирзак СУЛТАНГАЗИН

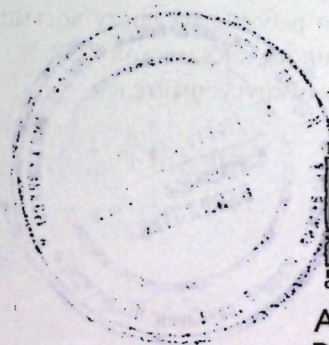
БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Ильяс КОЗЫБАЕВ

Умирзак СУЛТАНГАЗИН

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Алматы
«Раритет»
2020

001; 51
К-59

УДК 510
ББК 22.1
К59

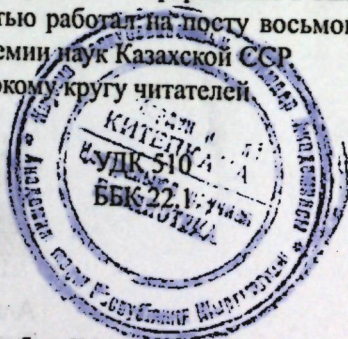
Козыбаев И.М.
К59 Умирзак Султангазин. Биографический очерк. – Алматы:
Раритет, 2020. – 288 с. + 32 с. вкл.

ISBN 978-9965-770-96-8

Книга представляет собой краткий очерк жизнеописания
ученого-математика с мировым именем, крупного организа-
тора отечественной науки и общественного деятеля Умирзака
Махмудовича Султангазина (1936–2005 гг.).

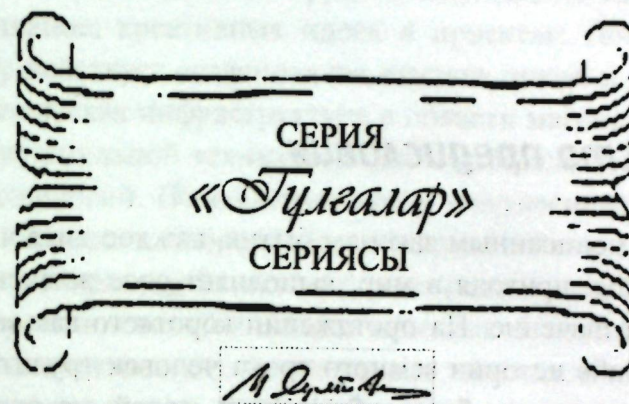
Он прославил свое имя в нескольких областях современ-
ной науки: доказал теорему существования и единственности
решения для дискретных моделей нелинейного уравнения
Больцмана, над которой целый век бились лучшие умы че-
ловечества; достиг значимых результатов в математической
теории переноса частиц, применяемой в решении задач ней-
тронной физики и атмосферной оптики, за что удостоился
Государственной премии СССР; создал необходимую базу
для развития космической отрасли и информатики в Казах-
стане. Был избран и с честью работал на посту восьмого с
1946 года президента Академии наук Казахской ССР.
Работа адресована широкому кругу читателей.

664720

ISBN 978-9965-770-96-8

© Козыбаев И.М., 2020
© Издательская компания «Раритет», 2020

$$+ N_2 \max_{i=1}^N \sum_{l=1}^N |\varphi_l| \left(\int_G \sum_{s=1}^3 \sum_{m=1}^N \left(\frac{\partial \varphi_l}{\partial x_s} \right)^2 d\vec{r} \right)^{\frac{1}{2}} + N_3 \max_{l,s} \left(|\varphi_l| + \left| \frac{\partial \varphi_l}{\partial x_s} \right| \right);$$

$$\left(\int_G \sum_{s,m=1}^N \sum_{l=1}^N \left(\frac{\partial^2 \varphi_l}{\partial x_s \partial x_m} + \frac{\partial \varphi_l}{\partial x_s} \right)^2 d\vec{r} \right)^{\frac{1}{2}} + N_4 \max_{l,s} \left(|\varphi_l| \right.$$

$$\left. + \left| \frac{\partial \varphi_l}{\partial x_s} \right| \int_G \sum_{s,m,p=1}^3 \sum_{l=1}^N \left(4 \frac{\partial^3 \varphi_l}{\partial x_s \partial x_m \partial x_p} + 12 \frac{\partial^2 \varphi_l}{\partial x_s \partial x_m} \right)^2 d\vec{r} \right)^{\frac{1}{2}} \Bigg\}$$

$$\leq S_0 \max_t \max_G \sum \|\varphi\|_{c(1)} \left\{ \left(\int_G \sum_{l=1}^N \varphi_l^2 d\vec{r} \right)^{\frac{1}{2}} + \left(\int_G \sum_{s=1}^3 \sum_{l=1}^N \left(\frac{\partial \varphi_l}{\partial x_s} \right)^2 d\vec{r} \right)^{\frac{1}{2}} \right\}$$

Вместо предисловия

По неписанным законам бытия, каждое дитя человеческое, приходя в мир, выполняет свое жизненное предназначение. На протяжении короткого как миг в масштабе истории земного срока человек трудится и чаще творит во благо общества и людей, но отнюдь не всем удастся обессмертить свое имя грандиозными свершениями на государственном поприще или поле брани, в разнообразных сферах творчества.

Герой нашего очерка – титан науки Умирзак Махмутович Султангазин – по праву входит в эту немногочисленную когорту великих соотечественников, в виртуальный Пантеон нации. В данном случае мы полностью отдаем отчет своим словам и не разбрасываемся попусту эпитетами в превосходной степени, но без этого нам не обойтись, поскольку речь пойдет о незаурядной ЛИЧНОСТИ с высокими моральными качествами, в которой форма как нельзя адекватно соответствовала содержанию, а многогранность дарований и кладезь ума, энциклопедичность знаний и научно-организаторская активность реально служили народным интересам. Без преувеличения можно сказать, что академик Султангазин прожил настолько яркую и содержательную жизнь, что эффекта от его созидательных действий хватило бы на десяток лич-

ностей, таких же талантливых и уникальных людей. Нам осталось научное наследие ученого, воплощенное в опубликованных трудах, получивших мировое признание, креативных идеях и проектах. По-прежнему действует созданная им научная школа и исследовательская инфраструктура в области математики и вычислительной техники, космических исследований и технологий. По воспоминаниям современников, он был эталоном добродетели и порядочности с органически присущей чистотой помыслов и силой духа, неукротимой волей и мощью интеллекта, врожденной интеллигентностью, неизменным жизненным кредо – поступать по совести, несмотря на все преграды объективного и субъективного характера. Как-то он признался в одном из интервью: «Я стараюсь всегда быть строгим к себе и ответственно подхожу к каждому делу. Если же допускаю ошибку, то анализирую ее и стремлюсь не допустить ее впредь. Говорю честно и справедливо (чтобы не было обиженных), этого же требую от других. Возможно, профессия математика научила меня загодя просчитывать свои решения и действия... Конечно, в жизни случаются и нештатные ситуации. Но и их надо просчитывать, что поможет принимать решения, за которые не будете сожалеть... Словом, это соотносится со словами Абая о том, что лучше медленнее идти, но тверже ступать»¹.

Справедливости ради надо упомянуть о широкой популярности – узнаваемости академика Султангазина в научном сообществе и среди представителей

¹См.: Ұлт намысын қорғауды ұмытпайық. Ө. Сұлтанғазинмен сұхбат // Парасат. 1997. № 2. С. 13.

старшего и среднего поколений, для которых он и ныне остается примером последовательного борца за независимость науки в посттоталитарном обществе. К сожалению, духовная эрозия нравственных скреп государства за последнюю четверть века, сужение потенциала и влияния науки на развитие Казахстана, девальвация престижа Национальной академии наук и высшей школы после появления десятков самопальных академий и университетов, тысяч «деятелей», незаслуженно остепененных научными регалиями – а это вполне закономерно на фоне коммерциализации всего и вся – непосредственно сказались на неосведомленности молодежи об исторических личностях недалекого прошлого. Полагаем, что отмеченный недостаток в историческом самосознании поколений, родившихся в 80-е и последующие годы – во многом следствие зачаточного состояния биографического жанра в Казахстане, не пережившего «детской болезни», когда авторы опубликованных жизнеописаний прибегают к чрезмерной комплиментарности, страдают замалчиванием острых проблем общественного развития и жизненных ситуаций в отрыве от реального исторического контекста. Другая причина, на наш взгляд, кроется в размытии устоявшейся веками дефиниции «тұлға», которая в переводе с казахского языка дословно означает «личность», понимаемая в нашем случае как выдающаяся, историческая личность, лидер. К сожалению, ныне данное понятие трансформировалось в синоним номенклатурной иерархии (депутат парламента, секретарь обкома партии, аким, министр и прочая, и прочая, нередко включая их ближайших родственников), принадлежность к которой автомати-

чески считается пропуском в политическую элиту, не обращая внимания на такой важнейший критерий, как учет истинных заслуг человека перед народом и государством, добрая и долгая память народа, наделившая эту персону статусом «государственного деятеля» в глазах общественности.

Поэтому приходится сожалеть, что до сих пор биография Умирзака Султангазина, во многом типичная для поколения детей военной поры, обойдена вниманием историков. Можно упомянуть лишь фрагментарные очерки его жизни и деятельности, содержащиеся в нескольких сборниках статей и биобиблиографии, приуроченных к юбилейным датам², дающих оценочные суждения через призму восприятия преимущественно ученых точных наук.

Настоящая работа является попыткой восполнить в какой-то мере этот пробел, рассказать об основных этапах жизни незаурядного человека – ученого и общественного деятеля на фоне исторической эпохи и истории науки, оставив за «кадром» оценку его профессиональной деятельности как математика. Мы осознаем, что гораздо труднее писать о современниках, которые еще недавно жили среди нас, о таком сложном и не-

²Адресуем любопытного читателя к работам: Умирзак Султангазин /Под ред. Г.М. Мутанова. Алматы: Қазақ университеті, 2011. 366 с.; Султангазин Умирзак Махмұтович «...Я всегда шел за жизнью...». Алматы, 2005. 340 с.; Әлем ғылымының саңлағы. Алматы, 2011. 26 б.; Умирзак Махмұтович Султангазин: Материалы к биобиблиографии ученых Казахстана /Сост.: Р.Б. Ақназарова, Д.Ж. Омарбекова. Алматы, 2006. 186 с.; Султангазин У.М. Статьи, доклады, интервью. Алматы: Институт теоретической и прикладной математики МН-АН РК, 1996. 312 с.; Султангазин У.М. Избранные труды. 1996–2006. Алматы, 2006. 420 с.

однозначном времени перемен, когда мала временная дистанция от имевших место событий. В основу книги положены воспоминания родных и коллег, прежде всего, верной спутницы жизни, «стаж» знакомства которой с ним исчислялся с босоного детства (а если быть точным до конца – с пятилетнего возраста), Райхан Ганиевны Мейрмановой, документы семейного архива Султангазиных, материалы печати и архивов. Издание в первую очередь предназначается молодым людям, ищущим свое место в жизни и нравственные ориентиры, выбирающим призвание и профессию, а также всем, интересующимся новейшей историей Отечества. Уверен, что в биографии Умирзака Махмутовича они найдут немало нового и поучительного.

Слова искренней благодарности адресую людям, оказавшим содействие в ходе сбора материала, руководству Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, поддержавшего данный проект.

Истоки

Первый воскресный день октября 1936 года. Глухая провинция на севере Казахской Автономной Советской Социалистической Республики, два месяца как вошедшая в состав новообразованной Кустанайской области, сопоставимой по своей площади с Англией. Пожалуй, эту характеристику провинциальности и малонаселенности (плотность населения составляла всего два человека на квадратный километр) можно было отнести ко всем 1284 населенным пунктам области с 248 аулсоветами и единственным городом. Основная масса жителей разных национальностей (среди которых 47 процентов – казахов, 31 – украинцев, 18 – русских, 1,5 – татары) проживала на селе, доля горожан равнялась 9,1 процента. Как констатировала «Казахстанская правда» в номере от 28 августа, народонаселение области составляет 451,8 тысячи человек¹.

У озера Кайранколь, подпитываемого одними осадками и известного в округе чистым песчаным дном и снующими повсюду карасями с бесподобным вкусом,

¹Скорее всего, статистические данные, приведенные в газетной статье, некорректны. Основания для такого предположения дает разброс цифр с более поздними показателями. – См.: Костанайская область: страницы истории (1936–2006 гг.). Костанай, 2006. С. 20, 104.

давно уже обосновался аул Кара-Оба. Если сегодня обозреть аул с высоты птичьего полета с помощью дрона, вокруг него заметны глазу семь небольших возвышенностей, выполнявших во времена противостояния с джунгарами функции караул-тобе – сторожевых башен, откуда население предупреждали о приближении неприятеля. По архивным источникам, в сентябре 1936 года в данном поселке проживали 181 мужчина и 186 женщин, считая и детей². Для ориентации читателя добавим, что от областного центра до аула порядка 100 километров по направлению на восток.

Именно здесь, в доме 47-летнего Султангазы Махмутова и 30-летней Нурили Темирбайкызы раздался пронзительный крик новорожденного и капнула не одна капля крови с его пуповины, перерубленной обычным топором во дворе. Да, так нередко тогда бывало и считалось в порядке вещей. В сельском совете – органе местной власти Урицкого (ныне Сарыкольского) района – младенца записали как Умирзака Махмутовича Султангазина. Не удивляйтесь, это была естественная дань национальным обычаям, когда долгожданного внука степняка задокументировали под отчеством деда – главы большого семейства аксакала Махмета, имевшего девять сыновей. Отец мальчика был его младшим сыном. Кто же знал, что это крохотное существо прославит имя отца, отныне ставшее его фамилией.

Глубоко символичным моментом, передающим одновременно огромную радость родителей и их яв-

²URL: http://kostanay1879.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=5041&Itemid=51.

ное чувство тревоги, стал выбор имени – Умирзак (Өмірзак), буквально означавшим на казахском языке «долгая жизнь». Нет сомнения, это было осознанно выбранное имя-оберег, содержащее надежду отца и матери на лучшую участь сына и мольбу перед Всевышним даровать ему долгую жизнь. Основания так поступать у родителей были и, признаться, довольно веские. Так, первая семья Султангазы (жена и трое маленьких детей) стала жертвой чудовищного голода начала 30-х годов, унесшего, по примерным подсчетам, ученых не менее 1,8 миллиона казахов, в том числе более половины населения в Северном Казахстане. Во втором браке с Нурилей родились и умерли в младенчестве от свирепствовавшей тогда кори две девочки. Поэтому понятна трепетная вера семьи в сверхъестественное, обращение к небесам с сокровенными чаяниями о продолжении рода, сочетание в смысловой составляющей имени сына двух основных жизненных и неотделимых категорий казахского народа – времени и пространства.

Знатоки хитросплетений казахского родословия, державшие в памяти гигабайты бесценной информации по истории жузов, родовой структуры и прочих генеалогических связей (а таковые имелись тогда в каждом ауле), отмечали благоприятный генетический код Умирзака. Еще бы, он являлся прямым праправнуком известного в тех краях Уте бия – общепризнанного арбитра в спорах и управленца подвластной территории, населенной казахами из племени уак, рода бидалы, обладавшего некогда большим богатством, мерилом чего для казахов всегда выступал скот. Как передавала народная молва, многотысячные

табуны лошадей Уте бия, пригоняемые на водопой к озеру, враз осушали зеркало водоема, оставляя от него лишь маленький пятачок. Именно аул Уте бия близ Кайранколя при Советской власти был переименован в Кара-Оба. Но не одним богатством были известны славные предки Умирзака. Как водится в традиционном обществе, Султангазы с упоением рассказывал сыну, и это прочно отложилось в памяти мальчика, о героях народного эпоса – богатырях Ер Кокше и Ер Косае из племени уак, упоминаемых в киргизской Одиссее – «Манасе», казахском фольклоре, русских летописях, работах Чокана Валиханова, Мухамеджана Тынышпаева³.

В отличие от нынешних детей-подростков, ребята тех лет сызмальства могла наизусть отчеканить на неперенный вопрос-проверку старших имена своих предков, как минимум, в семи коленах. Поэтому и наш герой мог свободно изложить родословную, которая в неполном варианте выглядела так⁴:

Уак
|
Бетке
|
Айдархан
|

³См.: Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 163, 280, 285; Муканов М.С. Из исторического прошлого: (Родословная племен керей и уак). Алматы, 1998. С. 37–38, 111–112, 149.

⁴Уак шежіресі / Құраст. Т.Е. Дәйкенов. Астана, 2009. 19, 236, 240, 284, 298, 301, 302 б.

Қамбар, Еркөкше, Еркосай

|
Қылды батыр

|
Жангелді (Жусан)

|
Бидалы

|
Құдайқұл

|
Қайдауыл

|
Сағындық

|
Баймырза

|
Әйтен

|
Өте

|
Махмет

|
Сұлтангазы

|
Өмірзак

Не уступали в родовитости и предки Умирзака по материнской линии. Нуриля, происходившая из племени кыпчак, имела непосредственное родство по матери с верным соратником Аблайхана, знаменитым батыром Бараком Карабалуанулы из племени аргын. Мудрая не по годам, она, по совету матери, пришила

на головной убор сына от сглаза колечко из кольчуги, считавшейся старейшинами доспехами упомянутого батыра. Надо сказать, что родичи по материнской линии – нагашы – по мере сил заботились о них. И что бы ни вещала современная наука, аруах благословенных предков оберегал ребенка, создав удивительную ауру вокруг него, воспитав в нем трепетное уважение к национальной истории и народным традициям, сохранившееся на всю жизнь.

К числу хороших предзнаменований можно отнести и место рождения, находящееся в дне конного пути от урочища Кунтимес – малой родины «промелькнувшего метеора» Чокана Чингисовича Валиханова, только с поправкой на разницу в сто зим.

Если говорить о других событиях того памятного дня появления младенца на свет, то 4 октября в семь часов вечера в Кустанае прошел торжественный пленум горсовета совместно с представителями областных организаций, посвященный 16-й годовщине Казахской АССР, а газеты пестрили материалами о героизме советских асов – Сигизмунда Леваневского, Василия Молокова, осваивавших воздушные трассы в Арктике, и с обсуждением проекта сталинской Конституции. Судя по газетным сообщениям, в это же время завершили свою работу несколько экспедиций Совета по изучению производительных сил Академии наук СССР в Казахстане. В частности, отряд академика Б.А. Келлера изучал сорняки, болезни растений и вопросы ирригации в южном Алтае; палеозоологическая группа профессора Ю.А. Орлова исследовала Центральный Казахстан; на западе республики отряд Института общей и неорганической химии обследовал

выходы калийных солей. Плодотворно поработали ботанический, почвенный, геохимический и сельскохозяйственный отряды в Восточном Казахстане и в верховьях Ишима⁵.

Разумеется, все вышеперечисленное было удивительным совпадением. В рядовой семье неграмотных членов коллективного хозяйства имени Джангильдина⁶ родители будущего академика и продолжателя дела Каныша Имантаевича Сатпаева не думали о высоких материях и так далеко не заглядывали. На первом месте стояли вопросы самовывживания, продолжения рода. Основная тяжесть в семье лежала на более молодой матери.

Однако поначалу не все складывалось столь благополучно, реальная жизнь была полна сюрпризов, трудностей и лишений. Даже когда крестная мать – кіндік шеше – принесла новорожденному припасенную к случаю рубашонку, она оказалась ему мала. Не отличался изобилием стол, накрытый на скорую руку по поводу первого чествования младенца, проведенного на 40-й день после рождения, так называемая шілдехан. Собравшаяся молодежь и учителя аула довольствовались за неимением прочего угощением

⁵См.: Шмелевич А. Экспедиции Академии наук возвращаются в Москву // Казахстанская правда. 1936, 14 октября.

⁶Здесь и далее правильные наименования колхозов и аулов округи, названия населенных пунктов, неточно переданные информаторами по памяти, уточнены по публикации – Справочник по истории колхозов, совхозов и хозяйств Кустанайской области (1926–1997). Караганда, 2018. С. 65, 66, 68, 69.

К примеру, в воспоминаниях название колхоза «переделано» на казахский лад – Жангельды.

в виде жареных семечек, дружно лузгая которые компания распевала народные песни, желая виновнику торжества долгие лета. Но дальнейшие события кардинально нарушили размеренную жизнь семейства. Большой трагедией для четырехлетнего мальчика стал преждевременный уход из жизни отца, случившийся в рискованно-роковой по народным приметам мушел жас, циклично повторяющийся через 12 лет. Какой это был удар для Умирзака, говорить не приходится, но добрую память об отце сын навсегда сохранит в своем сердце.

Жизненные неурядицы не сломили сильную духом Нурилю, в свои 34 года ставшую вдовой. Оказалось, что женщины, как правило, крепче мужчин в стрессовых ситуациях. Надеяться было особо не на кого, всем было трудно, перед ней же стояла цель поднять и воспитать ребенка. Всегда лучезарная молодая женщина добросовестно и много трудилась, считалась передовой дояркой в колхозе, по праву носила звание стахановки. Как-то раз, накануне войны Нурилю послали на областное совещание передовиков сельского хозяйства в областной центр, и она взяла с собой сына, ибо оставлять его было не с кем. Ниже мы воспроизведем этот эпизод по воспоминаниям Умирзака Махмутовича, для которого она стала первой дальней поездкой за пределы Кара-Обы, причем незабываемой.

Мероприятие проходило в большом, по меркам того времени, здании обкома партии, везде море света от люстр и лампочек Ильича. Для сельчан обстановка крайне непривычная, они ведь обходятся малым, довольствуясь керосиновыми лампами. Слет закон-

чился поздно: ораторы говорили долго, затем чествовали лучших труженников села и матери в числе других вручили ценный подарок. Выйдя из здания, они очутились в кромешной тьме, в незнакомом городе. Изначально они рассчитывали переночевать у одного из родственников, жившего в другой части города, по адресу, врезавшемуся в цепкую детскую память – улица Красных партизан, дом 9. Вот бредут они в ночи наугад, без малейших ориентиров. Уставшего от путешествия за тридевять земель и массы новых впечатлений за день Умирзака мама посадила за спину, удерживая за ноги, а тот обхватил ручонками ее шею. Испуганный незнакомой обстановкой и непривычной ситуацией, малыш стал, не переставая лепетать сквозь слезы матери: «Өлдік, өлдік қой, апа!» («ой, пропали, погибли, мама!»). Но решительная Нуриля не растерялась и постучала в двери ближайшего дома, попросилась на ночлег. К счастью, благодаря ее коммуникабельности и искреннему радушию хозяев – простой казахской семьи, те согласились приютить незнакомцев. Вот это были времена и нравы, бесхитростная психология и открытая душа людей! Рано утром, поблагодарив за предоставленный кров, горе-путешественники пошли к дому родичей. Но нас в данном случае заинтересовала реакция на случившееся Нуриля-апай. Как она призналась позже знакомым и родственникам, сам факт пребывания в столь величественном по ее восприятию здании-дворце с множеством окон и океаном света она расценила как знак свыше. Раз так, то ее сын обязательно будет жить и работать в таком же здании. Вот они сокровенные думы матери, мечтающей о счастье для своего дитя.

С началом войны моментально стерлись, как сон, мирные воспоминания. Видя страдания, боль и горе окружающих людей, перенапряжение старших на производстве, выросл Умирзак. Тем временем, жизнь все-таки брала свое. Зарубцевалась боль утраты, и молодая вдова все чаще задумывалась о будущем сына, поднять которого одной было весьма трудно. Видимо, сказался прагматизм бытия, да и наличествовали светлые чувства (как же без них!) и в самый тяжелый период Второй мировой – в 1943 году – в доме появился отчим.

Вдовец Кабдолла Арсаков, 1901 года рождения, был на несколько лет старше Нурили и сам воспитывал дочь Жанакию (1932–1979). Жизнь изрядно потрепала его: рано остался сиротой, сполна познал трудности подневольного труда, мыкаясь в батраках, а невзгоды не позволили овладеть элементарной грамотой, недолго длилось и семейное счастье с первой супругой. Работал он пастухом и, будучи коммунистом, относился к так называемому низовому колхозному активу – бельсенды. Острейший дефицит мужчин в глубоком тылу, тем более, партийных, послужил основанием для его выдвижения на должность председателя небольшого казахского колхоза имени Максима Горького в ауле Карачилик, неподалеку от Кара-Обы. Колхоз был маломощный, с минимумом техники, выживавший за счет недюжинного упорства и трудолюбия женщин и подростков. Так уж случилось, что вакансия председателя, так и сам переезд, последовали после падежа скота в колхозе по причине отсутствия должного запаса кормов и теплых кошар. Как беспристрастно зафиксировала областная газета, колхозное

стадо в это время состояло из 670 голов скота, включая 19 лошадей, 49 дойных коров, 45 волов и 484 овцы⁷.

В 1943 году туда и переехала, прожив там год с небольшим, вновь созданная семья. Детишки продолжили учебу в местной семилетней школе, во главе которой стояли директор Жумагул Маташев, завучи Кауаз Тажмакин (1927–1993) и Балтуган апай. Умирзак Махмутович тепло отзывался о своей учительнице в Карачилике Загипе Баймагамбетовой, с удовольствием рассказывал о вылазках с одноклассниками на сбор птичьих яиц, лесных ягод и непередаваемом вкусе земляники, веселом купании в озере. Но все-таки на новом месте жилось отнюдь не лучше, а испытания и тяготы военного лихолетья не обошли стороной и этот аул – ряд джигитов в полном расцвете сил не вернулись с полей сражений, в памяти мальчугана остался безутешный плач-жоктау молодых вдов. Еще одно примечательное и незабываемое событие произошло в Карачилике, значение которого Умирзак поймет позже – их жилище (а иначе никак – ведь дом баскармы первый по протоколу в колхозе) посетит и разделит трапезу известный писатель Сабит Муканов, будущий академик Академии наук Казахской ССР. Не исключено, что трепетно соблюдавший народные обычаи Сабит-ага дал за от души накрытым дастарханом отеческое бата-напутствие сыну хозяина дома.

Осенью 1944 года семья вернулась в Кара-Обу, где мальчик пошел во второй класс.

⁷Сәрсенбаев Р. Мал күтімі нашар // Большевиктік жол. 1943, 22 январь.

Заслуживает быть отмеченным, что, несмотря на режущий ухо эпитет-определение «отчим», ребенку шести лет он, насколько это возможно, заменит родного отца и по существу поставит на ноги. Умирзак ответит взаимностью и не случайно после его кончины в 1972 году возведет ему такой же мазар-кумбез на родовом кладбище, как и родному отцу, из красного и белого кирпича с саманом. Маму – Нурилю Темирбайкызы – он потеряет 25 сентября 1963 года. И сегодня на сельском погосте в Кара-Обе все они покоятся рядом.

«Путевку в жизнь мне дала аульная школа»

С радостью вернувшись в аул, семья заняла свой саманный домик, расположенный на самой окраине Кара-Обы. Это место с большой натяжкой можно было назвать улочкой, поскольку она состояла из нескольких, таких же неприметных домов. Вероятно, поэтому она получила в местном обиходе удивительно точное название – Шолак көше, то есть короткая улица. К сожалению, до наших дней родительский дом Умирзака Махмутовича не сохранился, и, со слов очевидцев, его внутреннее убранство было минималистски скромным. Традиционное жилище колхозников 30–40-х годов было однотипным и состояло из хозяйственной части (ауыз үй) и чистой (жилой – төр үй) комнаты. Также неперенный атрибут дома – печурка, топимая кизяком, дровами и крайне редко углем.

Родной аул... Как многозначно это понятие для живших и живущих поныне в нем и столь же отстраненно чуждо современным жителям мегаполисов, воспринимающих его как атавизм в эпоху глобализации. Что касается Кара-Обы – центральной усадьбы передового в округе колхоза имени Джангильдина, то по сравнению с другими хозяйствами здесь имелась телефонная связь не только в новом здании правления

из 12 (!) комнат, но и на фермах, функционировал допотопный детсад. Колхоз не раз завоевывал переходящее красное знамя обкома партии и облисполкома за успехи в труде, был экономически относительно крепким. Основной профиль хозяйствования составляли животноводство и полеводство, в общественном стаде насчитывалось свыше 700 овец, девять верблюдов, сотня лошадей и 272 коровы. Умение рачительно вести хозяйство позволило правлению выделить на трудодень в 1944 году 100 г мяса. К примеру, колхозник Копжасар Жуанышев за свои 900 трудодней получил 90 кг мяса (на выбор предложили две овцы или теленка)¹. Дабы постараться адекватно передать суть аула как феномена казахского духа и истории, обратимся к творчеству признанного мастера слова, искренне переживавшего за будущность казахского народа больше, чем представитель титульной нации, Герольда Карловича Бельгера. Волею судьбы, в 1941 году его вместе с тысячами поволжских немцев депортировали в Казахстан, и он очутился в чисто казахской среде на севере республики, глубоко познал язык и культуру народа, по-братски приютившего спецпереселенцев. Вот как он по-философски обобщил место аула в жизни современников Умирзака Султангазина, точно разбив его суть: «Любопытства ради заглянул в разные словари. Как они толкуют понятие «аул»? Пишут: селение. Поселок. Группа юрт кочевников. Или: селение на Кавказе и в Средней Азии. И приводят примеры: «В

¹ Молдагалиев У. Игілікті іс // Большевиктік жол. 1944, 23 июнь; Мейрманов Қ. Мал шаруашылығын өркендетудің жоспары // Там же. 16 сентябрь.

большом ауле, под горою, близ саклей дымных и простых...» (Лермонтов). «Белые и серые домики аула Веселого...» (Либединский). Интересно, что говорит древний, дотошный Даль? «Аул – почти у всех азиатских народов наших (татар, башкиров, киргизов, многих кавказцев; у калмыков – хатон), деревня, селение, поселок; оседлое или кочевое сборище жилищ; собрание изб, хат, мазанок, землянок, сакль или шалашей, шатров, балаганов, юрт, кочевых кибиток».

Толковый словарь казахского языка (1974) уделит «аулу» четыре страницы убористого текста, пояснив, что это – по-старому – кочевое сборище кошомных юрт, поставленных в одно место, а – по-новому – сборище домов, объединенных коллективным хозяйством. Далее Словарь толкует слова «ауыл-аймақ», «ауыл-ауыл», «ауылдас», «ауылнай», «ауыл-қала», «ауыл-село», «ауыл-үй», «ауылша», «ауылшылау» и другие разные производные от слова «ауыл», сопровождая их примерами из художественных текстов именитых казахских писателей разных времен.

И в принципе, все верно. Возражать трудно.

И все же... аул – не только сборище домов или юрт. Не только малое или большое селение. Это, прежде всего люди, объединенные местом обитания, близкие по духу, ментальности, быту, нравам и укладу, живущие в постоянном и тесном общении, спаянные трудом и тягой, расположенностью друг к другу, единые или близкие нравственно, культурно, общественно, социально, имеющие единые или схожие цели, стремления, миропонимание и духоустройство. Аул – своеобразный мир. Со своей инфраструктурой. Экономической, социальной, психологической, этнокультурной.

Это общность со сложной корневой системой. Случайное сборище из разных, как говорится, верховий и низовий, вольно или невольно оказавшихся вместе, — еще не аул. Это может быть поселком, селом, деревней, дорфом — чем угодно. Аул в первоначальном смысле — другое. Это понятие более теплое, душевное, близкое, родное, сердечное. Аул — как родной очаг. Аул — как большая семья. Аул — родной кров на единой земле, под единым небом. Аул — твоя совесть, любовь, забота, гордость, зеленый причал, отрада. Аул — начало Родины.

Так воспринимают аул казахи.

Так воспринимаю аул и я»².

Основные осознанные воспоминания о Кара-Обе связаны у Умирзака, конечно, со школой, незаурядной во всех отношениях.

Ее возвели в 1928 году в рамках государственной программы по ликвидации неграмотности под названием школы Казкоммуны. Строили с чувством, с толком и с расстановкой только из качественного дерева, доставляя на верблюдах по одному бревнышку из Семиозерки (ныне Аулиекольский район), ибо вблизи преобладал березовый лес, малопригодный для строительства. Так, всем миром казахи четырех окрестных волостей — Каратальской, Убаганской, Аманкарагайской и Кушмурунской, при помощи строителей из Москвы за полтора года и подняли школу с высокими потолками, по центру которой был широкий общий коридор, а по обе стороны располагались классные комнаты. С учетом сурового климата с сильными мо-

розами и буранами во всех классах соорудили печи, обшитые железными листами. Их топили подручным местным топливом — камышом, грели посему они неважно и зачастую в здании было лишь немного теплее, чем на улице. Школа изначально не имела ограничений по месту жительства обучающегося контингента учеников, хотя в первую очередь зачисляли детей из близлежащих колхозов «Рекорд» (поселок Вединка), «Большевик» (село Жорман) и «Кзыл Аскер» (село Жанасу), а затем фактор отсутствия поблизости других школ привел к открытию интерната при ней.

Школа сперва открылась как начальная, потом ей придали статус семилетки, а с 50-х годов — средней. При этом она была единственной в районе казахской школой. В этом нет ничего удивительного, так как и сам аул до войны являлся сплошь мононациональным, и только один дом принадлежал украинской семье братьев Горковенко, старший из которых возглавлял местную почту. Тот, кто посетит аул сегодня, может наяву увидеть рядом с новой стандартной школой (правда, ныне угасающей из-за распространенного на сельских территориях «приговора» — малокомплектная) одноэтажное строение конца 20-х годов, откуда впоследствии вышли ее прославленные выпускники — единственный среди казахов Чрезвычайный и Полномочный Посол Советского Союза Малик Сабирович Фазылов, писатель Жайсанбек Молдагалиев, академики Султангазин и Мырзатай Сергалиев, лауреат Государственной премии Республики Казахстан литературовед Жумагали Исмагулов, многочисленные доктора и кандидаты наук, руководители различных рангов, но все при этом — отличные азаматы Отечества.

²Бельгер Г. Аул (Эссе) // Мысль. 2002. № 9. С. 43.

Казалось бы, обычная сельская школа в глубинке. Но, к счастью, в ней работали учителя-энтузиасты, педагоги от Бога, которых роднил духовный «знаменатель» высочайшей пробы.

В первую очередь, следует назвать имя первого директора школы, неординарного и талантливого учителя подвижнического типа Бекета Утетлеуова (1883–1949), верного последователя благородного дела Ибрая Алтынсарина, близкого друга известного учителя-новатора Спандияра Кубеева. Добавим, он остался верен этой школе, проработав в ней учителем, несмотря на проблемы со здоровьем, до конца своих дней. Бекет-ага, имея за плечами аульную и русско-казахскую школы, ускоренные учительские курсы, а также усиленно занимаясь самообразованием, стал одним из ярких представителей национальной интеллигенции и около полувека «сеял доброе, разумное и вечное». Для полноты характеристики упомянем, что в 1912 и 1914 годах увидели свет в Казани и Оренбурге две книги литературных изысканий Утетлеуова, особо отмеченные в национальной печати – журнале «Айқап», редактируемом писателем-демократом Мухамеджаном Сералиным, и газете «Қазақ» Ахмета Байтурсынова. В книгах содержались собственные стихи Бекет-ага и его оригинальные переводы 16 басен И.А. Крылова и И.И. Хэмницердена, стихотворений М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина, В.А. Жуковского и А.Н. Плещеева, которые впоследствии ввиду безусловной качественности перевода были включены в школьные хрестоматии по литературе 40-х годов. Уместно отметить, что на переводческой стезе его собратьями по перу были Абай Кунанбаев (известно 14 басен Крылова в его переводе),

Ахмет Байтурсынов и Спандияр Кубеев (соответственно 6 и 37 произведений русского баснописца)³.

Помимо данного увлечения, Утетлеуов слыл опытным методистом. В частности, им созданы оригинальные наглядные пособия по лингвистике, апробирован так называемый «аналитико-синтетический звуковой метод в правильном письме, толковом и выразительном чтении», написаны «Учебник казахского языка для русских, после прохождения букваря (при разговорных уроках)» и популярная работа на казахском языке о здоровье человека⁴.

Но главная заслуга и критерий оценки любого учителя – его ученики, умение пестовать незаурядных детей. В этом отношении сошлемся на несколько знаковых для казахской науки и культуры имен, испытывших благотворное влияние первого учителя. К примеру, классик казахской литературы Габит Махмудович Мусрепов поступил в Пресногорьковское высшее начальное училище лишь благодаря лестной рекомендации Утетлеуова о несомненных гуманитарных задатках юноши и увлеченности поэзией, хотя на вступительных экзаменах тот «провалился» по русскому языку. Как вспоминал Габит-ага, «такого хорошего учителя я потом редко встречал. Он был, по большому счету, истинным просветителем... Мне запомнилось одно из часто повторяемых Бекетом наставлений – к любому делу надо приступать с чистыми руками!»⁵.

³См.: Әбдірахманов Т. Жаңа ғасыр көгінде. Алматы, 1969; Соныкі. Таланттар тағылымы (Ағартушы ақындар жайында). Алматы, 1988.

⁴См.: Утетілеуов Б. Шығармалар. Алматы, 1961. 23–28 б.

⁵Мүсірепов Ғабит. Автобиографиялық әңгіме // Утетілеуов Б. Шығармалар. 147 б.

Или же великолепное знание русского языка и литературы, вернее, ее основательная база, у выдающегося государственного деятеля и публициста, «сегіз қырлы» Ильяса Омарова была заложена в Кустанайской семилетней школе «Казкоммуна», где в 1923–1925 годах учительствовал Бекет-аға.

Непосредственно у Утетлеуова Умирзак проучился в 5–6 классах, хотя до этого не раз слышал, как после торжественных собраний и на концертах в школе учитель декламировал собственные переводы русской поэзии перед односельчанами. Выступал он неподражаемо: обычно говорящий скороговоркой Бекет-аға читал стихи, чеканя каждое слово с требуемой интонацией сперва на русском, затем казахском языках. Чаще всего это были «Бесы» Пушкина или басня «Мирон» Крылова. Позже его воспитанники встретят подобную манеру чтения стихов только у единственного казахского поэта – Аскара Токмагамбетова.

Если говорить о педагогическом мастерстве, то это был носитель высокой культуры литературного казахского и русского языков, как бы мы сейчас сказали, «билингв экстра-класса». Все дети восхищались его умением рисовать, образцово вести приусадебное хозяйство в саду близ дома. Трепетное отношение к ученикам и любимому делу выливалось в поучительные беседы о смысле жизни, интересные рассказы об истории и культуре разных народов. Много внимания он уделял профессиональной ориентации, так как, в основном, учащиеся тех лет стремились стать педагогами – представителями поистине престижной и уважаемой, добавим, высокооплачиваемой и понятной им профессии. В таких случаях Утетлеуов говорил: «Да,

хорошо быть учителем, но ведь есть и другие специальности. Что-то я не слышал о запрете, чтобы дети нашего аула становились инженерами, агрономами, врачами». Ребятам на всю жизнь запомнились такие строки из дореволюционного стихотворения учителя «Қазақтың надан байлары мен нашар көршілері және ғылымдық пен надандық» (буквально «Казахские невежественные баи и их плохие соседи, или ученость и ограниченность»), дидактика которого «била» по необразованности.

Вслушайтесь в чарующую ритмику стиха:

«Қөтерер надан байлар мұрнын көкке,
Артықсып қоразданып тектен-текке.
Еркіне жібермесен және болмас,
Айтқанмен, ақыры тайыз, өтпейді өкпе...
Мысалы ғылым деген бір гауһар тас,
Берсе де дүние малын алып болмас.
Жалғыз-ақ өткір зейін саясында
Табатын еңбектеніп іздеген жас...
Ойласақ, қайсысы артық: ғылым мал мен?
Біріне қалайынша қоямыз ден.
Мал жүрмес, өнер бойда бірге жүрер,
Тар кезең жүрер болсаң бөтен жолмен.
Болса егер екі құрбы жерден ауған:
Бірі оқу, бірі малға ауаланған;
Өнерлі жөнін табар, надан өлер –
Таусылып, таба алмай пұл аларға нан...
Сол үшін ғылым артық – шамалаймын,
Малдан да өнерді артық бағалаймын.
Заманның осы күнгі қалпын андап –
Адамды малға сенген табалаймын»⁶.

⁶Өтетілеуов Б. Шығармалар. 54–56 б.

Поэтому мы не отойдем от истины, если скажем, что впервые пламенную аргументацию в пользу научной деятельности Умирзак Махмутович услышал от своего наставника в далеких 1947–1948 годах, то есть за четыре года до окончания школы.

В учебном заведении отменно преподавался казахский язык и литература. Прежде всего, это плод усилий директора школы в 1947–1951 годах, заслуженного учителя республики, кавалера орденов Ленина и Трудового Красного Знамени Ахметказы Чутаева (1902–1992), молодого выпускника Уральского учительского института Бекежана Исенгазиева. Стараниями последнего все ученики уже начальной школы на память знали (а отвечали они стоя спиной к доске) местонахождение любой буквы алфавита.

В послевоенные годы учебные планы казахских школ обязательно включали дисциплины русского языка и литературы. Вел их в Кара-Обе по совместительству в 8-м классе Чутаев и преподавал при этом весьма своеобразно. Так как, по понятным причинам, на селе полностью отсутствовали учебники и хрестоматии, любая художественная литература на русском языке в нужном количестве, то требовалось найти нестандартный выход из этой ситуации. Ахметказы-аға по наитию практика с большим жизненным опытом поступал так: вначале он сам конспектировал тему учебного плана, затем ученики слово в слово переписывали тексты и заучивали их наизусть. Но этим дело не ограничивалось: учитель требовал знания синонимов русских слов и выражений на казахском языке, для чего большим подспорьем служил примерный русско-казахский словарь, разработанный Чутаевым

по каждой теме. Эффект от этой методики преподавания выпускники школы ощутили после поступления в вузы, где они не испытывали затруднений при слушании лекций на русском языке и довольно быстро осваивались в русскоязычной среде. В старших классах эстафету продолжила опытный русист Анна Степановна Попова, обогатившая знание казахской молодежью лексики «великого и могучего». Как следствие, впоследствии творческая интеллигенция, особенно гуманитарная, поражалась не только глубокой эрудиции Умирзака Махмутовича, но и его совершенному владению родным и русским языками, знанию национальной и мировой классической литературы, фундамент которой был заложен в школе.

Третьей языковой дисциплиной был немецкий. Вел предмет выпускник Сталинградского педагогического института Иван Федорович Фишер, затем преподавание продолжила выпускница Кустанайского учительского института Сусанна Ивановна, полька по национальности. Овладению программой, а главное постановке правильного произношения, помогало наличие пусть и ограниченной языковой среды, поддерживаемой на бытовом уровне переселенными в Урицкий район немцами Поволжья, а таковых насчитывалось 2369 человек⁷. В данном случае не можем удержаться, чтобы не привести такой примечательный факт: после поступления в 1953 году в Казахский го-

⁷Алексеев М.А. История депортации немцев по документам государственного архива Кустанайской области URL: http://kostanay1879.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1007&Itemid=51.

сударственный университет сразу нескольких выпускников Кара-Обинской школы заведующий кафедрой немецкого языка Осип Яковлевич Бергер (1906–?), принимавший вступительные экзамены, был настолько поражен качеством преподавания языка в ауле и поставленному произношению, что по его настоянию, ректорат университета отправил в Кара-Обу специальное благодарственное письмо преподавателям немецкого языка.

Одним из любимых предметов Султангазина стала химия, особенно его завораживала магия химических реакций и стройная логика преобразуемых формул. Занятия вел тогда еще не имевший законченного высшего образования строгий по натуре директор школы Кобжасар Айтжанов (1925–1988), причем так обстоятельно, что ученики учили периодическую таблицу элементов Д. Менделеева... наизусть и спустя десятилетия помнили атомную массу элементов, количество электронов, их химические свойства.

Но более всего Умирзака влекла математика, которую увлеченно преподавали Нурым Толеубаев (5–7 классы), а с 1951 года – бывший фронтовик, окончивший Кустанайское педагогическое училище, Мырзагали Карсакбаев (1918–1999).

Сверх учебной программы в школе функционировали разнообразные факультативы. В частности, А. Чутаев руководил кружком рисования и лепки, ибо сам неплохо рисовал и ваял, а один из его любимых учеников по Мендыгаринской семилетке Хакимжан Наурызбаев станет впоследствии первым казахом – профессиональным скульптором, народным художником Казахстана, лауреатом Государственной премии и

престижной независимой премии «Тарлан», автором памятников, без которых невозможно представить Алма-Ату – Абаю Кунанбаеву на пересечении улиц Достык и Абая, Чокану Валиханову напротив величественного здания Академии наук, Джамбулу Жабаеву в сквере возле оперного театра. Однако не судьба была Умирзаку стать художником: его первый экспромт по лепке оказался и последним. Обычно дети лепили из белой глины, изобиловавшей в окрестностях, головы людей, преимущественно известных, и Султангазин выбрал наиболее растиражированный образ Максима Горького. Когда же он с гордостью принес в класс свое «творение», бойкая на язык одноклассница Райхан Мейрманова безжалостно раскритиковала его, найдя абсолютное сходство не с альбатросом революции, а с отцом односельчанки Жабатаевой. После этого эпизода художественное влечение у него испарилось само собой, но дав взамен превосходный повод академику позже подшучивать над своей супругой – той самой Райхан, дескать, она сама виновата в том, что не стала женой художника. Но, несмотря на явный технический уклон предпочтений Умирзака, юноша не сторонился гуманитарных проектов. Так, он играл главную роль в школьном спектакле «Мұзбалақ».

Как можно заключить из приведенного выше обзора Кара-Обинской школы и состава педагогического коллектива, отменное качество преподносимых знаний не определялось наличием у педагогов дипломов о высшем образовании и развитости материально-технической базы учебного заведения, а в определяющей степени зависело от отношения учителей к любимому делу, их фанатической предан-

ности профессии и любви к детям, ответственности перед обществом. По сути дела, можно говорить о классическом среднем образовании, полученном будущим академиком, естественно, с приложением существенных усилий и наличии явной тяги к знаниям. Здесь напрашивается ремарка следующего содержания: неустанное внимание государства к системе просвещения дало свои плоды в 40–50-е годы, когда наблюдался расцвет национальных школ, более того, не было абсолютно никакого разрыва между уровнем подготовки в аульной и городской школах. В подтверждение сказанного сошлемся на аульное происхождение подавляющей части национальной элиты второй половины XX столетия. Нельзя не отметить и высокий престиж школьных педагогов послевоенной поры. Совсем не случайно государство высоко оценивало труд учителей, осуществлявших поистине «культурную революцию» в стране. В частности, практика поощрения педагогов за обучение и воспитание молодой смены строителей социализма предусматривала в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 февраля 1948 года награждение их орденами и медалями СССР за выслугу лет и безупречную работу при следующем непрерывном стаже педагогической работы:

- 10 лет – медалью «За трудовое отличие»,
- 15 лет – медалью «За трудовую доблесть»,
- 20 лет – орденом «Знак Почета»,
- 25 лет – орденом Трудового Красного Знамени,
- 30 лет – орденом Ленина.

Не будет преувеличением сказать, что в то время учителя на селе являлись, в полном смысле этого сло-

ва, носителями культуры. Чего стоили, к примеру, манеры Ахметказы Чутаева – интеллигента чистейших кровей от рождения с величавой походкой аристократа. Он всегда был безукоризненно одет в опрятную без пылинки одежду, белоснежную рубашку, вежлив с учениками, весьма начитан и энциклопедически «напичкан» знаниями, имел великолепные задатки к рисованию и лепке. Естественно, все дети той поры мечтали быть похожими на своих учителей, кумиров сельского общества.

Так быстротечно проходили учебные годы Умирзак в их небольшом и дружном классе из девяти учеников, пятеро из которых относились к сильному полу. Не по годам рассудительный и аккуратный во всем Султангазин с четвертого класса являлся бессменным старостой коллектива. Дети стойчески переносили трудности и лишения: учились без света, учебников, тетрадей. Писали на чем придется – старых газетах, книгах, клочках бумаги и чем придется – в основном, это были самодельные ручки-каламы из стебля камыша, кончик которого срезался под углом и делалась продольная бороздка. Подобием чернил была черная сажа, прилипшая к стенкам печи, разведенная в воде. Случалось, она замерзала в холодном классе, тогда ее отогревали за пазухой. Но одновременно были и более прозаические трудности: так, из-за отсутствия одежды и обуви в годы войны не посещали школу в Урицком районе 512 учащихся из общего контингента в 1762 детей⁸.

⁸Костанайская область: страницы истории (1936–2006 гг.). Сборник документов. С. 171–172.

Однако жизнь ребенка, потом подростка, не замыкалась рамками школы. С малолетства он видел, как добросовестно трудились родители в колхозе, специализировавшемся на животноводстве и неполивном земледелии, знал цену хлеба насущного. Умирзак и сам приобщался к труду: ухаживал за скотом, собирал масак — колоски, во время уборки хлеба помогал на токе. Практически всю войну, особенно на каникулах, он работал в колхозе на пару с отчимом, познав все виды тяжелого физического труда в ауле. Или же в те годы была распространена практика участия пионеров в выращивании молодняка, вот и наш герой, любивший животных, взялся ухаживать за жеребенком из колхозного табуна. В школе же давней традицией являлся регулярный полив детьми пришкольного участка водой из озера, когда пацаны без перерыва таскали тяжелые ведра. Ну, а в уборочную страду те же школьники непременно выступали помощниками взрослых. Так, по воспоминаниям супруги, маленьким девочкам на токе поручали насыпать зерно при помощи кружек в ведра, которые относили мальчики или кто постарше. Командовал школьниками бригадирствовавший аксакал Исмухамбет. На долю Султангазина-младшего выпало отвозить зерно с поля на ток. Ему выделили телегу, запряженную парой изможденных волов, которые еле-еле тянули груженую повозку. Поближе к месту назначения навстречу им выходили старшеклассники, разгружавшие подводу. И опять малец ехал по привычному маршруту: поле — ток — поле.

А если выпадала свободная минутка от учебы и работы по хозяйству, то ребятню манило близлежащее озеро для купания, и, кстати, Умирзак неплохо плавал.

Как и все, рыбачил и зимой, и летом. У детворы военных лет было еще одно увлечение с практическим уклоном — это ловля степных сусликов, прозванных в народе саршұнак. Их шкурки с мягким и теплым мехом охотно скупали у населения заготовители, а это, как никак, лишняя копейка в семейном, если так можно сказать о благосостоянии колхозников, бюджете. С другой стороны, данный «промысел» дал возможность хорошо понять биологические механизмы, что ох как пригодилось будущему президенту Академии наук при общении с учеными-естественниками.

Но раз мы затронули тему детских воспоминаний о войне, то назовем самые памятные моменты, запечатленные в виде тезисов Умирзаком Махмутовичем в трехстраничном проспекте так и ненаписанных мемуаров, который бережно хранят в семье.

Эпизод первый. Жил в ауле удачливый охотник и мастер на все руки Ахметолла-аксакал. Дело всегда спорилось у него, на загляденье выходили изготовленные им поделки. Все от мала до велика восторгались сконструированной им небольшой домашней мельницей, которую приводила в действие сила ветра. У него же дома мальчик впервые увидел старую книгу, написанную на основе дневников известного путешественника Николая Пржевальского, проиллюстрированную многочисленными рисунками, запавшими в душу.

А как разыгралось воображение мальчика после увлекательного рассказа жены брата отчима Кульзапран о своем долгом странствовании с мытарствами до Владивостока, куда она добиралась поездами по Транссибирской магистрали через неведанные аульчанам тоннели, а далее плавании на пароходе до Ха-

баровска. Дело в том, что ее муж Ашим был необоснованно осужден в страшном 1937 году и сослан в лагерь на край земли, откуда так, в конце концов, и не вернулся. И простая казахская женщина отважилась поехать на его поиски, дело вообще немыслимое даже по современным меркам.

Событие третье. Довелось Умирзаку и непосредственно поучаствовать в сватовстве своего бывшего учителя из Карачилика Кауеза Тажмакина в качестве младшего члена делегации. Тогда, зимой 1945 года, его взяли с собой в поселок Вишневку, где жили сваты. Ехали с помпой на санях, мчась по заснеженным степным просторам.

Окончание войны пришлось под занавес второго учебного года. В памяти запечатлелось, как узнали в районе о долгожданной Победе. 9 мая по райцентру и аулам разъезжала полуторка с красным знаменем и с нее население Кара-Обы оповещали о митинге на площади рядом со школой, благо там сохранилась старая трибуна. Здесь они и услышали долгожданную весть, во имя которой из района на фронт ушли 3820 земляков, из которых 2100 человек пали смертью храбрых на поле брани⁹, а высокого звания Героя Советского Союза удостоились сапер Максим Ильич Собко (1908–1943), танкист Сергей Георгиевич Амеличкин (1919–1981) и разведчик Василий Семенович Грушко (1923–1979). Потом уже, по прошествии лет Умирзак Махмутович осознает, что все-таки представители

⁹Стародуб В.В. Сарыколь. Костанай, 2014. С. 59; Боздактар. Костанай облысы – Книга Памяти. Костанайская область. Т. 5. Алматы, 2000. С. 242.

его поколения – счастливчики по сравнению с предшественниками, которых подчистую выкосило в огне Второй мировой войны. Они же пережили военное лихолетье в тылу, пусть и с трудностями. Очевидно, это острое неприятие войны вообще, осознанное чувство долга за безопасность страны в ядерную эпоху будут мощной мотивацией Султангазина в период работы над тематикой по переносу излучения, которая, безусловно, имела двойное назначение.

Так он рос и вырос, разительно отличаясь от сверстников творческим отношением к учебе и философским – к жизни. Он никогда не являлся приверженцем зубрежки, предпочитая досконально разобраться в любом вопросе. Возьмем, к примеру, литературу, где очень часто требовалось выучить стихотворение. Особенность склада ума Умирзака заключалась в преобладании логического начала, процесса осмысления над механическим запоминанием. Во всем он искал смысл, поэтому и в стихах прежде всего старался понять их содержание, не пленяясь красивой рифмой. Даже играя в излюбленную забаву аульной детворы – ак сүйек (это когда ночью игроки, разбившись попарно, ищут в степи брошенную белую кость овцы), его больше интересовало звездное небо, и он искал объяснение эффекту близости небосклона и отдаленности звезд. Его взор фиксировал яркость звезд в глубокой ночи, кажущуюся беспредельность небосвода, низко нависшие облака, мерцающие звезды... и он, крохотная точка в этой вечной системе природных координат. Нам не объяснить, почему он любил так наблюдать за изменениями в природе, вглядываясь вдаль, за линию горизонта. А уже потом в школе следовала череда во-

просов наставникам, обескураженным чрезмерной любознательностью ученика, ищущего ответы на загадки мироздания. Осмелимся сделать такое предположение: возможно, из-за созерцания бескрайних открытых пространств степи и бездонного неба над головой, буквального единения человека с природой всем детям степняков присуща склонность к математической абстракции и эмпирическому наблюдению естественных явлений.

Скорее всего поэтому, ему была близка физика, отсюда и любовь к шахматным комбинациям, рисованию. Одноклассники вспоминают случай, относящийся по времени к пятому классу. На уроке географии проходили тему «материк Америка». Прослушав рассказ учителя, Умирзак неожиданно спросил: «Ага, если я буду копать здесь, то тогда выйду в Америке?». Ребята, естественно, рассмеялись над нелепым, на их взгляд, вопросом, но учитель вполне серьезно ответил, что, в принципе, он прав, земля круглая и, если бы такое бурение было осуществимо, так и получилось бы. И позднее Султангазин не раз ставил в тупик своих педагогов вопросами, явно выходящими за пределы учебной программы, порой спорил с ними, отстаивая собственную точку зрения.

Ему невероятно повезло, что ему встретился в жизни такой удивительный наставник, упоминавшийся выше Мырзагали Карсакбаев. У него была трудная судьба. Уроженец Орджоникидзевого района области (ныне Денисовский), он после окончания местного педучилища поступил в 1939 году на физико-математический факультет Уральского педагогического института, но, по причине материальных затруднений,

вынужденно оставил учебу. Полтора года учительствовал на Кустанайщине и в июле 1941 года ушел на фронт. Показал чудеса отваги, дошел до предместий Берлина, где получил тяжелое ранение, приведшее к инвалидности. Демобилизовавшись, он два года учится в Кустанайском учительском институте, с 1947 учебного года преподает физику и математику в Джетыгаринской школе. В течении пяти лет, начиная с августа 1948 года трудится завучем и ведет математику в КараОбинской школе. Требования времени поставят перед ним задачу получить высшее образование и в 1959 году он заочно окончит Кустанайский педагогический институт. В общем, он отдаст педагогике 40 лет самоотверженного труда и к воинским наградам — орденам солдатской Славы III степени и Отечественной войны II степени — добавятся несколько медалей, Почетная грамота Президиума Верховного Совета Казахской ССР, звание Заслуженного учителя республики. Он воспитает целую плеяду математиков, среди которых два доктора и восемь кандидатов физико-математических наук, много инженеров и достойных специалистов народного хозяйства.

За урок Мырзагали-ага успевал поставить по две отметки, так было и в классах с 30 учениками: одна — за домашнее задание, другая — за решение задач по новой, только что озвученной теме. В кармане рабочего костюма учителя всегда присутствовал мел — голубой, белый и цветной, который использовался для наглядности изображений. Первое время аульчанам было непривычно, что учитель чертил геометрические фигуры где угодно — на черной материи, что на прилавке в местном магазине (к негодованию продавца),

на входной двери своей квартиры, обитой дерматином. Им часто практиковалось использование вместо школьной доски проезжей части грунтовой дороги, тем более, машины тогда были редкостью. А если таковая появлялась на горизонте во время импровизированных дополнительных уроков на открытом воздухе, то водителя просили объехать начертанные палочкой изображения трапеций, квадратов и треугольников. Карсакбаев не устал объяснять непонятные теоремы и задачи во внеурочное время, практически вся его жизнь была нескончаемым уроком мудрости, терпения и доброты. Дорогой читатель, поспешим развеять возможно появившееся у нынешней молодежи суждение, что Карсакбаев занимался с учениками репетиторством. Отнюдь нет, это был бескорыстный поступок-порыв педагога, поддерживавшего в учениках стремление к работе над собой, тягу к знаниям.

Небольшого росточка, энергичный, приветливый, но справедливый и строгий донельзя учитель создал в классе удивительную атмосферу погружения в свой любимый предмет, вовлекая учеников в решение задач на скорость, соревнуясь друг с другом. В 8–10 классах Карсакбаев комплектовал группу в составе Умирзака, Райхан Мейрмановой, Ануара Калиева и Жайсанбека Молдагалиева, с которыми дополнительно занимался по программам поступающих в МГУ. Ребята от корки до корки прорешали сборник конкурсных задач по математике с анализом характерных ошибок, которые предлагались на приемных испытаниях в московские вузы. Интересно, что до сих пор этим задачником, равно как и другими пособиями того же автора – Петра Сергеевича Моденова, пользуются в системе выше-

го образования стран СНГ. Как говорили специалисты, Моденов являлся абсолютным авторитетом для абитуриентов Московского университета, столичных физико-технического и инженерно-физического институтов, а по мнению людей, знавших его, это был «эрудированный и исключительно красиво мыслящий человек, причем не только в математике». По воспоминаниям одноклассников, Умирзака Махмутовича уже тогда отличали системность и взвешенность, свойство не поддаваться эмоциям и думать над вариантами поиска истины. Его голова была постоянно забита решением математических задач и головоломок. Особенно ему удавались пространственные задачи на стыке геометрии и тригонометрии, что ему пригодится во время подготовки докторской диссертации.

Нам же важна следующая констатация: уже в выпускном классе Умирзак осознанно говорил, что будет математиком, в этом он видел смысл своей жизни. Решение принято, осталось перейти рубикон:

Моя альма-матер – КазГУ

Нам важен ответ на вопрос: «Как можно расценить твердое желание 16-летнего юноши стать математиком?». Однозначно можно сказать, это не было сиюминутным решением Умирзака. Он полюбил математическую культуру и стиль мышления, красоту и логику доказательств, данная дисциплина не просто заинтересовала, а безраздельно овладела им. К тому же наличествовали природные наклонности – острота и пылливость ума, феноменальная память, неумный интерес к природным явлениям, которые, безусловно, были развиты бесподобными учителями-наставниками. И напротив, душевный настрой Султангазина не испытывал тяги к публичной активности, особенно к политике и идеологии, сопутствующим им гуманитарным профессиям, особенно в тягостной атмосфере послевоенного общества. Не будем забывать, что на дворе 1953 – год смерти советского вождя. Ведущим трендом, характерным для сего времени, становятся (и это уловили представители талантливой молодежи) технические специальности. Во многом бум на техническое знание обусловили успехи в освоении ядерного оружия, ядерной энергетики, ракетной техники, размах промышленных новостроек. Именно поэтому возросла конкуренция при поступлении на физико-мате-

матические факультеты вузов. Так, в если в 1953 году конкурс на физико-математический факультет КазГУ составлял четыре человека на место, то на следующий год – восемь, в 1955 году – 15 человек.

До окончания школы оставался один шаг, предстояла череда выпускных экзаменов. Строгие и по-своему обоснованные правила тех лет, вытекавшие из повышенных государственных требований к качеству преподавания и оценивания, предписывали десятиклассникам тех школ, педагогический состав которых, в основном, составляли кадры из учительских институтов (а это не считалось высшим образованием), сдавать итоговые экзамены особой комиссии, комплектуемой сплошь из выпускников педагогических институтов и университетов. Таким базовым учреждением по Кустанайской области являлась школа имени Джамбула (ныне имени Алтынсарина), имевшая интернат, что было весьма кстати для иногородних учащихся сельских школ.

Двенадцать выпускников из двух классов Кара-Обинской школы сдавали экзамены по установленному графику особняком, и им досталось послеобеденное время – два часа дня. От решения экзаменационной комиссии зависело многое: во-первых, это совокупная оценка труда учительского коллектива школы, во-вторых, она была правомочна решать такой немаловажный вопрос: достоин ли выпускник аттестата особого образца с вручением золотой или серебряной медали.

В данном случае не обойтись без справочной информации. Вероятнее всего, относительно золотой медали у современных читателей вопроса не возникает, а вот статус обладателей серебряных явно нужда-

ется в пояснении. В СССР школьные медали были введены правительственным решением сразу после окончания войны, постановлением Совета Народных Комиссаров от 30 мая 1945 года. Упомянутые медали первоначально изготавливались соответственно из золота 583 и серебра 925 пробы, имели стандартные надписи: «За отличные (хорошие) успехи и примерное поведение» на национальных языках союзных республик. Серебряной медали удостоивались выпускники, прошедшие государственную (итоговую) аттестацию, имевшие при этом полугодовые, годовые и итоговые отметки «отлично» и не более двух отметок «хорошо» по общеобразовательным предметам учебного плана. Аттестат обладателя серебряной медали оформлялся с серебряным тиснением. Награжденные школьными медалями поступали в вузы без сдачи вступительных экзаменов.

Мы остановились на этих процедурных моментах потому, что из кара-обинцев 1953 года выпуска Райхан Мейрманова являлась кандидатом на золотую, Султангазин, Ануар Калиев и Жайсанбек Молдагалиев – серебряную медали.

Экзамены принимались не предвзято, но, можно сказать, придирчиво, требования к выпускникам казахских школ были действительно высокие. Об этом красноречиво свидетельствуют такие факты. Так, среди 97 лучших учеников из разных уголков области, представших перед комиссией, оценку «отлично» по русскому языку получила одна Райхан Мейрманова. Или же четверем претендентам на медали из Кара-Обы выпало решать по математике один и тот же вариант, но заметьте – на суд экзаменаторов попали че-

тыре правильных решения, выполненных разными способами, за что комиссия решила снизить итоговую оценку, опять же всем, на один балл.

25 июня экзамены были успешно сданы, ребята вернулись в аул. На следующий день выпускники собрались дома у одноклассницы Зияды Есенгазиной, где отмечалось рождение ее брата. Во дворе установили казахские качели алтыбакан, пели песни, делились планами. Честно говоря, самооценка парней и девчат, полностью уверенных в своих силах и полагавшихся на полученные знания, была адекватна реальному положению вещей, и они были готовы поступать без поблажек в любые высшие учебные заведения, в том числе центральные. Но существовал и довлел тогда материальный фактор: следовало учитывать экономические возможности своих семей, признаться, весьма ограниченные. Только поэтому четверо из девяти одноклассников Умирзака, а они были старше по возрасту, росли в многодетных семьях или были сироты, решили остаться дома и попытаться счастья в местном техникуме. Так, к примеру, расстались с планами получить профессию математика подававшие большие надежды Кайдар Адырбаев и Хамитжан Кокышев из колхоза «Кзыл Аскер». Оставшаяся пятерка решила ехать в Алма-Ату, хотя перед этим Умирзак и Ануар Калиев намеревались поступать в Челябинский политехнический институт, недавно преобразованный из местного механико-машиностроительного института, однако, в конце концов, поддались уговорам друзей держаться и поступать вместе. Было еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, подтолкнувшее Султангазина к данному выбору: вот уже несколько лет

как он питал нежные чувства к однокласснице Райхан, они были знакомы, можно сказать, с пеленок. Со временем это светлое и чистое чувство крепло и, как покажет время, оно было взаимно.

30 июня настало время прощания со школой. Выпускникам торжественно вручили аттестаты, учителя произнесли искренние напутственные слова. В аттестате Умирзака Махмутовича из 16 предметов только по трем значились четверки – по русскому языку и русской литературе, немецкому языку, остальные – все пятерки. И напоследок, выпускники по давней традиции тайком пробрались на чердак школы и на стропилах вырезали ножом или процарапали гвоздем свои автографы. Среди прочих осталась и фамилия Султангазина.

Впереди их ждала новая жизнь, полная неизвестности, но молодости неведомы преграды, ожидания, как всегда, максималистские, оптимизм зашкаливает. Что касается характеров и взглядов на жизнь тогдашних выпускников кара-обинской школы, то всех их отличали целеустремленность, обостренное чувство справедливости и гуманизма. Вместе с тем, это не были представители инфантильной молодежи, а ментально взрослые люди с устоявшимися представлениями, знавшие цену добру и злу, испытывшие на себе жизненные и материальные невзгоды. К тому же они имели основательную подготовку, поскольку в школе им преподавали предметы с такой доскональностью, как будто именно по этой специальности они будут учиться в дальнейшем. Умирзак и упоминавшиеся ранее Ануарбек, Райхан и Жайсанбек решили поступать на физико-математический факультет Казахского

государственного университета имени С.М. Кирова, а Капар Галиев – попытаться стать студентом филологического факультета Казахского педагогического института имени Абая.

Путь в столицу Казахстана оказался неблизкий, и добираться пришлось целую неделю. Доступным по карману средством передвижения оказался поезд, так называемый жесткий плацкарт со сплошь деревянными полками. Прямого железнодорожного сообщения между Кустанаем и Алма-Атой тогда не существовало, и был выбран безальтернативный объездной маршрут с излишним «крюком»: Челябинск – Петропавловск – Омск – Новосибирск – Рубцовск – Семипалатинск – Алма-Ата. На практике это выглядело так: вагоном специального назначения сначала добирались с попутным поездом до Челябинска, и через некоторое время его прицепляли к проходящему составу до Новосибирска, где он вновь отцеплялся и ждал в тупике попутного поезда до Алма-Аты. Без пяти минут абитуриенты впервые в жизни отправлялись так далеко от дома самостоятельно, но благо – в компании верных друзей. В светлое время суток выходцы из аула любовались сменяющимся пейзажем за окнами вагона, заметно оживая при виде городских картинок. Скоротать дорогу могли бы неторопливые застолья с разговорами, но, увы. Что могли дать родные им в дорогу? Скучный сухой паек был однообразен и состоял из домашнего масла и талкана – национального продукта из обжаренной пшеницы, измельченной в муку. Да, еще имелся бесплатный кипяток в вагоне у проводника. Были, конечно, и деньги, но самая малость, рассчитанные на первое время. Их следовало экономить – кто знает, как

все сложится. Но вот незадача, во время остановки на оживленном вокзале Новосибирска, когда проходящего поезда пришлось ждать более полусуток, искусные воришки похитили с трудом собранные деньги у заснувших в зале ожидания Умирзака и Ануара, срезав накладные карманы с их содержимым на пиджаках. Пришлось довольствоваться общим «котлом», полагаясь на поддержку товарищей. Так уж сложится, что впоследствии Султангазин не раз будет путешествовать на этом прицепном вагоне в незабываемые годы студенчества.

Наконец, добравшись до места назначения, измученные ребята сдают документы в приемную комиссию университета. К их огорчению, выясняется, что именно в этом году кардинально изменились предпочтения абитуриентов и конкурс как таковой образовался только на физико-математическом и химическом факультетах КазГУ. А впереди им предстоял настоящий марафон из восьми (!) экзаменов: математика (письменно и устно), немецкий язык, физика, химия, русский язык (грамматика и сочинение), литература.

Отличная подготовка к экзаменам и годы упорной учебы, уверенность в своих силах не прошли даром, и он удачно, также как и его друзья, легко прошел через горнило вступительных испытаний. В данном случае показателен казус, произошедший с Султангазиным во время письменного экзамена по математике. Задания для абитуриентов писали тогда на доске в аудитории, причем для казахских групп преподаватели сами «онлайн» переводили условия заданий с оригинала на русском языке. При этом кто-то из педагогов допустил некорректный перевод условия задачи по геометрии

с тригонометрическими функциями. Наш герой благополучно справился со всеми заданиями, за исключением одного, упомянутого выше. Поразмыслив, он пришел к выводу, что неправильно сформулировано условие задачи и посему нет решения. Приподнявшись, Умирзак озвучил свое мнение дежурившему в аудитории экзаменатору. Оскорбленный доцент Н. (он позже преподавал ему некоторые предметы) не воспринял претензию «дерзкого», на его взгляд, абитуриента и в ответ пригрозил: «Смотри, выгоню с экзамена». Как выяснилось позже, Султангазин был абсолютно прав, и задача не решалась при данных условиях. Однако, приемная комиссия, не желая признаваться в допущенной ошибке и тем самым нанести урон собственному имиджу, поставила Умирзаку четверку, которая оказалась единственной среди сплошь отличных отметок. Заметим, что никто из абитуриентов в аудитории, кроме «возмутителя спокойствия», не осмелился сказать преподавателям про ошибку в задаче.

Итак, достойно выдержав вступительные экзамены в вуз, наш герой стал первокурсником и осознанно переступил порог удивительного мира царицы наук – математики.

Здесь мы нарушим хронологию повествования и вкратце поведаем о дальнейшей судьбе попутчиков Умирзака. Ануар Калиев стал неплохим математиком и по распределению вернулся на малую родину, долгие годы трудился директором школы в Урицком районе, став отличником образования республики. Жайсанбек Молдагалиев – неординарный человек разносторонних способностей и дарований, закончил (причем хо-

рошо) первый курс физико-математического факультета, а затем добровольно перевелся с потерей курса на филологический факультет КазГУ. Юноша, еще в школе писавший пьесы и рассказы, выбрал-таки любимую стезю, став успешным писателем, кандидатом филологических наук. Его перу принадлежат повести «Сокровище сердца», «Лето игривое», роман-дилогия «Тургайские напевы», сборники рассказов и повестей «Имя твое дорого», «Целинники», «Млечный Путь», роман «Первый звонок». Капар Галиев получил диплом филолога, учительствовал на Кустанайщине, работал в партийно-советских органах. А неоднократно упоминавшаяся Райхан Ганиевна Мейрманова стала музой и верной спутницей жизни, матерью троих детей нашего героя.

Считаем целесообразным вкратце обрисовать состояние математической науки в Казахстане к началу 50-х годов, сознательно избежав модного экскурса в средневековую историю математических знаний, связанную с именами Мухаммада ал-Хорезми, Габбаса ал-Джаухари, абу Насра ал-Фараби и других ученых древности.

XX век по праву считается временем зарождения математической науки в Казахстане.

Прежде всего, как ответ на злобу дня, следует расценивать разработку терминологии и появление первых учебных пособий по математике на казахском языке. Примечательно, что к их созданию приложили руку колоритные представители первого поколения национальной интеллигенции, осознававшие необходимость просвещения народа. В частности, поэт и один из лидеров национально-освободительного движения

Миржакып Дулатов написал пособие по арифметике (1922), студент Томского технологического института, будущий академик АН СССР К.И. Сатпаев в 1919–1924 годах трудился над первым учебником алгебры для школы. По словам Каныша Имантаевича, «все эти мои занятия, как по составлению учебника алгебры на казахском языке для средней школы, так и по изучению материалов казахского фольклора, не отражались сколько-нибудь отрицательно на моей успеваемости в Технологическом институте, – я в те годы, будучи молодым, просто трудился несколько больше, чем это требовалось от рядового студента»¹. Упомянутая рукопись учебника объемом в 1642 страницы так и не увидела свет при жизни Каныша Имантаевича: ее издали спустя 85 лет в Евразийском университете².

В 20–30-е годы математика преподается как самостоятельная дисциплина в немногочисленных еще высших учебных заведениях: физико-математические факультеты или отделения были открыты в КазПИ, КазГУ, Уральском и Семипалатинском педагогических, Чимкентском, Петропавловском и Кустанайском учительских институтах. Также ширится круг специалистов, получивших образование в университетах Москвы, Ленинграда и Ташкента, что продолжило традицию, заложенную в дореволюционный период. К примеру, житель города Верного Исхак Дюсенбаев (1887–1912), придерживавшийся социал-демократических взглядов, в 1907–1911 годах учился на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского

¹Академик К.И. Сатпаев: Из писем и заметок. Алматы, 1998. С. 61.

²Сатпаев К.И. Алгебра. Окулык. Астана, 2009. 442 б.

университета. Аналогичный факультет, но только Московского университета, окончил известный деятель национально-освободительного движения Салимгерей Сейтханович Жантурин (1864–1920).

О качественно новом уровне математической науки свидетельствовало появление первых казахов – обладателей научных степеней и ученых званий.

Прежде всего, это первый профессор математики Алимхан Абеуович Ермеков (1891–1970) – выпускник Томского технологического института, входивший в число основателей партии «Алаш» и руководителей Алаш-Орды, что явится причиной его трех арестов и непрекращающегося политического прессинга до последних дней жизни. Он преподавал математические дисциплины в Казахском педагогическом институте, заведовал кафедрами математики в Алма-Атинском ветеринарно-зоотехническом, Казахском горно-металлургическом, Куйбышевском плановом и Чимкентском технологических институтах. Его перу принадлежит учебник по высшей математике и книга о математических терминах на казахском языке (оба 1935 года издания), работы в области математической статистики и теоретической механики.

Первым кандидатом физико-математических наук стал Ибадулла Акбергенов (1907–1938), уроженец Сузакского района Южно-Казахстанской области³. Путь к диплому педагога-математика – так тогда называлась эта специальность, занял годы учебы в Казахском ин-

³См.: Архив Казахского национального университета им. аль-Фараби. Ф. 1352. Оп. 1. Д. 60; Ахметжанова А. Судьба ученого – следствие имперской политики Советского государства // Вестник КазНУ. Сер. историческая. 2012. № 1(64). С. 175–179.

ституте просвещения и Казахском педвузе в Ташкенте (1923–1927), а в 1928–1931 годах – на физико-математическом факультете Средне-Азиатского государственного университета.

Как следует из материалов его личного дела, в 1932 году Акбергенов поступил в аспирантуру в САГУ и был прикомандирован для подготовки диссертации в Ленинградский университет. В 1935 году в городе на Неве проходит публичная защита кандидатской диссертации, которую профессора Владимир Иванович Смирнов (впоследствии академик АН СССР, лауреат Сталинской премии), Григорий Михайлович Фихтенгольц (один из основателей ленинградской математической школы) и Леонид Витальевич Канторович (позже академик, лауреат Нобелевской премии 1975 года и Сталинской премии) признают хорошей. Тема диссертации была посвящена приближенным методам высшего анализа методом Нистрема, которая, по мнению упоминавшегося корифея мировой математики Канторовича, носила пионерский характер⁴. Им были опубликованы три работы об интегральном уравнении Фредгольма, апробированные на II Математическом съезде в Ленинграде в 1934 году. 23 апреля 1936 года квалификационная комиссия Комитета по заведыванию учеными и учебными заведениями ЦИК СССР утвердила А.И. Акбергенова доцентом по кафедре математики и кандидатом математических наук. Затем талантливый ученый, желая принести пользу республике, переводится в КазГУ,

⁴См.: Канторович В.Л. Мой путь в науке (Предполагавшийся доклад в Московском математическом обществе). URL: <http://dha.spb.ru/PDF/-Kantorovich.pdf>. С. 12–17.

где проработает заведующим кафедрой математики вплоть до ареста органами НКВД в марте 1938 года.

Заслуживают также быть упомянутыми известный ученый-алгебраист, впоследствии член-корреспондент АН Казахской ССР Базарбай Мамбетович Уразбаев, окончивший Ленинградский университет (1935), внесший большой вклад в подготовку национальных кадров в стенах КазПИ, выпускники МГУ 30-х годов математики Мендыбай Сатбаев, Карим Игенов, Аскар Закарин, Отельбай Жумабаев, Садуакас Бокаев и Сагнай Аяпбергенов (к сожалению, трое последних стали жертвами необоснованных сталинских репрессий).

Для периода становления инфраструктуры и формирования кадров математической науки в Казахстане характерна частая практика приглашения специалистов из других регионов Советского Союза, как для чтения лекций, так и постоянной работы. В основном, данная ротация кадров давала положительный эффект. Например, после переезда в республику для работы в КазГУ профессор Казанского университета Константин Петрович Персидский, избранный позднее действительным членом Академии наук Казахской ССР, три десятилетия плодотворно трудился на ниве образования и науки, положив начало комплексному изучению в СССР одного из разделов современной математики – теории бесконечных систем дифференциальных уравнений, а также теории устойчивости, теории вероятностей, создал собственную научную школу. Благоприятное влияние Персидского испытали многие казахстанские математики, в том числе выпускник КазПИ 1934 года и аспирант ЛГУ, автор ряда фундаментальных работ Орынбек Ахметбекович Жаутыков, который позже стал крупным организатором

науки, доктором физико-математических наук (1961), академиком АН Казахской ССР. Также оказался тернист путь в науку выдающегося ученого в области математической логики, топологии и теории моделей, академика Асана Дабсовича Тайманова, в 1936 году окончившего Уральский пединститут и потом аспирантуру Московского педагогического института. И так можно сказать практически о каждом представителе еще немногочисленной казахской научной интеллигенции 30-х годов, получивших бескорыстную интеллектуальную подпитку русского мира.

Размеренный ритм научно-образовательной помощи научных центров РСФСР Казахстану изменила война, ускорившая процесс интернационализации общественной жизни во всех сферах, включая культурное развитие. В эвакуации в далеком тылу оказался цвет советской науки, ряд академических институтов и высших учебных заведений, что, безусловно, обогатило научный потенциал республики, способствовало повышению квалификации ученых-математиков.

И все же наиболее значимым событием в организации науки явилось открытие в 1945 году Сектора математики и механики при Казахском филиале АН СССР (с 1946 – Академии наук Казахской ССР). При лоббировании создания сектора К.И. Сатпаев заручился согласием маститых академиков И.М. Виноградова (директор Математического института им. В.А. Стеклова АН СССР) и В.И. Смирнова (директор НИИ математики и механики ЛГУ) помочь с подготовкой кадров⁵.

⁵Жаутыков О.А. К.И. Сатпаев и математические науки в Казахстане // Известия АН Казахской ССР. Сер. физико-математическая. 1969. № 2. С. 1–2.

Параллельно закладывались основы для развития вычислительной техники, а в среднесрочной перспективе намечалось открытие самостоятельного Института математики и механики в составе республиканской Академии наук. В целом 40-е годы отмечены повышением квалификации местных ученых-математиков, обремененных отныне учеными степенями кандидатов наук. Таковы, в основном, вехи развития математической науки в республике, когда Умирзак Султангазин стал студентом физико-математического факультета.

Вместе с ним на математическое отделение факультета поступили 150 человек (из них 72 – казахи), среди них 47 медалистов (соответственно 18)⁶. Это были такие же неординарные и жадные до знаний ребята со всех уголков Казахстана, преимущественно после школьной скамьи. Вот что некоторые из них говорили прямодушно и возвышенно:

«В 10 классе я увлекалась трудными задачами. Над некоторыми приходилось сидеть неделю, месяц, но я старалась добиваться победы и решать задачи самостоятельно. Любовь к математике привела меня на физико-математический факультет.

Существует мнение, что математика – сухая, скучная наука, что она не развивается, так как в ней якобы больше нечего открывать, что все математические проблемы давно решены. Это глубокое заблуждение. Величие математики, как науки, открылось для меня в университете. Сколько сложных и трудных задач из элементарной алгебры можно решить совсем просто,

⁶Страшиников Н. Что мешает налаживанию учебного процесса // За отличную учебу. 1953, 14 ноября.

зная высшую математику! Я никогда не пожалею, что поступила на физмат. Меня увлекают математический анализ и аналитическая геометрия. Хочется после окончания университета работать в области этих наук...» (Лида Пузыревская);

«Математику я любила всегда, особенно в старших классах средней школы. Надежда Ивановна Лебедева, наша учительница математики (Средняя школа № 55 г. Алма-Аты) часто давала интересные задачи, примеры; на заседаниях математического кружка читались доклады на темы, выходявшие за пределы школьной программы. Рассказывалось о великих русских математиках. Мысль о том, чтобы стать математиком, зародилась у меня давно. В школе я видела труд учителей, часто беседовала с классным руководителем и поняла, что работа учителя очень интересная, хотя и нелегкая. Окончив школу, я твердо решила стать математиком.

После окончания университета я снова приду в школу для того, чтобы передать полученные знания своим ученикам. Постараюсь, чтобы эти знания были прочны, глубоки, буду настойчиво овладевать ими здесь, в университете» (Валя Рожок);

«Учиться на физико-математическом факультете очень интересно, хотя и трудно. В течение первого семестра у меня было много затруднений, особенно в изучении математического анализа, сказывалось слабое знание программы 10-го класса по математике. Поэтому я наряду с изучением основ высшей математики повторял алгебру и геометрию за среднюю школу. В результате усидчивой работы успешно сдал экзамены за первый семестр. Я убежден, что, поступив на физико-математический факультет, сделал правильный выбор.

Наша Родина идет к коммунизму, народному хозяйству нужны люди, вооруженные знаниями. Мы, студенты, должны приложить все усилия к тому, чтобы стать полноценными специалистами и после окончания университета отдать свои силы на благо Родины» (Куандык Жуламанов, выпускник учительского института, женат)⁷.

Он быстро припривык к жизни коммуной в общежитии, где царила атмосфера истинного товарищества и духовного братства. Соблазны большого города не так сильно влекли Умирзака, на первом месте была учеба и еще раз учеба. Как вспоминал Султангазин, «на физмате преподавали замечательные люди — Персидский, Закарин, Ибрашев. Не стал болезненным и резкий переход от элементарной «конкретной» школьной математики к «абстрактной» вузовской, который не все выдерживали. Действительно, трудно, когда начинаешь иметь дело с объектами, которых никогда не чувствовал, не видел, но когда втягиваешься в это и начинаешь мыслить абстрактно, то начинаешь чувствовать и мощь человеческого мышления, мощь современной математики, понимать, что это не игра, а отражение реального мира»⁸. Конечно, не было трудно в учебе студентам Карсакбаева. А с другой стороны, в первую сессию из 33 студентов казахских групп один юноша не был допущен к экзаменам из-за «хвостов» по зачетам, по восемь человек

⁷ Говорят студенты // За отличную учебу. 1954, 4 марта.

⁸ Журавлев В. Я не стал «чистым» теоретиком, а всегда шел за жизнью: Интервью с У.М. Султангазиным // Казахстанская правда. 1996, 4 октября.

получили у экзаменаторов двойки и тройки. Всего же на первом курсе у математиков 23 человека «схватили» 37 неудовлетворительных оценок⁹. Ряды сокурсников стали редеть.

Учеба учебой, но материальное положение новоявленного студента оставляло желать лучшего, да и его гардероб был по-студенчески скуден. Чем могли помочь мать, к тому времени уже больная, и отчим? Раз в год родители, продав на рынке муку, перемолотую из полученной на трудодни пшеницы, получали на руки не так много денег, большую часть которых вручали сыну на расходы во время приезда домой на летние каникулы. Тем более, как говорилось выше, его обокрали по пути в столицу. Умирзак, как и все студенты, подрабатывал после занятий как мог, в том числе разгружая вагоны на станции. Когда уже стало совсем туго, помощь пришла от родственника Сеила Дильдабекова — правнука Махмета. По возрасту он был старше Умирзака, но по статусу считался его племянником. Сеил работал тогда ответственным секретарем Алма-Атинской областной газеты «Коммунизм таңы» и временно оформил студента к работе внештатным корреспондентом. За свои заметки, появлявшиеся на страницах издания в виде информации без подписи, он получал приличные гонорары. В сохранившихся подшивках газеты за 1954 год мы обнаружили несколько заметок, возможно, подготовленных вчерне Умирзаком и, вероятно, подправленных умелым пером

⁹ Даулетқалиев С., Жүсіпов К. Емтиханның қорытындысы негізінде көрсетті // За отличную учебу. 1954, 27 января; Главное дело студентов-комсомольцев // Там же. 15 февраля.

журналиста-родственника¹⁰. Не будем строги к этим «творениям», сообщавшим подробности о художественных олимпиадах среди студенчества Алма-Аты, планах студентов поехать на целину и университетских буднях. Впрочем, этот приработок, дававшийся «технарию» не так легко, вскоре сошел на «нет» после получения повышенной стипендии за отличную учебу – целых 275 рублей. Вполне уместен вопрос: «Какова была их покупательная способность?». Не располагая конкретными данными обследований студенческих бюджетов, приведем сведения о финансово-ценовых реалиях по республике. Так вот, в Карагандинском регионе в 1953 году заработная плата рабочих составляла 507 рублей 11 копеек, служащих – 669,03 и инженерно-технических специалистов – 1200 рублей¹¹. Скорее, в основном, стипендия уходила на питание, главным образом, хлеб и картошку. Известна и такая статистика: номер газеты стоил 20 копеек, килограмм белого хлеба – 3 рубля, ржаного – рубль, а билет в огороженный высоким забором городской парк (ныне 28 гвардейцев-панфиловцев), где проходили танцы под духовой оркестр, – один рубль. Но и с повышенной стипендией средств на модные обновки не оставалось, посему наш студент все годы учебы проходил в солдатских сапогах, фрагментарно меняя отдельные «элементы» гардероба.

А вот учеба спорилась. Об его успехах писала университетская многотиражка¹², похвала звучала из уст

¹⁰Коммунизм таңы. 1954, 21 март, 23, 24 апрель.

¹¹Сактаганова З.Г., Абдрахманова К.К. Повседневная жизнь городов Центрального Казахстана в 1945–1953 гг. Караганда, 2010. С. 103.

¹²Сарбасов Қ. Емтихан күндерінде // За отличную учебу. 1956, 15 февраля.

педагогов – Ольги Тихоновны Матуциной, Бахытжана Тулегеновича Тулегенова, Хасана Ибрашевича Ибрашева, Ивана Дмитриевича Моллюкова, Газиза Нурмухамбетовича Багаутдинова (1915–?), Феодосия Дементьевича Крамара (1911–?), Владимира Викторовича Стрельцова (1919–1981), Шарафа Мухамедрахимовича Еникеева (1903–1973), Вадима Хрисанфовича Харасахала (1918–1966), Дуйсенхана Кабдиева (1926–2007) и др.

Пару слов об языковой среде обучения. На младших курсах преподавали, в основном, казахи, окончившие в свое время русские школы и вузы в Российской Федерации. Понятно, что речь их была корявая, порой студенты на занятиях подсказывали лекторам нужное слово или термин. Вместе с тем остро ощущался дефицит учебной литературы на казахском языке и казахоязычных преподавателей. Поэтому зачастую лекции и практические занятия вынужденно велись и на русском языке, создавая в результате продукт смешанного языкового обучения. По учебной программе также предусматривалось изучение студентами казахских групп одного из иностранных языков (английский, немецкий или французский), и Умирзак один год прилежно изучал азы английского, получив на экзамене «отлично». Но затем, исходя из сложившейся ситуации, руководство университета решило с третьего курса заменить иностранный язык русским, который им преподавала опытный методист Мамыр Рахимовна Омарова-Амандосова (1927–2007).

В университете проявились организаторские способности Султангазина, и не случайно студенты оказали ему доверие, избрав в состав комитета комсомола. И что удивительно, сам Умирзак, не умеющий петь и

танцевать, сумел сплотить ребят, и коллектив художественной самодеятельности впервые в истории факультета завоевал первое место на областном смотре. Данный ансамбль исполнял популярные тогда индийские мелодии и танцы, подражая героям нашумевшего фильма «Бродяга» с незабвенным Раджем Капуром в главной роли, а студенческий хор факультета – единственный в КазГУ, выступавший с песнями «Алға, комсомол» и «Водовоз», заслужил лестный отзыв композитора Бахытжана Байкадамова.

Интенсивная учеба и нешколярские методы обучения, применяемые педагогами, естественно, возбуждали интерес студентов к творческой деятельности. Немногословный и всегда сосредоточенный Умирзак выделялся на курсе, и бывший фронтовик, доцент Вассилий Антонович Сапа взялся руководить его первым небольшим научным проектом «Движение волчка». Дальше – больше. Дипломная работа Султангазина, выпущенная под руководством академика К.П. Персидского и В.А. Сапа на тему «Две задачи относительного движения точки переменной массы» докладывается на Второй республиканской конференции по математике и механике и удостоивается права быть опубликованной. В семейном архиве сохранился тетрадный лист с рукописным отзывом академика Персидского, который мы считали необходимым привести полностью:

«Работа Султангазина производит очень хорошее впечатление. За недостатком времени я не мог проверить правильность всех математических выкладок автора. Но та часть работы, которую я имел возможность просмотреть достаточно тщательно, не вызывает существенных возражений.

В работе имеются неудачные обозначения, которые искажают мысль дипломанта (см., напр., стр. 7, 16, 48).

Имеются неясные определения. Например, понятие тела переменной массы (см. стр. 10) дано в неясной форме, лишенной физического смысла; в данном случае было бы лучше сказать, что будет рассматриваться задача в первом приближении.

Считаю, что работа Султангазина после соответствующего исправления и некоторого сокращения заслуживает быть опубликованной в сборнике лучших студенческих работ.

Дипломная работа заслуживает высокой оценки.

Профессор К. Персидский

11 апреля 1958 г.

Работу Султангазина можно было бы заслушать на научном семинаре (механ. или матем). К. Персидский».

А жизнь шла своим чередом. На выпускном курсе Умирзак и Райхан решают соединить свои судьбы и, получив благословение родителей, в феврале 1958 года весело проходит их свадьба в молодежном формате.

Лето 1958 года. За плечами пять лет напряженной учебы. Умирзак не только научился мыслить абстрактно, но и почувствовал мощь человеческого мышления и математического знания, это был молодой человек, влюбленный в свою профессию и мечтающий заниматься наукой. Как закономерный результат, профессорско-преподавательский состав факультета единодушно рекомендует одного из лучших выпускников в неполные 22 года оставить на кафедре математического анализа в должности ассистента.

Так начинался путь в науку

В те годы молодой специалист с «красным» университетским дипломом без собственного жилья в столице — не редкость, но при данных обстоятельствах Умирзак Махмутович в отличие от некоторых сверстников действовал решительно и основательно, поскольку зона ответственности уже не юноши, а, в буквальном смысле, мужа существенно увеличилась после женитьбы.

На первых порах молодая семья довольствовалась временной арендой съемной квартиры на пересечении улиц 8-я линия (ныне Ербола Сыпатаева) и Шевченко. Несмотря на это, Умирзак решает перевезти родителей в Алма-Ату. Мотив поступка объясним, как прямой долг сына, вступившего во взрослую жизнь, отвечающего отныне за все семейство. Эпопея с переездом, а это поистине так с учетом расстояний, имеющихся ресурсов и существовавших средств передвижения, завершается к началу учебного года. Затем, заняв часть суммы у своих друзей, присовокупив к ней деньги, вырученные за проданную живность в ауле, Султангазин покупает каркасно-камышитовый домик из двух комнат с небольшим участком у чеченской семьи в районе железнодорожной станции «Алма-Ата-1». Расположение жилья явно не престижное, но выбирать не приходится. Через год, рассчитавшись с долгами и получив

отпускные, летом 1959 года он пристраивает к дому кухню с печью. Теперь можно более-менее жить в относительном комфорте с минимальными удобствами. По существу, решен животрепещущий жилищный вопрос с пропиской, не доставляя лишних хлопот и головной боли руководству университета, а члены его семьи в расширенном составе официально становятся столичными жителями. Надо еще отметить, что в последний день октября 1958 года на свет появилась первенец — дочь Жаннат — отрада отца с матерью, бабушки с дедушкой.

А между тем на факультете, выделившемся из состава физмата в отдельный механико-математический факультет, быстро убедились в правильности своего выбора относительно нового ассистента. Дело в том, что по инициативе креативного декана, большой умницы, доцента Хасана Ибрашевича Ибрашева на факультете в 1957 году открылось полноценное казахское отделение. Только после этого создавалась комфортная среда для выпускников аульных школ, но по-прежнему довлел фактор недостатка квалифицированных лекторов. Султангазин, одинаково хорошо владевший казахским и русским языками, мог свободно преподавать учебные дисциплины на обоих отделениях. А ведь это ой как трудно для начинающего педагога, которому необходимо разрабатывать новые курсы, а потом доступно объяснять их студентам на лекциях и практических занятиях, готовить методические материалы, непрерывно работать над собой. Для полноты картины скажем, что ново-«старое» подразделение КазГУ переживало болезнь роста, обусловленное объективной потребностью организационно-методического укрепления

вновь образованных кафедр и специализаций, подбора и взращивания стабильного профессорско-преподавательского состава.

Но моторный Умирзак был нацелен на освоение своей профессии, смело брался за неизведанные доселе проблемы. Эти качества наиболее наглядно проявились в его работе на новой кафедре вычислительной математики мехмата, созданной в 1959 году, заметим, единственной в республике. Неостепененная научными регалиями молодежь – Валентин Николаевич Губанов, Иван Тимофеевич Пак (р. 1930), Кулжабай Абдыкалыкович Касымов (1935–2014), Умирзак и другие штатные преподаватели при наставничестве заведующего кафедрой, многообещающего ученика академика Персидского, доцента, потом доктора физико-математических наук Юрия Георгиевича Золотарева – буквально «штурмовала» проблематику набравшей мощь научной дисциплины, внимательно отслеживала и изучала новинки специальной литературы, инициативно вводила их в учебный процесс, овладевала методами работы на электронно-вычислительных машинах первого поколения «Урал-1», «Урал-2». Сказанное, пожалуй, вполне применимо ко многим энтузиастам-шестидесятникам, шагавшим в ногу с разветвлявшейся научно-технической революцией.

И все же не одной работой жил молодой преподаватель. Через год в семье появилось пополнение – родилась любимица Умирзака Махмутовича Салтанат (1960–1980). Приноравливались к городской жизни, правда, с трудом, родители. К сожалению, перемена климата не помогла маме Нуриле, у которой врачи диагностировали энфизему легких. При данной болезни

оказался противопоказан воздух высокогорья, вследствие чего часто шла кровь горлом, и родители в 1962 году вынужденно вернулись в Кара-Обу. Дирекция совхоза по-человечески с пониманием пошла им навстречу, выделила небольшой домик, а сын купил корову. По настоянию стариков, у них на руках осталась внучка Жаннат. Но благодатный воздух родных мест не помог, и спустя еще год коварная болезнь все-таки победила. Похоронив мать, Умирзак и Райхан намеревались забрать дочь с собой, но отчим настоятельно попросил оставить ее на время. Так и решили.

Вновь перейдем от семейных дел к рабочим будням.

Вузовская жизнь, а она поистине многогранна, захватила Султангазина, с 1961 года повышенного в должности до старшего преподавателя. Он с головой погружается в мир научной информации. Со временем нарабатывается опыт, к тому же ему нравится педагогическое поприще, расширяется диапазон научных интересов. Как педагог, он много требовал от студентов, но ведь много и отдавал, заинтересовывал их, учил высказывать собственную точку зрения, на своем примере показывал необходимость самосовершенствования. Одним словом, по наитию он поступал в соответствии с советом великих предшественников, изрекших: «Ученик – это не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который надо зажечь, а зажечь факел может лишь тот, кто сам горит». Чего скрывать, студенты любили его как учителя, как человека, относившегося к ним со всей душой, уделяя им свободное время после занятий.

Стремительное развитие вычислительной математики, как науки и учебной дисциплины, естественно,

не шли вровень, но профессорско-преподавательский состав кафедры стремился соответствовать возрасставшим требованиям времени. Большую роль в повышении квалификации, знакомстве математиков с периферии с новейшими направлениями научного поиска способствовали интенсивные контакты факультета с ведущими научно-исследовательскими центрами Москвы, Ленинграда и Новосибирска. В огромной степени это личная заслуга слаженного тандема математиков – многолетнего ректора университета Аскара Закарина и бессменного декана Хасана Ибрашева, отчетливо понимавших значение устойчивых научных связей и долговременной кооперации непосредственно с корифеями советской математики и их школами. И если отношения республики с центральными научными центрами имели развитую и давнюю традицию, то Новосибирск, как перспективный очаг науки для регионов страны восточнее Урала, находился в стадии становления.

Сегодня уже не секрет, что первоначально идея создания академического центра в Сибири предлагалась академиками Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым и Сергеем Алексеевичем Христиановичем как Академия наук РСФСР, но в итоге руководством страны такая постановка вопроса была признана нецелесообразной. Взамен этого создается Сибирское отделение Академии наук СССР с особым статусом, нацеленное на реализацию триединой задачи: комплексная разработка фундаментальных теоретических и экспериментальных исследований в области физико-технических, естественных и экономических наук; теснейшая связь с производством и внедрение результатов научных ра-

бот в практику; эффективная подготовка научных кадров¹.

Руководство Сибирского отделения Академии наук СССР с первых дней создания Академгородка придавало первостепенное значение контактам с близлежащей Казахской ССР, намереваясь выступить с ней единым научным фронтом при ускоренном освоении природных ресурсов и развитии производительных сил Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока. Творческое содружество подразумевало все тот же комплексный подход к планированию и разработке научных исследований, подготовке кадров и связи с производством. Неслучайно Каныш Имантаевич Сатпаев в 1959 году посетил Новосибирск и детально ознакомился с планами и перспективами развития Сибирского отделения АН СССР, а его сибирский визави Лаврентьев несколько раз приезжал в Алма-Ату².

Существовал еще один, обычно не афишируемый, нюанс этого научно-практического взаимоотношения. В Сибирском отделении компактно сосредоточилась большая группа ученых, занимавшихся в свое время различными аспектами атомного проекта и причастных к появлению новейших технологий и отраслей промышленности. Теперь же в сферу их непосредственного влияния попали восемь из десяти закрытых атомных городов страны. Это известные ныне Озерск (Челябинск-40 с химкомбинатом «Маяк»), Снежинск

¹См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1927–1991 / 1952–1958 / Отв. сост. В.Ю. Афиани, В.Д. Есаков. М., 2010. С. 645–648, 722–727.

²Жауытқызов О.А. К.И. Сатпаев и математические науки в Казахстане. С. 2.

(Челябинск-70, родина мощнейшей термоядерной бомбы «Кузькина мать»), Трехгорный (Златоуст-36 с предприятием по производству атомных боеприпасов), Новоуральск (Свердловск-44, где велось производство высокообогащенного урана), Лесной (Свердловск-45 с заводом по обогащению урана), Железногорск (Красноярск-26, производство оружейного плутония), Заречный (Красноярск-45) и Северск (Томск-7 с Сибирским химкомбинатом). В свою очередь, в Казахстане функционировали научно-исследовательский полигон № 5 (будущий «Байконур»), атомный полигон близ поселка Москва-400 (потом Семипалатинск-21 или город Курчатов), на острове Возрождение (Аральск-7) испытывали бактериологическое оружие, в Актау (бывший Шевченко) планировали и построили атомный реактор на быстрых нейтронах, имелись военные полигоны и большие запасы урана. Словом, предприятиям военно-промышленного комплекса на территории республики требовалась научная база в самом Казахстане, в том числе для подготовки кадров. А иначе чем объяснить создание Института ядерной физики близ Алма-Аты, куда по рекомендации академика И.В. Курчатова пригласили для постоянной работы Георгия Дмитриевича Латышева и Вениамина Моисеевича Кельмана из Ленинграда, Леонида Михайловича Неменова из Института атомной энергии и Моисея Израилевича Корсунского из Харькова, избрав их членами республиканской Академии наук³.

Толчок к бурному развитию математической науки в республике был дан в конце 50-х – начале 60-х го-

дов. По просьбе Академии наук Казахской ССР, в Алма-Ату прибыла представительная комиссия ученых АН СССР (25 человек, включая четырех академиков и восемь членов-корреспондентов союзного штаба науки, работали 23 ноября – 2 декабря 1959 г.), которая всесторонне изучила деятельность АН Казахской ССР. В заключении комиссии констатировалась недостаточная «подготовка научных кадров по новым областям науки и техники (физика, математика, вычислительная техника, автоматика)» и предлагалось сосредоточить силы и материальные средства на таких первоочередных направлениях в области физико-математических наук – «ядерная физики; экспериментальные исследования на реакторе; проблема применения изотопов в физике, а также в геологии, химии, биологии, медицине и технике; астрофизика; вычислительная математика и вычислительная техника»⁴.

Реализуя пожелания комиссии, руководство Академии наук достигло договоренностей с институтами математики им. Стеклова, механики, автоматики и телемеханики, Вычислительного центра АН СССР о прохождении в них аспирантуры (16 человек) и научной стажировки (15) математиков из вузов и подразделений АН КазССР. Более того, президент Сатпаев намечал привлечение в Казахстан на постоянную работу нескольких крупных ученых-математиков со степенью доктора наук, поскольку наблюдался перекос в структуре ученых высшей квалификации. Так, по состоянию на 1 января 1961 года, из имеющихся

³Чокан Ш. Четыре времени жизни. Алма-Ата, 1992. С. 331–332.

⁴Цит. по: Академик К.И. Сатпаев: Сборник документов и материалов. Астана, 2009. С. 479.

в Казахстане 194 докторов наук представители физико-математических наук занимали 4,5%, в то время как 39,1% – по медицине и биологии, 20,7 – сельскохозяйственным наукам, 11,5 – геолого-географическим, 10,9 процента – общественным наукам. Для выправления ситуации в кратчайшие сроки озвучивался вариант «всемерного ускорения темпов роста кадров и учреждений науки как за счет ее внутренних возможностей, так и путем планового перебазирования в Казахстан научных коллективов и отдельных ученых из других центров науки в стране». Каныш Имантаевич считал физико-математические науки «лидерами общего фронта науки на современном этапе», призывал после создания крупного вычислительного центра «шире внедрять математические методы во всех отраслях науки, особенно в физике, биологии, геологии, во всех технических и сельскохозяйственных науках»⁵.

В этой связи не лишним будет акцентировать внимание на доминировании в составе Сибирского отделения выдающихся математиков первой величины. Один из них – наш земляк Асан Дабсович Тайманов, предложил привлечь к подготовке математиков высшей квалификации для Казахстана потенциал Академгородка. В 1960 году он совместно с другом-единомышленником, академиком Анатолием Ивановичем Мальцевым, с которым вместе работали на механико-математическом факультете Новосибирского университета и Институте математики Сибирского отделения, а ранее в Иваново, разработали программу по подготовке мате-

⁵См.: Сатпаев К.И. Собрание трудов. В 8 т. Т. 6. Наука Казахстана: 1955 – 1963 гг. Алматы, 2000. С. 210, 293, 298.

матических кадров с учетом потребностей республики. Светила советской математики предлагали начать с отбора одаренных учащихся, привлечения студентов к научной работе и так по всей цепочке формирования первоклассных специалистов. Они опирались на опыт работы мехмата Новосибирского университета при Сибирском отделении, куда в 1959 году перевели 14 студентов из Алма-Аты (пять – из КазГУ и девять – из КазПИ). К слову сказать, в первом выпуске механико-математического факультета НГУ 1963 года 11 из 34 дипломированных специалистов будут представителями коренной национальности республики⁶. Обращали на себя внимание комплексность и долговременность осуществления названной программы, ее теснейшая связь с развитием казахстанской науки. Поэтому представляется далеко не случайным, что в мае 1962 года по совокупности научных заслуг и с дальним прицелом на возвращение на историческую родину А. Тайманов был избран действительным членом АН Казахской ССР⁷.

⁶URL: www.globalmmf.ru/node/17; Бәйімбетов Фазылхан. Өнегелі өмір /Ред. басқ. F.M. Мұтанов. Алматы, 2014. 100–101, 127–128, 241, 247 б.

⁷Поражает дальновидность Сатпаева: в 1968 году Тайманов переезжает в Алма-Ату, где избирается академиком-секретарем Отделения физико-математических наук и назначается директором Института математики и механики АН Казахской ССР. По его инициативе открываются республиканская физико-математическая школа, кафедры и лаборатории по перспективным направлениям в вузах и НИИ. И хотя в 1970 году Асан-аксакал вернулся в Новосибирск, он не порывал научно-организационных связей с Казахстаном, курируя развитие новейших направлений математического знания. Также см.: К 100-летию академика А.Д. Тайманова. Алматы, 2017. 75 с.

В июле 1963 года в Алма-Ате высаживается настоящий «десант» корифеев советской математики из Новосибирска в лице А.И. Мальцева, Г.И. Марчука, М.М. Лаврентьева (старшего) и др. Во время встречи с руководством Академии наук по предложению Сатпаева принимается решение о специализации посланцев Казахстана по прикладным направлениям в математике. Тогда же произойдет знаковое для математической науки Казахстана знакомство декана мехмата Х. Ибрашевса с Марчуком, удивительно быстро переросшее в крепкую дружбу. Их сближало фронтовое прошлое, они были уроженцами Приуралья, к тому же Хасан Ибрашевич оказался учеником Тайманова по Уральскому пединституту. Как следует из воспоминаний Гурия Ивановича, Ибрашев попросил его: «Дорогой Гурий Иванович, помогите создать в нашей республике хорошую математическую школу», на что последний ответил согласием⁸. С этого времени «город яблок» становится местом проведения межреспубликанских научных форумов по математике, в вузах создаются новые специализации и кафедры, преподаватели математического факультета КазГУ все чаще выезжают на стажировки, направляются в целевую аспирантуру. С 1964 года Казахстан вовлекается в сферу действия Сибирской математической олимпиады, и ее организаторов несказанно удивит активность казахстанских учащихся, приславших 2500 писем с решениями. Потом, по результатам конкурса, в летнюю школу рекомендуют 100 казахстанцев, из них в физико-матема-

⁸Ибрашев Х. Өнегелі өмір/ Ред. Г.М. Мутанов. Алматы, 2016. 22, 34–36, 256, 275 б.

тическую школу при Новосибирском университете отберут около 30 человек. Дабы придать завершенность поднятому вопросу скажем, что с 1963 по 1974 год в упомянутой школе самого продвинутого образца пройдут обучение 188 учащихся из Казахстана, а за полтора десятилетия в Академгородке пройдут обучение в аспирантуре свыше 30 математиков-казахов.

А что же наш герой очерка?

В конце 1962 года Умирзак Махмутович впервые посещает Академгородок как руководитель преддипломной практики студентов по специальности «математик-вычислитель» в Институте математики и Вычислительном центре (ВЦ) Сибирского отделения⁹. Одновременно в его душе тлела призрачная надежда попытаться, пользуясь случаем, поступить здесь в аспирантуру, прозондировать ситуацию, для чего он прихватывает с собой необходимый пакет документов. Но сходу такие задумки в условиях плановой экономики, увы, не осуществлялись.

Взору изумленного Умирзака предстал громадный масштаб намеченных преобразований в Институте математики, где новоиспеченный заместитель директора Гурий Иванович Марчук занимался компьютеризацией научно-исследовательских организаций Сибирского отделения, что позже вылилось на практике в создание ВЦ коллективного пользования с парком ЭВМ. Энтузиазм ученых-новоселов Академгородка, новаторские подходы к разработке современных направ-

⁹Алимжанова Р.М. Декан, наставник, педагог // Хасан Ибрашев. Өнегелі өмір. С. 287–288; 70 лет Казахскому национальному университету имени аль-Фараби. Механико-математический факультет. Алматы, 2004. С. 48.

лений вычислительной математики, непривычный для казахской ментальности подлинный демократизм отношений, царивший внутри научного сообщества — между мэтрами в лице академиков, профессуры и вплоть до рядовых инженеров — настолько поразили Султангазина, что в его душе зародилась и окрепла мечта приехать сюда для занятия наукой. Но пока это желание нереально — много работы на кафедре, есть неформальная очередность повышения квалификации, которую надо соблюсти, следует определиться с темой исследования и научным руководителем, да и сильно болеет мама. Было еще одно жизненное обстоятельство — в ближайших планах стояло и расширение семейства. Тем не менее, при большой педагогической нагрузке Умирзак Махмутович успевает заниматься научной работой, сосредоточившись на методах решения системы линейных алгебраических уравнений, чему посвящаются три его статьи, опубликованные в местных изданиях.

Наконец, в марте 1964 года, после неполных шести лет работы в университете, с благословения ректора и декана, твердо веривших в его звезду, Султангазин направляется на двухгодичную стажировку в Новосибирск. До этого после долгих часов раздумий и знакомства с соответствующей литературой, он намеревался стать учеником известного советского математика и экономиста Л.В. Канторовича, работавшего в Институте математики и одновременно возглавлявшего кафедру вычислительной математики Новосибирского университета. Канторович любезно принял казахстанского коллегу и, как водится, провел с ним обстоятельное собеседование. При этом он лестно отзывался в бе-

седе об известных ему математиках-казахах, начиная с И. Акбергенова. После продолжительной беседы маститый ученый, проникшись симпатией к незнакомцу, дал ему дельный совет — заняться фундаментальной математикой, к чему, как он убедился, багаж знаний соискателя вполне соответствует. Как откровенно заявил Леонид Витальевич, в данное время он, в основном, занимается решением экономических задач методами математики, поэтому для Султангазина, в случае профилирования по его нынешней тематике потребуется дополнительная экономическая подготовка, которая займет большую часть стажировки. В данный момент соискатель не готов к работе по его специализации. Доводы академика были крайне убедительны, и Умирзак без обид воспринял отказ и прислушался к совету. В то же время его всевозрастающий интерес к теории математического программирования вылился в то, что впоследствии он постоянно участвовал и иногда выступал на семинарах Канторовича по математической экономике.

Стажер решает обратиться к директору ВЦ, ставшему самостоятельным академическим институтом, Г.И. Марчуку. До этого Султангазин лишь мельком видел его, зато заочно хорошо знал по опубликованным трудам, досконально проштудированным для чтения спецкурсов на факультете по проблемам вычислительной математики. Но как подступиться к живому классику, уже тогда в свои 39 лет члену-корреспонденту Академии наук СССР и лауреату Ленинской премии? Набравшись смелости, Умирзак Махмутович зашел в директорский кабинет. Но, оказывается, живые легенды науки доступны и открыты к контактам. Выслушав

просьбу приезжего соискателя, Гурий Иванович по обыкновению предложил ему в месячный срок изучить солидный перечень специальной литературы, а затем, встретившись, поговорить более конкретно и только потом принять решение. Предложенный список работ был хорошо знаком Султангазину, но, если сказать об этом сразу же, это может быть воспринято как излишняя самоуверенность и бестактность. Умирзак едва выдержал паузу в пять дней и вновь предстал перед удивленным Марчуком. Однако обстоятельная беседа с казахстанским математиком показала его отличную теоретическую подготовку, свободную ориентацию в новейшей литературе, зрелость суждений, развитое логическое мышление, хотя Гурий Иванович и отметил отсутствие подобающего уровня академической подготовки. Полагаем, что Марчук руководствовался тогда привычными мерками, применяемыми при оценке чисто научных работников, а здесь перед ним предстал типичный преподаватель высшего учебного заведения. Недолго думая, директор Вычислительного центра дает согласие стать научным руководителем его кандидатской диссертации и предлагает тему работы.

А вот как описал спустя годы первое знакомство Гурий Иванович, впрочем, слегка запамятавав хронологию и мелкие детали: «Как-то, в году 1963, приходит ко мне молодой стройный казах и представляется: «Я Султангазин из Алма-Аты. Приехал поступать в аспирантуру к академику Канторовичу, но на экзаменах провалился. Не могли бы вы взять меня к себе в аспирантуру?». Я поговорил с ним о проблемах математики и увидел, что знаний действительно у него не

слишком много, но мыслит он оригинально. И я согласился стать его научным руководителем. Дал ему хорошую тему по теории переноса нейтронов, сказав, что решать этот класс важных задач нужно приближенно, методом расщепления, и дать полное математическое обоснование алгоритма. За три года он наверстал упущенное в математике, общался со специалистами, которых у нас великое множество, активно работая также с книгами и журналами. В общем, кандидатскую диссертацию он успешно защитил и уехал домой, в Алма-Ату»¹⁰.

Судьба явно благоволила Умирзаку, связав его, делающего первые шаги в науке, и признанного всем миром ученого. В данном случае уместно привести основные моменты биографии Марчука, поскольку их свяжет долголетнее сотрудничество, переросшее в дружбу, а на склоне лет последний президент АН СССР признается, что среди более двух десятков подготовленных им учеников – докторов наук, Султангазин, бесспорно, один из лучших.

Гурий Иванович, ведущий свое родословие с вольной Украины, родился в соседней с Казахстаном Оренбургской области, куда переехали его предки в поисках лучшей доли, и вырос в семье сельских учителей. В школе всерьез увлекся математикой, получив многообещающее прозвище «профессор». С первого курса мехмата Ленинградского университета, находившегося тогда в эвакуации в Саратове, призывается в действующую армию, служит в артиллерийской разведке. После войны продолжает учебу в альма-матер, где на

¹⁰ Марчук Г.И. Жизнь в науке. М., 2010. С. 155.

его дарования обращают внимание маститые ученые – академики Владимир Иванович Смирнов, автор классического пятитомника по высшей математике для вузов, и ведущий геометр Александр Данилович Александров – ректор Ленинградского университета¹¹.

Марчук напишет фактически рукописи двух кандидатских диссертаций – по математике и по физике атмосферы, защитит же последнюю. В 1953–1962 годах участвует в разработке термоядерного оружия и создании принципиально нового класса подводных лодок, создает численные методы расчета ядерных реакторов и атомной электростанции. С 1962 до 1980 годы трудится в Сибири, в том числе создаст и возглавит Вычислительный центр, будет избран заместителем председателя, затем председателем Президиума Сибирского отделения и одновременно по должностному положению – вице-президентом Академии наук Советского Союза. В последующем – заместитель руководителя правительства Советского Союза, председатель Госкомитета по науке и технике, президент Академии наук СССР.

В 1964–1965 годах Гурий Иванович совместно с академиком Николаем Николаевичем Яненко как раз занимались проблемой расщепления (то есть дробных шагов) для решения задач математической физики. Одна из частных задач данной проблемы по теории переноса излучения – фундаментальной теории, одинаково применимой и в астрофизике, и в геофизике, и

¹¹См.: Алгоритмы академика Марчука // Созидатели: очерки о людях, вписавших свое имя в историю Новосибирска. Т. 2. Новосибирск, 2003. С. 276–289.

в оптике моря, и в расчетах по многократному рассеянию нейтронов, была предложена Султангазину. В его конкретном случае она касалась нейтронов в ядерных реакторах. Надо сказать, что атомное реакторостроение находилось на стыке многих научных дисциплин, включая не только ядерную физику, теплофизику, но и материаловедение, радиохимию и прочие направления. Большой фронт работы приходился на математиков-вычислителей.

Если бросить взгляд на истоки информатики, то это, прежде всего, – результат потребности новой отрасли человеческой деятельности – атомной энергетики. Именно тогда вся научная элита прямо или косвенно имела отношение к атомной энергетике, к космосу и от них – к информатике и вычислительной математике. С 40-х годов математики стали равноправными участниками атомного проекта, выполняя невероятное количество вычислений для атомного (термоядерного) оружия, по-пионерски применяя математический аппарат для решения задач физики нейтронов. Практически во всех конструкторских бюро по несколько сот сотрудников занимались расчетами атомных проектов. Изначально расчеты велись арифмометрами, а то и счетами, затем с 1946 года в ход пошли электронно-вычислительные машины. Применительно к последним требовались методы, позволяющие решать задачи как можно быстрее. Так появилась вычислительная математика. Одним из первопроходцев по разработке методов расчета ядерных реакторов, постоянно совершенствовавшихся, был Марчук. Вот так, по-«чайниковски», можно вкратце охарактеризовать суть темы кандидатской диссертации Султангазина.

Пожалуй, в выборе темы его исследования можно найти знак свыше. Кому как не представителю народа, историческая территория проживания которого по воле Центра стала ядерным полигоном, местом испытаний ракетной техники и полетов в космос предстояло погрузиться в проблему, в узком смысле соприкасающуюся с безопасностью ядерных реакторов, а в широком – объять область этих новейших научных разработок, находя в них практическую отдачу для республики. К слову сказать, в Казахской ССР тогда уже имелись крупные специалисты по ядерной физике и атомной энергетике, которых лично или понаслышке знал Марчук (упомянутые выше Г. Латышев, В. Кельман, Л. Неменов, М.В. Пентковский, Г.Б. Померанцев и др.), функционировал Институт ядерной физики, но профессионалов-практиков и признанных теоретиков, тем более казахов, можно было пересчитать по пальцам.

Заслуживает быть отмеченным, что Умирзак Махмутович легко вписался в проблематику научных интересов своего «патрона», поскольку на протяжении последних лет самостоятельно изучал и преподавал спецкурсы по вычислительной математике. Кандидатская диссертация на тему «О решении кинетического уравнения переноса методом расщепления» была написана за год с небольшим. В декабре 1965 года выпущен автореферат диссертации, 15 января Ученый совет принял диссертацию к защите. Умирзак Махмутович, встав в очередь на защиту, вернулся домой.

Здесь мы не можем удержаться, дабы не привести любопытный эпизод об отношениях нашего диссер-

танта со вторым официальным оппонентом – кандидатом физико-математических наук Вячеславом Ивановичем Лебедевым, практически всю жизнь проработавшим в Институте атомной энергии (ныне Курчатовский институт). Впоследствии он с блеском защитит докторскую диссертацию, станет лауреатом Государственной премии СССР. В научном мире он известен не только как математик-аналитик, но и один из создателей современной вычислительной математики. Лебедев по праву считался крупнейшим специалистом по проблематике диссертации и, конечно, кому как не ему провести научную экспертизу работы.

Но, оказывается, до сего времени Лебедев напрямую не сталкивался с математиками из Казахстана и поэтому решил «протестировать» молодого диссертанта, отправившего ему свою работу по почте. На первый взгляд, строгий и неприступный ученый оказался очень вежливым и доброжелательным человеком, который все-таки выдвинул приехавшему за отзывом Умирзаку следующее предварительное условие: «Вот Вам 83 вопроса по проблемам вычислительной математики. На подготовку Вам потребуется не менее месяца, приходите, тогда и посмотрим». К удивлению Вячеслава Ивановича, через неделю Султангазин предстал перед ним «во всеоружии» и блестяще ответил на поставленные вопросы. Вопрос о положительном отзыве был однозначно решен, более того, завязалась прочная дружба, проверенная годами. Спустя шесть лет опять-таки Лебедев будет первым официальным оппонентом на защите уже докторской диссертации Умирзака Махмутовича, правда, без никаких скидок на знакомство.

В соответствии с процедурой защиты заблаговременно, то есть 24 апреля 1966 года новосибирская областная газета «Советская Сибирь» сообщила о предстоящей защите диссертации Султангазина. 5 мая прошла публичная защита, где активными болельщиками выступали математики-казахи (Сериккали Темирболат, Серик Оспанов, Куаныш Утегенов, Курак Сарбасов), проходившие обучение в Академгородке. Добавим, что Умирзак Махмутович во время обучения был неформальным лидером казахской общины.

Общепринято диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук трактовать как квалификационное сочинение, подтверждающее уровень профессиональной подготовки соискателя, и относительно редко дающее серьезный прирост знаний, реальную практическую значимость. Но здесь обычно скупые на похвалы математики отметили решение четырех теорем, результаты численных экспериментов, апробирование метода расщепления к кинетическому уравнению переноса, благодаря которому существенно сокращалось время решения на ЭВМ многомерных задач математической физики, разложенных на совокупность одномерных, то есть искомый алгоритм численного счета на ЭВМ задач теории реакторов. Это был однозначно ряд новых результатов по математической теории переноса нейтронов. В активе Султангазина значилось шесть опубликованных статей в журналах «Доклады АН СССР», «Журнал вычислительной математики и математической физики», «Сибирский математический журнал», «Известия АН Казахской ССР», в основном, в соавторстве с

научным руководителем, одна из которых была переведена на английский язык¹².

Так, в неполные 30 лет — а это время наибольшей социальной активности, когда в зависимости от достигнутого потенциала идет по инерции вся остальная жизнь человека — Умирзак Махмутович покорил свою первую научную вершину. Надо сказать, восхождение было крайне успешным, его способности оценены должным образом, и авторитетами от математики предсказано неплохое будущее.

Надо отметить, что в Академгородке мерилom любого индивида выступали не научные степени-звания и служебное кресло, а порядочность, интеллигентность и интеллект. Без особого труда, преодолев заметную на первых порах провинциальную застенчивость, Умирзак Махмутович органично, подчеркиваем, и на равных, влился в элиту научного сообщества, достойно представленную в Сибири. Ему довелось слушать лекции и доклады, принимать участие в семинарах, проводимых ведущими иностранными и советскими учеными, тем самым приобщаясь к последним достижениям научной мысли. С другой стороны, молодой преподаватель университета наглядно видел функционирование сети академической науки, из первых рук получал информацию и знакомился с «секретами» организаторского искусства лидеров научных школ. Нельзя сбрасывать со счетов и личное общение с прославленными академиками.

¹²Marchuk G.I., Sultangazin U.M.. Proof of a resolution method for the equations of radiation transfer // USSR Computational Mathematics and Mathematical Physics. 1965. Vol. 5. N 5. P. 92–109.

В частности, он воочию наблюдал за кипучей научно-организаторской деятельностью выдающегося математика и механика, организатора и первого руководителя Сибирского отделения Михаила Алексеевича Лаврентьева. Это была поистине легендарная личность: получив классическое образование в России и за рубежом, он работал в ведущих центрах страны и был лично причастен к развитию советского самолетостроения, созданию атомного оружия (заместитель научного руководителя «Арзамас-16») и первых отечественных ЭВМ. Научные интересы и дружба связали Султангазина с его сыном — Михаилом Михайловичем (старшим), крупнейшим специалистом в области математической физики, действительным членом Российской академии наук. Много полезного для себя почерпнул Умирзак Махмутович из знакомства с математиком и экономистом, автором линейного программирования Л.В. Канторовичем, в семинаре которого он деятельно участвовал. Особый разговор — это уроки жизни, полученные у Марчука, о чем мы поведаем далее по ходу изложения.

После долгой разлуки наш герой спешил в Алма-Ату, к семье. И в мирской жизни есть чем гордиться: дружная семья — любящая жена, две дочери и сын-наследник; дом, во дворе которого окрепли деревца, заботливо высаженные им. Может быть, кто-либо другой успокоился бы на достигнутом, предпочтя степенную жизнь вузовского доцента, без бурь и потрясений, со стабильно высоким заработком, но это было явно не для Султангазина. Но об этом — в следующей главе.

Новая высота

Главный вывод, сделанный Султангазиным после защиты диссертации, — он может и непременно будет заниматься наукой. Это именно его дело и призвание на всю последующую жизнь. Он увидел реальную пользу большой науки для общества, особенно областей физики и математики, на стыке которых он трудится. Ведь без усилий его коллег-единомышленников не было бы полетов в космос и создание ядерного оружия, энергетики настоящего и будущего, развития информационных технологий. Это был настоящий мейнстрим науки и техники с грандиозными перспективами.

Возвратившись в Алма-Ату, Умирзак Махмутович точно знал проблему, которой займется в ближайшие годы. Еще на дружеской вечеринке с учеными-сибиряками, своеобразном банкете по-аспирантски без особого шика, где собрались ближайшие ученики Марчука отметить завершение диссертации, один из них — без пяти минут доктор наук Владимир Викторович Пененко доверительно поведал Райхан Ганиевне: «Тут мы все удивляемся и ломаем голову вот над чем: шеф сильно любит Умирзака, считает его одним из способнейших своих учеников, но вот почему он дал ему в качестве темы докторской диссертации уравнение Больцмана, над решением которого целый век бьется

весь научный мир?». Не подавая виду, супруга благо- разумно скрыла от Умирзака сомнения Пененко и К°, предоставив ему полную свободу действий.

Действительно, почему Гурий Иванович поступил именно так? На наш взгляд, здесь переплелись объек- тивные и субъективные причины. С одной стороны, «долгоиграющая» научная проблема была сформули- рована, в ее разрешении ощущалась острая необхо- димость (особенно это чувствовал Марчук, размыш- лявший над новыми подходами в расчетах атомных реакторов) и уравнение непременно следовало дока- зать, дав толчок поступательному развитию знаний, тем более, современная наука достигла уровня, позво- лявшего по-новому подойти к ее разгадке. С другой стороны, научный руководитель оценил и безраздель- но поверил в большой потенциал своего ученика, в его недюжинные способности.

Как часто бывает, многие ученые, особенно вузов- ские преподаватели, после достижения одной высоты в науке (защиты диссертации, издания монографии и т. д.), на некоторое время сбавляют жизненный темп, дают себе передышку, как бы восполняя потраченные при этом физические и интеллектуальные силы, на- слаждаются всеми прелестями жизни, лишенными на- занный период. Но не таков был Султангазин. Он не по- чивает на лаврах успеха и признания в Новосибирске, публикации статей в рейтинговых союзных изданиях. Умирзак Махмутович со свойственной ему основатель- ностью разрабатывает на кафедре новые специальные курсы «Методы вычислений», «Вариационные методы в математической физике», «Метод конечных элемен- тов», «Приближенные методы оптимального управ-

ления», «Математические проблемы теории переноса излучения». Одновременно руководит работами аспи- рантов и соискателей, уделяет много времени методи- ческой и организационной работе. При его содействии и руководстве образуется группа молодых энтузиастов, специализирующихся на близких ему проблемах, тем более, он параллельно с педагогической работой воз- главляет на факультете научную лабораторию вычис- лительных методов и программирования.

Через два с половиной месяца после защиты при- ходит радостная весть из Высшей Аттестационной Комиссии в Москве об утверждении в ученой степени кандидата наук. Летом 1967 года избирается в универ- ситете по конкурсу и утверждается в должности доцен- та кафедры, которую через год ВАК СССР подкрепит официальным аттестатом обладателя одноименного ученого звания. Вдобавок увеличивается общественная нагрузка, ставшая логическим следствием его вступле- ния в ряды коммунистической партии. Скажем прямо, он не стремился стать членом правящей политической партии по корыстным побуждениям или грезе о посту- пательной карьере. Просто общаясь с Марчуком, Янен- ко и другими знаковыми личностями-коммунистами, в основном, бывшими фронтовиками, он обратил внима- ние на их порядочность и кристальную честность, вы- сокую сознательность и принципиальность, глубокую убежденность в правоте коммунистических идей. Да и весь дух Академгородка был пронизан благотворным влиянием хрущевской «оттепели» и гуманистическо- го вольнодумства. Внес свою «лепту» и тесть — ста- рый большевик Гани Мейрманов, который постоянно теребил его одним и тем же вопросом, имевшим для

него особую значимость: «Почему не вступаешь в партию?». Обычная в таких случаях отговорка, что математикам-«технарям» это необязательно, раздражала аксакала. К тому же поступали предложения и с факультета, и, в конце концов, Султангазин согласился. На собеседовании в райкоме соискателей партийных билетов традиционно пропускали через строгое «сито» ветеранов КПСС, задававших разнообразные вопросы, начиная от программы и устава до самых потаенных «уголков» человеческой души. Именно тогда одна почтенная старушка-«рентген» после долгого разговора по душам и скажет таким же великовозрастным товарищам: «А мне импонирует его скромность и по-человечески добрые глаза». Молодому коммунисту партком поручит самый хлопотный участок в университете, где нужно конкретно-деятельное участие – работу в студенческих общежитиях. Получить меньший участок ответственности со ссылкой на напряженную работу над докторской диссертацией не получится.

После окончания дел в КазГУ Умирзак стремился быстрее добраться до автобусной остановки близ дома, где с нетерпением ожидавшая его супруга передавала, как эстафетную палочку, сына-наследника Алмаса, обделенного дефицитным местом в детском саду. Благо еще родители преподавали в вузах в разные смены и могли подменять друг друга, а позволить себе нянечку было непозволительной роскошью, да и не принято. Затем с сынишкой они шли на новую трехкомнатную квартиру в стандартной «хрущевке» на улице Тореза общей площадью 40 квадратных метров. В этом крохотном жилище, где дверей больше чем комнат, особо не разгуляешься, об отдельном рабочем кабинете, или

хотя бы месте, мечтать не приходится. Еще хорошо, что забыли об «удобствах» во дворе и печном отоплении частного дома. Теперь, в лучшем случае, он мог рассчитывать на краешек малюсенького стола на кухне в шесть квадратных метров и то при случае отсутствия гостей, непременных составляющих казахского образа жизни и в городе, и на селе.

Как только засыпали дети, и наступала долгожданная тишина, плотно закрывалась дверь на кухне, где коротал вечера и ночи молодой ученый. На первое время для погружения в проблему его настольной книгой стала работа шведского математика Таге Йиллис Тóрстен Кáрлемана (1892–1949), опубликованная учениками покойного в 1957 году. Еще повезло, что ее перевели с французского и опубликовали в Москве в 1960 году под названием «Математические задачи кинетической теории газов». Его великий предшественник получил важнейшие результаты, относящиеся к вопросам существования и единственности решений уравнения Больцмана для частного случая. Гениальный математик видел путь решения проблемы и для общего случая, несколько раз возвращался к этой теме, но, как констатировали его ученики Леннарт Карлсон и Отто Фростман в предисловии, «к моменту его кончины имелся черновик рукописи, в которой он осуществил свои планы, одновременно расширив их. Завершить свой труд Карлеману не удалось»¹. Но в математической среде поговаривали, что якобы на полях рукописи Карлеман оставил такую интригующую

¹Карлеман Т. Математические задачи кинетической теории газов. М.: Изд-во иностранная литература. Библиотека сборника «Математика» /Под ред. Н.Н. Боголюбова, 1960. С. 7.

фразу, смысл которой сводился к тому, что это уравнение можно доказать очень просто, а на писчей бумаге не хватило для этого свободного места...

Так над чем же бился признанный лидер шведской математической школы? На протяжении жизни он плодотворно и много работал, создав труды – пять книг и 60 статей, опередившие время. По мнению историков науки, его работы не сразу были оценены по достоинству, но со временем стали считаться классическими, особенно по интегральным уравнениям и теории функций, известные и увековеченные ныне в общепринятых понятиях: теорема Данжуа – Карлемана, неравенство Карлемана, кинтинуум Карлемана, формула Карлемана, формула Йенсен – Карлемана, оценки Карлемана, встраивание Карлемана. Не менее прорывные результаты были получены им в математической физике, где неоспорим приоритет доказательства глобального существования для уравнения Больцмана в кинетической теории газов. Последняя работа не давала покоя ученым мира, и именно в ней искали ответ на головоломку столетия, заданную величайшим австрийским физиком-теоретиком Людвигом Больцманом (1844–1906).

Без малого 100 лет назад Больцман вывел основное кинетическое уравнение газов, которое заложило основу физической кинетики с обширной информацией. Как тут не поразиться мощи его интеллекта и научного предвидения, гениальности открытий, находящихся сегодня применение в различных микро- и нанотехнологиях. Согласно кинетической теории, газ рассматривается как совокупность громадного числа хаотически движущихся частиц (например, молекул, атомов, ионов), тем или иным образом взаимодействующих меж-

ду собой. В результате таких взаимодействий частицы обмениваются импульсом, энергией. Взаимодействие может осуществляться путем прямого столкновения частиц или при помощи тех или иных сил. То есть упомянутое уравнение наиболее удачно описывало изменения во времени функции распределения по пространству и скоростям атомов газа.

Детальное познание данной картины возможно силами математической физики, области науки, занимающейся математическими моделями физических явлений. Однако в отличие от физиков, полагающихся на эксперимент, «матфизики» решают проблему посредством математических доказательств, выдавая конечный результат в виде теорем, графиков, таблиц. Но и здесь поиск истины не достигается сиюминутно, иногда для решения одной задачи или теоремы требуются многие годы. Именно поэтому, прежде всего, математику требуются также такие качества характера, как упорство и настойчивость в достижении цели. А этого Султангазину было не занимать.

Возвращаясь к уравнению Больцмана, отметим его довольно сложную математическую структуру, относящуюся к многомерным интегро-дифференциальным нелинейным уравнениям, которое коренным образом отличалось от классических уравнений математической физики. А между тем, наука и практика жаждали использовать приложение уравнения для изучения вакуумных устройств, структуры ударной волны и теплопередачи, моделирования турбулентности и атмосферных процессов, расчета атомных реакторов, изучения солнечной радиации, космического мониторинга и прочая, и прочая.

Быстро летело время. К середине 1968 года, то есть через два года после начала исследования, Умирзак Махмутович стал отчетливо осознавать свое существование продвижение по теме. Теперь, как воздух, требовалось выйти из тени научного отшельничества в публичную академическую среду для апробации выношенных идей и подходов, коллективного «мозгового» штурма. Лучшего места для этого, чем новосибирский Академгородок, нельзя было придумать. Султангазин видит выход в поступлении в докторантуру, но как опять оставить дома одну работающую супругу-кормилицу с тремя детьми на несколько лет. Разумеется, требовался семейный консенсус. Деликатный Умирзак советуется с женой, которая, как умная женщина, понимала, что мужу крайне необходима творческая самореализация. Но в то же время она помнила пессимистический прогноз Пененко. Однако, преодолев свои опасения и взвесив предстоящие тяготы, Райхан совершила неженский поступок, поддержав супруга.

В октябре 1968 года Султангазин отправляется в полугодовую стажировку с сохранением заработной платы в родной Вычислительный центр. Шесть месяцев интенсивного общения с лучшими умами советского математического сообщества не проходят даром, Умирзак, равно как и его научный консультант — теперь уже полноправный академик Марчук, почувствовали: они на верном пути, и велика вероятность получения неплохих результатов. Не сомневавшийся в своем ученике Гурий Иванович решает оказать посильную помощь для продолжения исследования и принимает Султангазина после окончания стажировки на работу в штат ВЦ на должность старшего научного сотрудника. Более того,

используя свой административный ресурс, выделяет ему одну комнату в служебной квартире коммунального типа. Теперь Умирзак Махмутович мог полностью посвятить себя любимому делу, ни на что не отвлекаясь. Впрочем, отвлечения от работы были, но они приносили докторанту большое удовлетворение, ибо он снова от души вел занятия со студентами Новосибирского университета, читая лекции вместо уезжавшего в многочисленные командировки шефа.

Здесь в нить повествования напрашивается эпизод о том, как Умирзак впервые замещал Гурия Ивановича, причем совершенно в неожиданной роли. В октябре 1968 года чете Марчуков предстояла месячная поездка в Швецию по приглашению коллег, в ходе которой планировалось посещение Стокгольма, Гетеборга и Лунда. Они только что вселились в новый коттедж для академиков по адресу Золото долины, 89 и толком не обустроились. А дома — трое пацанов в самом беспокойном возрасте — 13, 14 и 16 лет, требующие неусыпного контроля. Приходящая кухарка, естественно, не могла справиться с могучей кучкой свободолюбивых наследников академика. Недолго думая, а также принимая во внимание многодетность Умирзака (также веселая троица детишек, правда, разнополых и меньших по возрасту) и его ответственность, шеф искренне попросил только что приехавшего ученика временно пожить у них, присмотреть за сыновьями, особенно за учебой по математике и закупать продукты. Отказать Гурию Ивановичу Султангазин не смог. Марчук, давно отошедший от бытовых дел, абсолютно полностью переложивших на супругу, не знал текущей конъюнктуры цен и посчитал, что ста рублей на месяц им вполне хватит. Ольга Николаевна, находившаяся в это время

в отъезде и присоединившаяся к супругу в Москве, вовремя заметила промах мужа и послала домой письмо, извещая Умирзака, что ему следует занять денег у их хороших соседей по участку².

²Интересно, что этот случай отложился в памяти среднего сына Андрея Гурьевича, который спустя 47 лет изложил свою версию тех событий: «В середине 60-х годов в Вычислительный центр приехал молодой казахский ученый Умирзак Махматович Султангазин для работы над своей кандидатской диссертацией. У него была договоренность с моим отцом о руководстве его работой. Работать предстояло не один день. Обычно аспирантам выделяется какое-нибудь жилье. Таких аспирантских общежитий в Академгородке было несколько. Но в 60-е годы в Сибирском отделении было настолько большое количество аспирантов и молодых научных сотрудников, что пустующих мест в общежитиях не оказалось. Но проблема, как мне кажется, состояла не только в этом. Султангазин, скорее всего, формально не был аспирантом в Сибирском отделении. Возможно, он числился в аспирантуре какого-то казахского института или университета. Короче говоря, с жильем возникла проблема, и мой отец вместе с У.М. Султангазиным должны были принять какое-либо решение о работе над кандидатской диссертацией. Наиболее естественным вариантом в сложившейся ситуации был бы отъезд Султангазина обратно в Алма-Ату и ожидание там свободной комнаты в общежитии. Но, взвесив все за и против, было принято другое решение: Умирзак Махматович будет жить у нас дома. В этом имелись и свои преимущества. У директора института, кем и был мой отец, оставалось не так много времени на свою научную работу и на работу с учениками, каковых у него всегда было в достатке. Поэтому работа над диссертацией Султангазина велась прямо у нас дома в вечернее время. Я точно не помню, сколько по времени у нас жил Умирзак Махматович, но не меньше двух-трех месяцев. История эта закончилась, когда наш «постоялец», ставший к тому времени уже почти членом нашей семьи, съехал из нашего коттеджа» (Наш Марчук /Отв. ред.: В.П. Ильин, А.К. Лаврова; сост.: А.Г. Марчук, Н.А. Притвиц, Я.И. Фет. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 2017. С. 177–178).

Наступило памятное лето 1969 года. Султангазин достиг хороших результатов по работе, окончательно просчитал полученные параметры, вроде, все получилось. Теперь нужна объективная оценка умудренных коллег, и Умирзак Махматович решает выступить с докладом на престижном среди специалистов научном семинаре члена-корреспондента АН СССР, лауреата Ленинской премии за разработку ядерного заряда для артиллерийского снаряда Льва Васильевича Овсянникова в Институте гидродинамики Сибирского отделения. Профессор Овсянников считался тогда одним из ведущих ученых страны в области газовой динамики, щедро делился своими знаниями и комментариями среди коллег, и вокруг него образовался неформальный коллектив исследователей, состоящий из математиков, механиков и экспериментаторов, которые регулярно встречались на этом активно работавшем семинаре.

Так как тема доклада была сенсационная (ведь немало сильнейших отечественных и зарубежных математиков безуспешно пытались доказать данное уравнение), в холле Института гидродинамики на всеобщее обозрение вывесили большой плакат с объявлением, текст которого гласил, что малоизвестный Султангазин такого-то июля доложит о доказательстве теоремы существования и единственности решения нелинейного кинетического уравнения Больцмана с помощью метода расщепления. На заседании семинара был настоящий аншлаг. Умирзак Махматович уверенно доложил свои результаты весьма компетентной аудитории, продемонстрировал доступность избранного им метода. Идея предложенного метода заключалась в том, что исходная задача для кинетического уравнения

заменялась на две более простые: первая — пространственно-однородная задача для кинетического уравнения; вторая — задача чистого переноса. Возражений по основным положениям доклада никто не высказал, все выглядело вполне логичным и убедительным.

Так уж случилось, что в зале среди прочих присутствовал недавно переехавший в Академгородок из Москвы классик советской (ныне российской) прикладной математики, доктор физико-математических наук Сергей Константинович Годунов. Этот ученый, долгие годы занимавшийся закрытой тематикой, в 1959 году удостоился Ленинской премии за работы по математическому моделированию и расчетам физических процессов в области ядерной физики. Его яркий талант признавали академики Я.Б. Зельдович, А.Д. Сахаров, Ю.Б. Харитон, М.В. Келдыш и все «зубры» советской математики. Будущий академик Годунов, именем которого назван ряд теоретических схем и методов, был нестандартным человеком, поглощенным одной наукой³. Имея на руках билет на самолет в Москву, он был настолько заинтригован объявлением о докладе, что решает остаться на семинар.

Заслушанный доклад не выходил у него из головы все четыре часа полета до Москвы, тем более, ранее Годунов также пытался доказать уравнение Больцмана. Размышляя над ходом предложенных Султангазинным доказательств, он все-таки находит одно слабое звено. Оказывается, доказательства Умирзака Махму-

³См.: Математика в приложениях. Всероссийская конференция, приуроченная к 80-летию акад. С.К. Годунова (Новосибирск, 20–24 июля 2009 г.). Новосибирск, 2009. 334 с.

товича, применимые в целом, не распространяются на приграничье, где молекулы газа ведут себя по-иному. Исходя из этого, Сергей Константинович построил свой контрпример. В Москве Годунов нашел координаты докладчика и написал ему письмо со своими доводами.

Как вспоминает супруга, она была свидетельницей того, как муж извлек это послание из почтового ящика в Алма-Ате. Прочитав фамилию отправителя, сразу же в подъезде вскрыл конверт. Ознакомившись, побледнел, разволновался. Поднявшись в квартиру, жена налила чашку чая, сказав: «Успокойся, посиди, подумай». Через некоторое время Умирзак промолвил: «Годунов прав». Так был отвергнут предложенный алгоритм доказательства Султангазина, который, как доказал позже японский математик Т. Нишида, был шагом в правильном направлении. В 1994 году на конференции в Японии он так интерпретирует Р. Мейрмановой свой приоритет в доказательстве уравнения Больцмана: «После того, как Ваш муж преподнес мне уравнение на «блюдечке», мне оставалось сделать не так много».

Последовавшая очная встреча Годунова и Султангазина привела к образованию творческого тандема: Сергей Константинович предложил работать вместе над уравнением при измененных условиях и по другому пути доказательств. На деле они соревновались: кто быстрее решит. Разумеется, стартовые условия у них отличались, так как у Умирзака Махмутовича было несколько иное целеполагание — не только решить уравнение, но и защитить докторскую диссертацию. Но исследовательский азарт увлек Султангазина,

заставив оставить мысль о защите диссертации «на потом».

Умирзак Махмутович так вспоминал то славное время и творческий союз: «Это был нестандартный человек. Он говорил: «Я ставлю перед своими аспирантами такие задачи, которые сам не умею решать. Если бы я знал ответ, это было бы неинтересно»... Мы искали – и, случалось, находили друг у друга ошибки в расчетах или доказательствах, но если у кого-то возникала новая идея, то он тут же стучал в дверь другому, спешил поделиться. По воскресеньям шли пешком до Искитима – 35 километров, обратно возвращаясь на электричке, и все обменивались мнениями, продвигались шаг за шагом к цели. Вот так общались на равных. Иначе там, в мире большой науки, без своего багажа невозможно, тебя просто не воспринимают»⁴. Султангазину было интересно работать с Годуновым, спорить и решать, решать. Завораживала и личность ученого, фанатически преданного науке «неземного» человека, предельно открытого душой, настоящего друга.

Но стечение жизненных обстоятельств потребовало возвращения на работу в КазГУ в конце 1970 года. В отзыве Г. Марчука так подводились итоги двухлетнего труда: «В течение двух лет с ноября 1968 года по ноябрь 1970 года У.М. Султангазин был прикомандирован к Вычислительному центру Сибирского отделения для подготовки к защите докторской диссертации.

⁴Журавлев В. Я не стал «чистым теоретиком», а всегда шел за жизнью: Интервью У.М. Султангазина // Казахстанская правда. 1996, 4 октября.

За это время им сдано в печать шесть статей по важному современному разделу теории дифференциальных уравнений – кинетическому уравнению – и по приложению этой теории к вычислительным проблемам. Общее количество работ, выполненных У.М. Султангазиным, достигло двадцати»⁵. Далее, характеризуя опубликованные работы и их результаты, научный консультант заключал: «В настоящее время У.М. Султангазин успешно занимается продолжением исследований... и есть все основания ожидать, что им в ближайшее время будет на этом пути получено обоснование нестационарного варианта метода сферических гармоник – одного из наиболее распространенных методов численного расчета реакторных задач, который до настоящего времени не получил полного и ясного обоснования. Считаю, что У.М. Султангазин внес крупный вклад в науку, и нет сомнения, что он в ближайший год подготовит докторскую диссертацию по одному из наиболее актуальных направлений науки».

Приведенные слова наставника были вполне заслуженной оценкой проведенной работы. В следующем году в центральном журнале с символическим названием «Успехи математических наук» увидела свет большая статья «О дискретных моделях кинетического уравнения Больцмана», написанная Умирзаком Махмутовичем совместно с Годуновым, которая знакомила общественность с результатами их исследования. Ими впервые была четко намечена схема перехода нелинейного кинетического уравнения к теории обобщенных решений уравнений гидродинамики,

⁵Семейный архив У.М. Султангазина.

причем, дано на модельном уравнении (это так и не вошло в диссертацию). Статья была незамедлительно переведена на английский язык и стала началом нового научного направления в теории нелинейного уравнения Больцмана, вызвав шквал публикаций в советской и зарубежной печати, многочисленные ссылки на сей труд, как бы мы сейчас сказали, «получила высокий индекс цитирования по международным базам данных». В научный оборот прочно входит понятие «модель Годунова – Султангазина». В том же году завершается обнародование основных положений диссертации. К ноябрю 35-летний ученый, наконец-то, доводит оформление диссертации до логического конца и после необходимых формальностей выпускает автореферат. Здесь обращает на себя внимание научная и человеческая порядочность диссертанта, официально указавшего двух научных консультантов работы – Марчука и Годунова.

Долгожданная защита состоялась 10 марта 1972 года в стенах Института математики Сибирского отделения АН СССР. Тема исследования звучала так – «Метод сферических гармоник для нестационарного кинетического уравнения переноса излучения» по специальности «дифференциальные уравнения». Непривычная формулировка для уха обывателя, далекого от тонкостей математической физики, скрывала многое. А между тем, как заявляли крупнейшие американские физики Е. Вигнер и лауреат Нобелевской премии Юджин Вигнер, относительно удобства предложенных наукой методов для счетных машин «вопрос о выборе методов приближения является все менее ясным: если счетная машина будет достаточно мощной, то, в

конце концов, годится любой метод, который обеспечит сходимость. Это практическая точка зрения. Однако удобство использования метода при машинных расчетах едва ли заменяет математическое изящество или физическую наглядность. В этом отношении метод сферических гармоник является, возможно, наиболее привлекательным...»⁶.

Проведение защиты висело на «волоске» из-за разыгравшейся непогоды. В аэропорту Новосибирска бурило, несмотря на календарную весну, и самолет с директором Института и одновременно председателем научного Совета, всемирно известным математиком Сергеем Львовичем Соболевым смог еле приземлиться. Признанный лидер науки – Герой Социалистического Труда и лауреат четырех (!) Государственных премий, беспрецедентно избранный консервативными членами Академии членом-корреспондентом в 24, а действительным членом – в 30 лет, утомленный дорогой, решил не задерживать защиту и поехал прямо с аэропорта в институт.

Защита диссертации прошла блестяще, разгорелась плодотворная дискуссия, в пылу которой первый официальный оппонент, знакомый нам академик Н.Н. Яненко удивленно вопрошал у докторанта: «Почему я не получил этого результата? Укажите мою ошибку», на что в кулуарах ученые мужи лукаво усмехались: «Он же не академик, как Вы». Высокую оценку работе и личности диссертанта дали на защите и научные консультанты. В частности, Гурий Ивано-

⁶См.: Вейнберг А., Вигнер Е. Физическая теория ядерных реакторов. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 733 с.

вич так охарактеризовал воспитанника ВЦ: «Умирзак Махмутович лет десять тому назад приехал сюда, здесь прошел хорошую стажировку, защитил кандидатскую диссертацию и поехал к себе на родину. Там начал активно работать в области вычислительной математики. Надо сказать, что его всегда отличали такая фундаментальность в изучении новых проблем и адаптация к самым сложным и интересным областям, к которым он соприкасался. В этом — успех работы»⁷.

В высоком научном собрании из 24 членов Совета все единодушно отдали голоса за присуждение степени доктора физико-математических наук посланцу братского Казахстана. При этом члены Совета были едины во мнении, что давно не видели такого интереса к диссертации.

Как полагается, виновник торжества накрыл дастархан в скромном кафе «Уют», где с помощью обучавшихся аспирантов из Казахстана сварили мясо привезенного с родины барана. К удивлению членов Совета, обычно категорично избегавший застолий Соболев, несмотря на усталость, благожелательно принял приглашение, настолько он был доволен проведенной защитой. По казахскому обычаю, ему, как старшему по возрасту, подали положенную, по степной традиции, баранью голову. Академик А. Тайманов, как рожденный степняк, выступил в качестве консультанта для сибиряков. Оба глаза барана достались Марчуку с подчеркнутым значением: «Вам, как заместителю

⁷Стенограмма заседания Ученого совета Института математики СО АН СССР от 10 марта 1972 года — семейный архив У.М. Султангазина.

председателя Сибирского отделения, надо смотреть в оба» и так далее.

Завершив оформление материалов защиты, Умирзак Махмутович сразу же поехал в первую зарубежную командировку в Чехословакию, сроком на семестр в качестве приглашенного профессора старейшего в Европе Карлов университета (основан в 1348 г.). Он читал лекции по математическим проблемам теории переноса на русском языке в Карлов университете и Электротехническом институте города Пльзень, совместно с коллегами занимался научной работой «Спектральные вопросы теории линейного оператора Больцмана».

Что касается диссертации, то, несмотря на успешную защиту, Высшая Аттестационная Комиссия направила ее на закрытое рецензирование «черному оппоненту» в Ленинград, пытаясь найти ошибку в доказательствах, мотивируя, что так поступают с трудноразрешимыми задачами. В феврале 1973 года, в полные 36 лет У.М. Султангазин становится одним из самых молодых докторов физико-математических наук в Советском Союзе и четвертым доктором наук-казахом по математике⁸.

Так ему покорилась еще одна вершина большой науки. Теперь это был не просто сложившийся исследователь в ранге доктора наук, а признанная личность с большим потенциалом. Работая в Академгородке, общаясь с величайшими учеными и одновременно круп-

⁸Для сравнения: в 1967 г. в республике было семь докторов и свыше 60 кандидатов наук-математиков — см.: *Персидский К.П., Жаутыков О.А., Ким Е.И., Багаутдинов Г.Н.* Развитие математики в Казахстане // Октябрь и наука Казахстана. Алма-Ата, 1967. С. 76.

ными организаторами науки, Султангазин, как губка, впитывал в себя лучшую практику научно-организационной деятельности, видел слабые стороны развития науки в Казахстане. Сибирская наука находилась на передовых рубежах научно-технического прогресса, демонстрировала почти идеальные взаимоотношения с образованием и производством, смело практиковала поиск лучших организационных форм. Поражала богатая традициями академическая среда, междисциплинарный характер исследований. Удалось ближе познакомиться с передовым университетом науки в лице НГУ, практиковавшим прочную связь обучения с исследовательской работой в научных институтах Сибирского отделения. Академгородок импонировал открытостью миру, благодаря чему Султангазин услышал лекции и дискуссии с участием выдающихся ученых, в том числе иностранных, имел возможность общения с ними в неформальной обстановке. Он стал завсегдатаем клуба междисциплинарных контактов в Доме ученых, где общались на равных специалисты по всем направлениям знания, делились планами, спорили. Чего стоил пример одного ВЦ, где под общей крышей изучали физику атмосферы и океана, статистическое моделирование, количественные методы распознавания областей с полезными ископаемыми и оценки прогнозных запасов, проблемы газовой динамики, теории упругости и пластичности. Велись пионерские разработки проблем информатики, математического моделирования химико-технологических процессов. Это был отлаженный научный механизм, восприимчивый к интеграции и приверженный духу коллективизма.

Много поучительного почерпнул он из общения с Гурием Ивановичем, своей жизнью демонстрировавшим верность утверждения, что любой организатор науки должен, в первую очередь, быть ученым, не порывать с ней ни при каких обстоятельствах. Он воочию видел безграничный круг научных интересов шефа, находившего время и силы для разработки эффективных методов решения задач математической физики, моделей экологии, климата, иммунологии и медицины, наконец, замахнувшегося на изучение глобальных изменений на планете. В свою очередь, Марчук, распознав в Умирзаке задатки лидера, постоянно приглашал его на свои рабочие совещания: смотри, как мы работаем, планируем и управляем научными исследованиями. Бесценный опыт и воспитание на лучших традициях русской математической школы, приобретенные в Сибири, Султангазин будет помнить всю жизнь.

Академия

Первая поездка за рубеж, пусть и в страну социалистического лагеря, но сразу на четыре месяца, стала незабываемым событием для молодого ученого. Он с неподдельным интересом знакомился с златой Прагой, не единожды исходил ее вдоль и поперек, повинувшись своей извечной любознательности. Гораздо основательнее, с прагматичной целью извлечь полезный опыт изучал систему высшего образования и науки в Чехословакии. Этому как нельзя лучше способствовали встречи с коллегами и выступления перед ними в Институте математики национальной Академии наук, в Чешском высшем техническом заведении, электротехническом и машиностроительном институтах в городе Пльзень на западе республики.

Основные действия происходили в стенах Карлов университета, ректор которого особо подчеркнул, что Султангазин первый лектор-казах за шестивековую историю вуза. Студенты, аспиранты и преподаватели физико-математического факультета университета за это время прослушали два спецкурса Умирзака Махмутовича: «Вычислительные методы в теории переноса» и «Метод дробных шагов решения многомерных задач математической физики».

Более предметные беседы и обсуждения проходили на кафедре вычислительной математики. Ее заведующий профессор Иво Марек считался крупным специалистом по математической теории переноса, имевшей особое значение для индустриально развитого государства с продвинутым уровнем инфраструктуры и исследований в различных областях физики и других технических наук. Достаточно сказать, что в 1970 году между Советским Союзом и ЧССР был заключен контракт на строительство двух атомных электростанций (строительство АЭС Дукованы начато в 1974, и она запущена в эксплуатацию в 1985 году, АЭС Темелин — соответственно 1981 и 2002). Вовсе неудивительно, что встреча двух одноклассников привела к заключению творческого союза — договоренности о сотрудничестве, и вскоре первым примером ее конкретного воплощения станет появление у Султангазина чешского аспиранта Станислава Мика, благополучно защитившего диссертацию в 1978 году. Но истинный ученый творит не только в строго отведенное время, как рабочая смена у станка. Его естество, весь мыслительный аппарат трудится без остановки, невзирая на место и время. Вот и в ЧССР Умирзак Махмутович успевает написать совместно с чешскими математиками статью под названием «О сходимости собственных значений метода сферических гармоник для кинетического уравнения переноса» и разработать авторский спецкурс по методам конечных элементов.

В дальнейшем взаимовыгодные контакты с чехословацкой стороной развивались по нарастающей, свидетельством чему — еще четыре поездки Султангазина на научные форумы (1975, 1977, 1983, 1997), проведение

ответных симпозиумов в Алма-Ате и Донецке (1977 и 1986), статьи в соавторстве с К. Ректористом и С. Мика. Закономерным итоговым результатом первого международного проекта с участием Умирзака Махмутовича станет публикация коллективной монографии «Математические проблемы кинетической теории переноса», удостоенной премии Академии наук СССР и Академии наук Чехословакии в области естественных наук в 1989 году¹.

После данного зарубежного турне усилился его интерес к изучению иностранного языка. Как отмечалось выше, еще в школе он неплохо овладел немецким языком и даже спустя годы мог сносно общаться и читать тексты без словаря. Пребывание в Академгородке, тесное общение с коллегами и всевозрастающие массивы научной информации по информатике и вычислительной технике, а тем более, перспектива частых выездов за границу неотвратимо ставила задачу освоить английский язык. И вновь наш герой стал методично и целеустремленно заниматься языком, беря частные уроки. Однако загруженность работой, домашние дела и резко возросшее общение с друзьями после «сибирской разлуки», а также отсутствие языковой среды для практики потребовали иной, более эффективной методики изучения. Следует нестандартный шаг: во время четырехмесячного прохождения повышения квалификации преподавателей вузов в МГУ осенью 1976 года Султангазин записывается и аккуратно посещает интенсивные курсы английского

¹Алма-Ата, 1986. 256 с. Совместно с В.В. Смеловым, А.Ш. Акишевым, А. Сакабековым, И. Марекон, С. Житны, С. Мика.

Родители Нуриля Темирбайкызы и Кабдолла Арсаков

Мне 5 лет

С мамой Нурилей

*Выпускники Кара-Обинской средней школы.
В нижнем ряду в середине любимый учитель математики
М. Карсакбаев*

Первокурсник КазГУ

*Студенческие друзья:
У. Султангазин, Н. Саханов,
Т. Каратаев, 1956 г.*

С земляком Ш. Сейфуллиным, 1954 г.

На сельхозработах в совхозе Пахта-Арал, 1955 г.

*Студент 3-го курса физмата,
в центре научный руководитель, доцент В.А. Сапа*

С друзьями и коллегами, 1961 г.

В родном ауле, 1962 г.

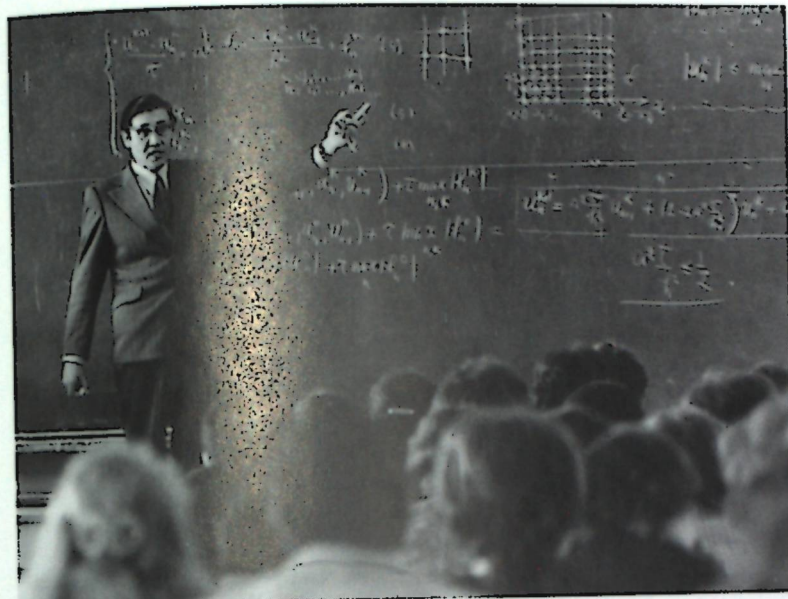

*Г.И. Марчук за казахским дастарханом.
Слева сидит Х.И. Ибрашев. Алма-Ата, 1966 г.*

Фотоархив СО РАН

Всесоюзный симпозиум в Вычислительном центре, 1972 г.
В первом ряду справа академик А.Н. Тихонов,
во втором ряду М.М. Лаврентьев (старший)

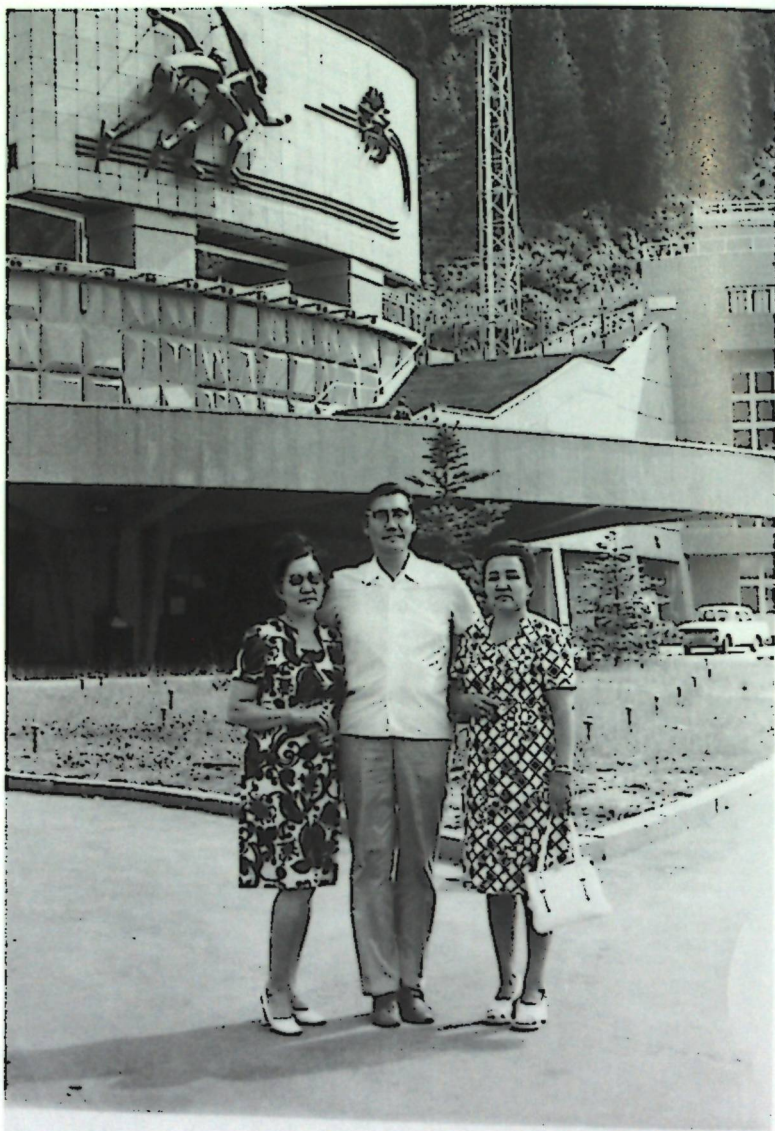
Лекция в Кокчетавском пединституте, 1974 г.

Душевные проводы в Прагу, 1972 г.

На Кок-Тобе отметили избрание
в члены-корреспонденты АН Казахской ССР, 1975 г.

Алма-Ата. Медео 1976г.

На Медео, 1976 г.

Семья Султангазиных. Райхан Ганиевна, Алмас, Жанат, Салтанат, Умирзак Махматович, 1967 г.

Радостные новоселы, 1979 г.

*С профессором Келлогом в Стэнфордском университете,
1978 г.*

*На Ученом совете Института математики и механики,
1987 г.*

На международной конференции в ФРГ, 1982 г.

На конференции в Японии, 1987 г.

Академик-секретарь Отделения АН КазССР, 1985 г.

Лауреат Государственной премии СССР за 1987 г.

Президент Академии наук Казахской ССР, 1988 г.

Встреча с космонавтом А.А. Гречко в Алма-Ате

Сессия Общего собрания Академии наук, 1988 г.

*Встреча с учеными-химиками, 1989 г.
Выступает академик Б.А. Жубанов*

*Кандидат в народные депутаты СССР среди избирателей
Караганды, 1989 г.*

языка в самом именитом учебном заведении страны в области языкознания – Московском государственном педагогическом институте иностранных языков имени Мориса Тореза. Метод оказывается действенным, но требуется постоянная работа над собой. На «вооружение» берется испытанный временем способ чтения художественной литературы на языке оригинала. По свидетельству очевидцев, они часто видели среди «походных» вещей академика томик с романом Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие! (A Farewell to Arms)». Но он не довольствовался словарями и в случае сомнений открывал переводное издание на русском и, что любопытно, использовал также эту же книгу на казахском языке².

36-летний ученый, опьяненный европейской действительностью и еще не привыкший к своему мгновенно возросшему статусу, вернулся в альма-матер. Несмотря на лестные рекомендательные письма академической элиты на имя ректора КазГУ и плодотворные итоги поездки, подкрепленные проектом договора о сотрудничестве с Карлов университетом, последний не считал возможным тотчас же предоставить ему место заведующего кафедрой. Таковым он станет по результатам конкурса в конце 1972 года и пробудет в этой должности неполные шесть лет.

За это время факультет претерпит существенные изменения: специальности кафедры механики перейдут на факультет прикладной математики, и он в составе восьми кафедр получит наименование математического. В новой ипостаси факультет математики берет

² Меңдібай С. Кісілік пен кішілік // Қазақ. 2011, 21–28 қазан.

курс на всемерное укрепление связей с ВЦ Сибирского отделения в части организации студенческих практик и подготовки кадров. Не последнюю роль в усилении данного тренда развития сыграет персонально Умирзак Махмутович. Он, как всегда, много и упорно работает. За пять лет публикует свыше двух десятков статей и учебное пособие, подготовит к печати индивидуальную монографию, вышедшую в 1979 году в академическом издательстве «Наука». На счету молодого профессора участие в четырех международных конференциях, выпуск первых аспирантов «под ключ» с защитой диссертации. По своему потенциалу и объему работы кафедра заметно выделялась на общем фоне. В частности, в лаборатории вычислительных машин при кафедре трудились 21 программист с высшим образованием, включая одного кандидата наук, двух выпускников аспирантуры и трех соискателей. Коллектив лаборатории занимался математическим обеспечением ЭВМ, решением задач математической физики, экономики, геологии-геофизики, работал по заданиям других структурных подразделений. Непосредственно сам заведующий кафедрой руководил научной темой «Решение инженерно-экономических задач математическими методами с использованием ЭВМ», включающей производство расчетов для министерств геологии и водного хозяйства (например, составлялся алгоритм расчета волны сельскохозяйственного допуска по пойме Иртыша для института энергетики), а также совместно с Институтом ядерной физики составлялись машинные алгоритмы по радиационному повреждению реакторных материалов. Помимо обеспечения учебного процесса, лабораторией

выполнялся солидный объем хозяйственных работ. Кроме того, Султангазин читал лекции в периферийных вузах республики, являлся секретарем партийной организации факультета, членом партбюро.

Деятельность многообещающего доктора наук не осталась незамеченной научным сообществом. Весной 1975 года проходят очередные выборы в Академию наук Казахской ССР. На выделенную вакансию по специальности «Математика» претендовали Султангазин и ректор Казахского политехнического института Абдыкаппар Ашимов. Удача сопутствовала Умирзаку Махмутовичу. Пусть не создается впечатление, что выборная кампания проходила спокойно и без сенсаций: не получили требуемого количество голосов и «пропали» места академика по специальности «теория механизмов, машин и автоматических линий», членов-корреспондентов по гидрогеологии, географии, астрономии и истории СССР³.

Членство в элитарном академическом клубе окрылило, но не вскружило ему голову. Он полон новых планов и замыслов, думает о расширении круга научных интересов. Вероятно, поэтому в письме академику-секретарю Отделения физико-математических наук Академии О.А. Жаутыкову он напишет: «Как показали результаты проверки деятельности Института математики и механики АН КазССР, исследования по теории и методам вычислительной математики проводятся все еще не на должном уровне. Причиной этому является нехватка высококвалифицированных специалистов в области вычислительной математики... Будучи

³См.: Казахстанская правда. 1975, 23 февраля, 5 апреля.

специалистом в области вычислительной математики и членом нашей Академии, считаю своим почетным долгом принимать участие в разработке тем, проводимых по вычислительной и прикладной математике в АН КазССР. В связи с этим прошу Вас рассмотреть вопрос о моем участии в тематике научно-исследовательских работ Института математики и механики АН КазССР».

Летит время, в 1978 году за спиной два десятилетия работы в университете. Умирзаку Махмутовичу комфортно в вузе, есть время для занятия наукой, после двухлетних ходатайств по линии Министерства высшего образования СССР намечается командировка в США. Ей он придает важное значение, думая в последующем специализироваться по новому направлению вычислительной математики. Но вдруг неожиданно следует резкий поворот в судьбе: президент Академии наук А.М. Кунаев делает предложение возглавить Институт математики и механики, осиротевший после кончины ее директора Тулеубая Идрисовича Аманова. Оказывается, руководство Академии желает заполнить вакансию ученым со стороны, и его кандидатура представляется наиболее предпочтительной. При первой встрече Султангазин решительно отказывается: НИИ слабоват, поднимать его будет трудно, на руках с трудом полученное согласие компетентных органов на поездку за океан, да и, в принципе, не хочет чисто административной работы. Но президент неумолим и при повторном собеседовании обещает не препятствовать командировке, чуть позднее, помочь с техническим переоснащением института и финансированием, единственное условие-просьба: «только поднимите

институт». Выбирать не приходится и не откажешь вовсе, но тактичный Султангазин, прежде всего, считает этичным навестить вдову предшественника, объяснить ситуацию и свои благие помыслы, найти понимание и получить благословение.

17 июля 1978 года, в разгар казахстанской сиесты, Умирзак Махмутович назначается исполняющим обязанности директора института и сразу же разворачивает кипучую деятельность. Не так много времени понадобилось на изучение состояния дел, аудит кадрового корпуса. Застарелой болезнью не только данного учреждения, а, пожалуй, большей части академической сети, была самоуспокоенность сотрудников после защиты диссертации. Каждый год составлялись одни и те же отчеты по единой форме, работники трудились ни шатко, ни валко, с прежним багажом знаний, преобладало мелкотемье. Новый шеф повышает требовательность к сотрудникам, пересматривает планы работы, требует от всех большей отдачи, берется курс на улучшение координации научно-исследовательской работы в данных областях по республике и объединение усилий с вузовской наукой, омоложение кадров. Как бы пафосно ни звучало, но за пару лет удастся мобилизовать коллектив на решение актуальных задач фундаментального и прикладного направления по математике и механике.

Не столько почетна, как тяжела ноша директора. А в коллективе научном — эти сложности вдвойне: к каждому сотруднику нужен особый подход, бывает, амбиции человека превышают его научный потенциал, с возрастом снижается творческая активность, есть свои «подснежники» и в науке, держащиеся на плаву

благодаря протекции, постоянно нужна мотивация людей неординарных, да и много еще чего. Приведем в этой связи яркий образец народного фольклора советского периода на тему «Трудно быть директором», в котором, на наш взгляд, многое приближено к истине, поскольку касается вопросов взаимоотношений в коллективе.

«Придет на работу вовремя, говорят: ишь, прибежал спозаранку, хочет нам глаза втереть. Придет поздно, скажут с иронией: начальство не опаздывает, оно задерживается.

Спросит, как жена, дети – сует нос не в свое дело. Не спросит – скажут: ну и черствый же человек.

Спросит: какие есть предложения? Уже шепот – сам никаких не имеет. Не спросит – к голосу коллектива не прислушивается.

Решает вопросы быстро – тороплив. Решает медленно – перестраховщик.

Начнет шутить – острят: без щекотки не засмеешься. Не шутит – ворчат: хоть раз видели на его лице улыбку?

Держится по-дружески – хочет втереться в доверие. Держится обособленно – сухарь, зазнайка.

Дела идут хорошо – в конечном счете, это мы работаем. Снимают за невыполнение плана – поделом, он один виноват».

Аскар Кунаев сдержал свое слово, и в ноябре того же года Султангазин отправился на два месяца в США (первоначально в 1976 г. предполагалась поездка продолжительностью полгода). В командировочном предписании указали целью научно-исследовательскую работу по дифференциальным уравнениям в Стэн-

фордском и Мэрилендском университетах. Программу международного сотрудничества в США курировала влиятельная некоммерческая организация IREX (Совет по международным исследованиям и обменам), которая заранее оговорила программу, контактное лицо и месячную стипендию на карманные расходы в 340 долларов.

Оба университета были исследовательского типа и имели собственную специфику. Особый интерес для Султангазина представлял встречавший его в Мэриленде профессор Брюс Келлог (1930–2012). Это был крупный теоретик и практик, доктор PhD (1958) с сотней публикаций. В свое время он работал в ядерной промышленности в системе Вестингауз Электрик Корпорейшн, которая производила ядерные реакторы для военно-морского флота США. Здесь гость ознакомился с новейшими достижениями в разностных методах краевых задач математической физики и практикой исследований по построению оптимальных вычислительных алгоритмов для многомерных уравнений в частных производных, читал лекции о методе сферических гармоник и выступил на семинаре Келлога. Иной характер носило пребывание в Стэнфорде, расположенном в Кремниевой долине, где его встречал профессор Роберт Оссерман (1926–2011), известный трудами по геометрии выпускник Гарварда. Он оказал посильное содействие в знакомстве с организацией научно-исследовательской и учебно-методической работы на математическом факультете. Утвержденную программу пребывания удалось перевыполнить, встретившись с профессором Питером Лаксом (р. 1926) из математического Института

Куранта в Нью-Йорке. Это поистине уникальная личность в мире науки: он участвовал в «Манхэттенском проекте» по разработке ядерного оружия и работал в Лос-Аламосской национальной лаборатории, зять Рихарда Куранта, а по совокупности заслуг — почетный доктор многих университетов мира и обладатель ряда престижных наград (премии Норберта Винера, Вольфа, Абелевская, Большая золотая медаль им. М.В. Ломоносова). К чести командированного профессора, его знание английского языка на первый раз оказалось вполне достаточным для бесед и дискуссий с коллегами (к его удивлению, неплохо осведомленными с содержанием публикаций Султангазина, в основном, переведенных на английский язык), общения с простыми жителями. Впечатления от знакомства с американской математической школой, равно как и других государств в последующем, придаст чувство законной гордости Умирзаку Махмутовичу, ибо он наглядно убедится и не раз в лидирующих позициях советских математиков, уступающих разве что техническим обеспечением и материальными условиями бытия.

Вернемся в Институт математики и механики, к делам его директора. Несомненно, в разы выросла нагрузка по части научно-организационной работы: необходимо непосредственное участие в определении перспективных направлений научных разработок, непременно увязывая с личностным ростом сотрудников, налаживание кооперации с ведущими центрами страны, пестование подрастающей научной поросли не в ущерб преемственности традиций коллектива. Именно этим объясняется продолжение исследований фундаментальных проблем математики и механики,

концентрируя силы и материальные ресурсы на традиционных направлениях (теория дифференциальных уравнений и математическая логика). Благодаря притоку молодых кадров в институт после аспирантуры и стажировок, удалось получить важнейшие результаты в области функционального анализа и математической физики. Значительно увеличивается объем хозяйственных работ за счет проектов по расчету загрязненности атмосферы столицы и разработки простейших моделей прорыва волн для селезащиты. В качестве первостепенной задачи внедренческого характера институтом выдвигается идея создания на собственной базе ВЦ коллективного пользования, который обеспечит потребности в информационных и вычислительных мощностях большого числа НИИ, в первую очередь, на территории главного здания Академии наук. После уточнения тематики научно-исследовательских работ по республике по проблеме «Прикладная математика и вычислительная техника», исключая параллелизм и мелкотемье, предлагается 18 тем⁴. Султангазина всерьез беспокоит отсутствие конкурсов на математические факультеты вузов, уменьшение числа абитуриентов, окончивших сельские школы, пассивность математиков в кооперировании деятельности с представителями смежных наук. Свою позицию он доводит до министерств просвещения и высшего образования. Благодаря нововведениям в институте разрабатывается свыше десяти пакетов научно-прикладных программ для решения экономических, экологических

⁴Султангазин У.М. Выступление на Сессии Общего собрания АН Казахской ССР // Вестник АН Казахской ССР. 1979. № 3. С. 29–30.

и технических задач. К примеру, по заявке Института зоологии в 1982 году на основе математической модели была установлена численность сайгаков на территории Казахстана. Перечисленное выше – лишь толика конкретных дел обновленного НИИ, которые вывели его, начиная с 1981 года, на первые места в социалистическом соревновании институтов Академии наук СССР и Казахской ССР.

Руководящая должность, естественно, сказалась на Султангазине-ученом, спрессовав донельзя рабочий график. Но, тем не менее, он продолжает систематически заниматься любимым делом, выкраивая свободные «окна» на выходных, в отпуске или в течении рабочего дня. Если посмотреть библиографию его трудов за 80-е годы, нетрудно заметить стабильную творческую активность, нашедшую отражение в публикациях (свыше 60 работ), в выступлениях на профессиональных форумах (17 докладов в СССР, ФРГ, Польше, Японии, Чехословакии, Болгарии и в том числе на двух международных конгрессах математиков), подготовке 14 кандидатов наук. В это время интенсивно формируется его собственная научная школа, и ученики-последователи фронтально развивают различные аспекты теории переноса излучения, метода сферических гармоник, математического моделирования. Заслуживает быть отмеченным выход двух индивидуальных монографий «Дискретные нелинейные уравнения Больцмана» (Алма-Ата, 1984) и «Дискретные нелинейные модели уравнения Больцмана» (Алма-Ата, 1985). Последняя книга была переиздана в 1987 году в Москве на английском языке. Также им прочитаны циклы лекций в международной математи-

ческой школе имени Банаха (Варшава, 1985), в Парижском институте автоматике и кибернетики, Колледже де Франц (1986). Одним словом, за десять лет работы в Институте математики и механики Султангазин заслуженно выдвинулся на авансцену казахстанской науки как лидер математической науки, признанный мировым научным сообществом.

Как полагается в идеале, «честь по труду». Вот и его в апреле 1983 года опять-таки на альтернативной основе (на вакансию претендовал и член-корреспондент АН КазССР А.Т. Лукьянов) избрали действительным членом (академиком) Академии наук Казахской ССР по специальности «Математика»⁵. В январе 1985 года он вновь поднимается в научной «табели о рангах», перейдя на статусную позицию академика-секретаря Отделения физико-математических наук и члена Президиума АН Казахской ССР⁶. 5 июня 1986 года сессия Общего собрания Академии избрала Умирзака Махмутовича своим вице-президентом. Итак, спустя всего 11 лет после защиты докторской диссертации, он вошел в когорту «бессмертных» – так во Франции именуют академиков, а накануне четвертого мушел жас – стал одним из членов штаба отечественной науки, в преддверии полувекowego юбилея – вице-президентом Академии наук. Это была закономерная научная карьера, как путь в армии от солдата до генерала. Судите сами: ассистент, старший преподаватель, доцент, заведующий кафедрой, профес-

⁵Казахстанская правда. 1983, 16 января, 22 февраля, 9 апреля.

⁶Академия наук Казахской ССР (Хроника событий) /Сост.: Ж.А. Аханов, И.М. Козыбаев. Алма-Ата, 1990. С. 184.

сор – в университете, активно занимавшийся наукой в Сибирском отделении АН СССР с защитой там же диссертаций на ученую степень кандидата и доктора наук. Затем молодой представитель вузовской науки с академическим уклоном и званием члена-корреспондента становится директором института, академиком, академиком-секретарем Отделения и вице-президентом АН Казахской ССР.

Здесь мы сознательно прерываем поступательный ход повествования, дабы сделать краткий экскурс в историю взаимоотношений науки и власти на примере Академии наук, без чего не понять перипетий 80–90-х годов.

Императорская академия наук, учрежденная по замыслу Петра I, после падения самодержавия стала именоваться Российской академией наук, а с 1925 года – Академией наук СССР, распространив свою деятельность на национальные республики, то есть подтверждая интернациональный характер советской науки. В наследство от прошлого Академия наук СССР, признанная высшим научным учреждением страны, переняла принципы самоуправления и государственного финансирования. В то же время необходима существенная поправка относительно формальной независимости Академии от государства, ибо «с тех пор (1925 г. – И.К.) все принципиальные вопросы организации деятельности Академии наук – разработка уставных положений, избрание ее руководства, проведение общих собраний и сессий, определение внутренней структуры Академии, создание институтов, определение кандидатур на академических выборах и т.д. – становятся предметом пристального внимания

Политбюро и его комиссий»⁷. Строители нового мира подчинили себе вечно фрондирующую Академию арестами и репрессиями ее членов, экономическими мерами принуждения. Более того, в устав Академии включается пункт о возможном лишении ее членов почетного звания за деятельность, направленную «явным образом во вред Союзу ССР». В ее состав все больше избираются ученые-коммунисты, в частности, действительными членами стали интеллектуалы Н.И. Бухарин (в 1929 г.), А.В. Луначарский (1930), Г.М. Кржижановский (1936) и др. Не удивительно, что в 1939 году обрел звание академика доктор юридических наук А.Я. Вышинский, бывший в 1935–1939 гг. Генеральным прокурором Советского Союза. Как явный реверанс власти следует расценивать избрание почетными членами АН СССР наряду с доктором педагогических наук, автором 10-томного собрания сочинений Н.К. Крупской (1931) и выдающимся биологом-селекционером И.В. Мичуриным (1935), секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина (1939) и министра иностранных дел В.М. Молотова (1946).

И в Казахстане в ходе развернувшейся культурной революции образуются структуры и учреждения научного профиля, проводятся различные экспедиции АН СССР по изучению природных богатств края, ведется соответствующая работа в немногочисленных высших учебных заведениях. В 1932 году открывается Казахская база АН СССР, первоначально состоявшая из двух секторов: зоологического и ботанического.

⁷ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991/ 1922–1952/ Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. С. 5.

Год от года растет число научных образований, расширяется спектр исследований, проводимых международной по составу научной интеллигенцией, где увеличивается удельный вес коренного этноса. Размах научно-исследовательской работы и грандиозные перспективы освоения природных ресурсов республики обусловили преобразование Казахской базы в полноценный филиал АН СССР в ноябре 1938 года. Но, как и прежде, интеллектуальную мощь базы — филиала АН СССР составляет координирующее ядро ученых центральных регионов страны, в самом филиале в конце 30-х годов насчитывается около 100 научных сотрудников (в том числе три доктора и 14 кандидатов наук), приходящихся на шесть секторов, четыре ботанических сада и Казахский НИИ национальной культуры. В 1940 году к ним добавится Институт геологических наук⁸.

Великая Отечественная война и последовавшие за этим десятилетия военно-политического противостояния с Западом сняли все сомнения Кремля о необходимости развития фундаментальных наук, подняли на небывалую высоту статус советских ученых и существенно гармонизировали государственную научно-техническую политику, выведя ее в число приоритетов развития. Академическая наука получает всемерную поддержку в вопросах финансирования, подготовки кадров и расширения инфраструктуры, что заметно и в союзных республиках. В Казахской ССР бурное научное строительство происходит в русле первоочередных задач по перестройке экономики на

⁸ Академия наук Республики Казахстан. Алма-Ата, 1992. С. 9–10.

военные рельсы и увеличению вклада ресурсной базы на нужды фронта. Научный потенциал республики многократно возрастает с подключением к исследованиям эвакуированных ученых системы Академии наук СССР, вузовской и отраслевой науки. Благоприятное влияние передовой науки, как органичный сплав знаний, опыта, технологий и традиций, непосредственно сказывается на интенсивности разработок, повышении квалификации местных кадров, совершенствовании структуры науки.

К счастью, с 1942 года во главе Казахского филиала АН СССР находился выдающийся ученый с незаурядными организаторскими способностями Каныш Имантаевич Сатпаев, имевший степень доктора наук (1942) и вскоре получивший высокое звание члена-корреспондента союзной Академии (октябрь 1943 г.). Феномен Сатпаева состоял в том, что, действуя в соответствии с подходом профессионального геолога, он досконально обследовал научный «ландшафт» республики и доподлинно знал состояние наличествующего кадрового потенциала, а посему точно пестовал нужных специалистов, правильно оценил «запасы» — потребности экономики в сырье и технологиях, провидчески наметил горизонты будущего научного знания, подкрепленного мощной системой высшего образования, научно-исследовательских институтов, опытных производств, работающих на благо Отчизны. Так, к 1944 году в составе КазФАН СССР находилось пять институтов (геологических наук; химии и металлургии; почвоведения и ботаники; астрономии и физики; истории, языка и литературы), два сектора (зоологии; географии и экономики), и принято решение об орга-

низации институтов зоологии и тропических болезней, секторов энергетики, экономики и искусствования. Общее число работников филиала достигло 576 человек, из них научных сотрудников 230, в том числе два академика и четыре члена-корреспондента АН СССР, 26 докторов наук и профессоров, 76 кандидатов наук и старших научных сотрудников, 65 аспирантов⁹.

Каныш Имантаевич, наметая преобразовать КазФАН в республиканскую академию, с 1944 года целенаправленно форсирует завершение докторских диссертаций 24 сотрудниками и при поддержке руководства АН СССР добивается решения об открытии сразу 11 новых институтов. Первого июня 1946 года, образно говоря, завершается марафон казахского народа «от юрты до академии» и проводится торжественное открытие АН Казахской ССР, первый состав которого утверждается правительством в количестве 14 академиков и 16 членов-корреспондентов. К этому времени в штате Академии – 1177 сотрудников, из них научных – 583, включая 57 докторов и 184 кандидата наук¹⁰.

Первый президентский срок Сатпаева, избранного в 1946 году действительным членом АН СССР при одобрении комиссии Политбюро ЦК ВКП(б)¹¹, окончился в сентябре 1951 года. Тогда же, по демократическим канонам, состоялись «перевыборы всех руко-

⁹Чокан Ш.Ч. Путь Национальной академии наук (воспоминания и размышления). Алматы, 1996. С. 10–11.

¹⁰Там же. С. 19.

¹¹Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991/ 1922–1952. С. 319, 330.

водящих звеньев академии, начиная от институтов и секторов и кончая президиумом Академии наук. При этих перевыборах Каныш Имантаевич был снова единогласно избран президентом АН КазССР»¹². Через два месяца по вздорным обвинениям в духе разоблачительных кампаний того времени в области идеологии решением Бюро ЦК КП(б) Казахстана от 23 ноября он освобождается от должности в придачу со строгим выговором по партийной линии. Следует отметить, что зачинщики клеветнических измышлений, удачно воспользовавшиеся моментом, вольготно чувствовали себя в атмосфере повсеместной подозрительности и поиска врагов в обличье буржуазных националистов, что было характерно для времени усиления великодержавных настроений в правящей элите и прессинга на идеологическом фронте с негласной установкой: не оставлять «небитых» среди ярчайших представителей научной и творческой интеллигенции, особенно в области языка и литературы, истории и искусства, то есть сфер, формирующих национальное самосознание. Как ни прискорбно, но только восстанавливавшая силы после чувствительных репрессий и военных потерь национальная интеллигенция оказалась бессильной противостоять бациллам зависти, страха, дрызг и нечестной конкуренции, питаемым в собственной среде, балом стала править серость, торжествующая временную победу над талантом. В сложившихся условиях президент Академии, ставший основной мишенью, пытался нейтрализовать властную вертикаль

¹²Цит. по: Сатпаева Т.А. Каныш Имантаевич Сатпаев. Алматы, 2003. С. 227–228.

даже таким «маневром», как предложение избрать в академики по направлению «экономика и философия» первого секретаря ЦК Жумабая Шаяхметова, не имевшего высшего образования¹³.

Однако московские перестраховщики во власти предпочли показательную «порку» Академии. Ученые подвергались гонениям и шельмованию, их увольняли с работы и исключали из партии, отдельные лица подверглись арестам и лишились ученых степеней, их труды как «политически вредные» изымались из библиотек. В частности, за 1946–1951 годы из Академии уволили свыше 200 человек, четыре раза сменились директора в Институте языка и литературы, дважды – в Институте истории, археологии и этнографии¹⁴.

25 декабря 1951 года решением ЦК Динмухамед Ахмедович Кунаев (1912–1993) освобождается от должности заместителя председателя правительства и утверждается президентом Академии наук¹⁵, предпринимая итог будущих выборов. Позднее в своих мемуарах он напишет, что в декабре 1951 года отказался от предложения Шаяхметова и согласился лишь после повторного предложения спустя два месяца и еще че-

¹³Письмо К.И. Сатпаева секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову об увеличении численности действительных членов и членов-корреспондентов АН КазССР от 9 февраля 1951 года // Академик К.И. Сатпаев: Сборник документов и материалов. С. 294.

¹⁴См.: Ашимбаев Д., Хлюпин В. Казахстан: история власти. Опыт реконструкции. Алматы, 2008. С. 441, 445, 447, 448, 460; Гуревич Л. Тоталитаризм против интеллигенции. Из истории политики тоталитарного государства в отношении интеллигенции Казахстана. Алма-Ата, 1992. 145 с.

¹⁵Там же. С. 462.

рез три недели прошел собеседование в Кремле¹⁶. Как видим, власти действовали оперативно и силовыми методами, с нарушением демократических процедур в самоуправляемой организации, тем самым ущемляя права и свободы академического сообщества, хотя первый состав президиума Академии наук во главе с Сатпаевым был утвержден ЦК только спустя полтора месяца после избрания, 20 августа 1946 года¹⁷.

Обращает на себя внимание позиция Каныша Имантаевича, уклонившегося от участия в «спектакле» на сессии Общего собрания Академии 15–17 апреля 1952 года, посвященной следующим организационным вопросам: лишение академических званий М.П. Русакова, А.К. Жубанова и К.Д. Джумалиева; освобождение Сатпаева от должности президента и члена президиума АН КазССР; избрание академиком кандидата технических наук Д.А. Кунаева и затем сразу же выдвижение последнего на вакантную должность первого лица Академии¹⁸. Участникам сессии было зачитано письменное заявление президента об отставке и поддержке кандидатуры претендента на его пост.

На нелегкий период трехлетнего пребывания Кунаева у «руля» Академии, состоявшей на момент прихода из 19 институтов, девяти секторов, астрономической лаборатории и ботанического сада, пришлось как аре-

¹⁶Кунаев Д.А. О моем времени: Воспоминания. Алма-Ата, 1992. С. 76; Он же. От Сталина до Горбачева (в аспекте истории Казахстана). Алматы, 1994. С. 80.

¹⁷Ашимбаев Д., Хлюпин В. Казахстан: история власти. Опыт реконструкции. С. 439.

¹⁸Академик К.И. Сатпаев: Сборник документов и материалов. С. 418–423.

сты, ссылки и бегство из республики ученых Академии (Кажигали Джумалиев, Ермухан Бекмаханов, Бекежан Сулейменов, Есмагамбет Исмаилов, Мухтар Ауэзов, Смет Кенесбаев и др.), так и начало некоторого ослабления натиска идеологической машины, действовавшей отныне больше по инерции. После смерти Сталина по-прежнему звучат лозунговые призывы к разоблачению врагов, идеологической нетерпимости, осуществляются конъюнктурные нападки на обобщающие труды академических институтов. В то же время восстанавливается в звании действительного члена АН М.П. Русаков (июль 1954 г.), снимаются партийные взыскания с Кенесбаева и Сатпаева, последний избирается членом президиума Академии наук (декабрь 1954 г.). В результате выборов удваивается численность членов АН КазССР, растет остротенность сотрудников и практическая отдача научных исследований для народного хозяйства. И все же во время борьбы за власть в стране и кадровой чехарды в республике, начала целинной эпопеи до большой казахстанской науки «руки не доходят».

4 апреля 1955 года Бюро ЦК освобождает Кунаева от должности президента в связи с утверждением премьер-министром. Аналогичное решение Общее собрание АН Казахской ССР вынесет на сессии только 28 июня, и с энтузиазмом выберет очередным президентом К. Сатпаева¹⁹.

Второе пришествие К.И. Сатпаева к руководству Академией стало долгим – он был переизбран на новый срок 29 мая 1962 года и возглавлял свое детище

¹⁹Там же. С. 448–454.

до кончины 31 января 1964 года²⁰. Его президентство было эффективным во всех отношениях. Во-первых, это почет и признание в Москве, облегчавшее решение животрепещущих вопросов жизнедеятельности Академии. Для примера назовем выборочно лишь его отдельные «портфели»: член Президиума АН СССР с февраля 1957 года, входит в составы Комитета по Ленинским премиям и Высшей аттестационной комиссии, депутат Верховного Совета СССР, неоднократный делегат партийных съездов, отмечен рядом правительственных наград, удостоен Ленинской премии²¹. Во-вторых, составлен перспективный план развития науки и сети научных учреждений, представленных и в областях. За эти годы созданы десять институтов, в том числе химико-металлургический в Караганде; химии нефти и природных солей, геологии и геофизики, ихтиологии и рыбного хозяйства в Гурьеве; филиал института почвоведения в Целинограде. Успешно осуществляется координация с ведомственной и вузовской наукой. В-третьих, продолжается практика комплексного изучения регионов, проводятся выездные научные сессии Академии и проблемных советов. В-четвертых, улучшается кадровый потенциал и материально-техническое обеспечение АН Казахской ССР, выстроена система подготовки научной смены. В-пятых, меняется к лучшему моральный климат в науке, восстанавливаются в академических званиях А. Жубанов и К. Джумалиев,

²⁰Там же. С. 484–485.

²¹См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1927–1991 /1952–1958/. С. 684, 688–689, 758–759; Сатпаев Каныш Имантаевич, академик Академии наук СССР. Т. I. Алматы, 2016. С. 21–24.

труд многих ученых по достоинству оценен наградами и поощрениями. Демократизации способствует периодическое обновление состава Президиума АН Казахской ССР (декабрь 1955, июль 1956, май 1959, июль 1962, август и октябрь 1963 года)²².

Нами обрисована картина большими «мазками», но ведь было и иное: партийный диктат, коммунистическое прожектерство, волюнтаризм Н.С. Хрущева. К сожалению, только на пенсии он осознал свое невежество в вопросах науки, отразив это в воспоминаниях: «Когда Курчатов предложил свои услуги в качестве советника (председателя Совета Министров по вопросам науки – И.К.), я понял, что мне нужен именно такой человек, которому я бы абсолютно доверял. Он идеально подходил для установления более тесных контактов правительства с ученым миром. Это оказалось бы полезным и для науки, и для обороны страны. Он помог бы руководству правильно оценивать ход событий и в нужное время выделять средства, необходимые для прогресса того или иного научного направления»²³. Требуя сиюминутных результатов от фундаментальной науки, выпячивая на первый план только прикладные исследования, Никита Сергеевич бросался из крайности в крайность, угрожая президентам АН СССР А.Н. Несмеянову и М.В. Келдышу в 1959–1964 годах упразднить Академию наук. До Хрущева поздно «дошло», что «трудно, занимая такой пост (президен-

²² Ашимбаев Д., Хлютин В. Казахстан: история власти. Опыт реконструкции. С. 481, 484, 498, 525, 538, 539.

²³ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания в 4-х кн.). Кн. 4. М., 1999. С. 221.

та Академии – И.К.), угодить буквально всем. В науке вообще много индивидуального, каждый ученый – со своим характером, своим пониманием дел и своими запросами. Предположить, что все могут одинаково относиться к президенту, невозможно»²⁴.

Отношения Сатпаева с Кунаевым не были отнюдь безоблачными, как уверял последний²⁵. По мнению ближайшего соратника Каныша Имантаевича – академика Шафика Чокина, корни случившегося в том, что за десятилетний срок пребывания на посту вице-премьера «у него выработался своеобразный стиль работы и обращения с подчиненными, характерный для администратора сферы хозяйственной деятельности. Этот стиль руководства Кунаев перенес на Академию наук, представляющую собой творческую организацию со своеобразным характером работы. Он совершенно не имел опыта работы по руководству таким многопрофильным коллективом научных работников, не говоря уже об исследовательском творчестве. Избрание с кандидатской степенью сразу академиком и президентом Академии он неправильно понял, вообразил себя крупным ученым и стал вести себя соответственно. На этом фоне и при таком стиле руководства в Академии, естественно, появились определенные недовольства, особенно со стороны ее членов»²⁶. Преемник высту-

²⁴ Там же. С. 222; Чокин Ш.Ч. Четыре времени жизни: Воспоминания и размышления. Алма-Ата, 1992. С. 316–318; Батуриин Ю. «Здесь наука под защитой навечно» // Новая газета. 2013, 12 июля.

²⁵ См.: Кунаев Д.А. О моем времени. С. 89–90; Он же. От Сталина до Горбачева. С. 93–94.

²⁶ Чокин Ш.Ч. Путь Национальной академии наук: (воспоминания и размышления). С. 60.

пил категорически против присвоения Сатпаеву звания Героя Социалистического Труда, запретил проведение 60-летнего и последующих юбилеев, были и другие поступки, усугублявшие ситуацию²⁷.

Мы далеки от мысли подвергнуть сомнению неоспоримый и весьма существенный вклад Динмухамеда Ахмедовича во всесторонний подъем экономики, науки и культуры республики, масштаб его политической фигуры, но объективности ради следует признать и его некоторые слабости, свойственные, впрочем, любому смертному.

Утверждения Чокина подтвердил автору этих строк зять Каныша Имантаевича Оразай Батырбеков. При их встречах Кунаев внешне демонстрировал дружелюбие и лояльность, но это было напускное поведение. Разлад в отношениях возник по ряду причин и не одномоментно. Прежде всего, «виной» колоссальный авторитет Сатпаева, который мог добиваться своего, несмотря на иную позицию местного ЦК и правительства. Конечно, он – глыба, любимец народа, национальный брэнд, в сравнении с которым остальные просто меркли. И эту реальность надо было понимать и принять как должное, но не тут-то было. Недоразумения усилились, когда президент не подчинялся указаниям ЦК, кого следует выдвигать и, главное, – избирать в члены Академии. Основным критерием Сатпаев

²⁷ Там же. С. 58–59. О натянутости их взаимоотношений и подобной черте характера первого руководителя республики писал в свое время биограф Каныша Имантаевича писатель Медеу Сарсеке и сослуживец Динмухамеда Ахмедовича Михаил Исиналиев – см.: Сарсеке М. Сатпаев. М., 2003. С. 9–10; Исиналиев М. Штрихи к портретам. Алматы, 1999. С. 108–109.

считал научные достижения соискателя и руководствовался исключительно интересами развития науки.

Следующим президентом во время кратковременного возвышения в Казахстане Исмаила Юсупова избирается упомянутый выше академик Ш. Чокин. Он досконально знал состояние и проблемы отечественной науки, поскольку в 1955–1962 годах работал главным ученым секретарем Академии, имел отличное реноме в глазах руководителей АН СССР и союзных ведомств. Однако у него в начале 50-х годов сложились натянутые отношения с Д.А. Кунаевым, что, в конце концов, и обусловило его уход с этого поста в феврале 1967 года. Подробности конфликта, а точнее, необоснованных претензий первого лица республики к президенту АН обстоятельно изложены Шафиком Чокиновичем²⁸ – будущим обладателем знака особого отличия Республики Казахстан «Халық Қаһарманы» «За выдающиеся заслуги в развитии науки и энергетики, большой личный вклад в подготовку высококвалифицированных научных кадров», что позволяет не пересказывать эту печальную страницу истории науки. Следует отметить, что освобождение Чокина произошло по непосредственной санкции Л.И. Брежнева, минуя Отдел науки ЦК КПСС и без учета однозначной поддержки Президиумом АН СССР действующего президента республиканской академии. Излишне говорить о негативном влиянии на академические традиции и жизнедеятельность

²⁸ Чокин Ш. Ч. Путь Национальной академии наук: (воспоминания и размышления). С. 46–55; Он же. Четыре времени жизни: Воспоминания и размышления. С. 127–138, 314–319.

пил категорически против присвоения Сатпаеву звания Героя Социалистического Труда, запретил проведение 60-летнего и последующих юбилеев, были и другие поступки, усугублявшие ситуацию²⁷.

Мы далеки от мысли подвергнуть сомнению неоспоримый и весьма существенный вклад Динмухамеда Ахмедовича во всесторонний подъем экономики, науки и культуры республики, масштаб его политической фигуры, но объективности ради следует признать и его некоторые слабости, свойственные, впрочем, любому смертному.

Утверждения Чокина подтвердил автору этих строк зять Каныша Имантаевича Оразай Батырбеков. При их встречах Кунаев внешне демонстрировал дружелюбие и лояльность, но это было напускное поведение. Разлад в отношениях возник по ряду причин и не одномоментно. Прежде всего, «виной» колоссальный авторитет Сатпаева, который мог добиваться своего, несмотря на иную позицию местного ЦК и правительства. Конечно, он – глыба, любимец народа, национальный брэнд, в сравнении с которым остальные просто меркли. И эту реальность надо было понимать и принять как должное, но не тут-то было. Недоразумения усилились, когда президент не подчинялся указаниям ЦК, кого следует выдвигать и, главное, – избирать в члены Академии. Основным критерием Сатпаев

²⁷Там же. С. 58–59. О натянутости их взаимоотношений и подобной черте характера первого руководителя республики писали в свое время биограф Каныша Имантаевича писатель Медеу Сарсеке и сослуживец Динмухамеда Ахмедовича Михаил Исиналиев – см.: Сарсеке М. Сатпаев. М., 2003. С. 9–10; Исиналиев М. Штрихи к портретам. Алматы, 1999. С. 108–109.

считал научные достижения соискателя и руководствовался исключительно интересами развития науки.

Следующим президентом во время кратковременного возвышения в Казахстане Исмаила Юсупова избирается упомянутый выше академик Ш. Чокин. Он досконально знал состояние и проблемы отечественной науки, поскольку в 1955–1962 годах работал главным ученым секретарем Академии, имел отличное реноме в глазах руководителей АН СССР и союзных ведомств. Однако у него в начале 50-х годов сложились натянутые отношения с Д.А. Кунаевым, что, в конце концов, и обусловило его уход с этого поста в феврале 1967 года. Подробности конфликта, а точнее, необоснованных претензий первого лица республики к президенту АН обстоятельно изложены Шафиком Чокиновичем²⁸ – будущим обладателем знака особого отличия Республики Казахстан «Халық Қаһарманы» «За выдающиеся заслуги в развитии науки и энергетики, большой личный вклад в подготовку высококвалифицированных научных кадров», что позволяет не пересказывать эту печальную страницу истории науки. Следует отметить, что освобождение Чокина произошло по непосредственной санкции Л.И. Брежнева, минуя Отдел науки ЦК КПСС и без учета однозначной поддержки Президиумом АН СССР действующего президента республиканской академии. Излишне говорить о негативном влиянии на академические традиции и жизнедеятельность

²⁸Чокин Ш. Ч. Путь Национальной академии наук: (воспоминания и размышления). С. 46–55; Он же. Четыре времени жизни: Воспоминания и размышления. С. 127–138, 314–319.

Академии субъективного фактора взаимоотношений, тем более, если одна сторона представлена высшим сановником Казахской ССР. Как справедливо подчеркивает старожил Академии наук Н.В. Ниретина, работавшая в аппарате Президиума при пяти президентах и трех министрах науки, «уход деятельного последователя К.И. Сатпаева, активного продолжателя его дела, знатока науки, производства, пользующегося признанием и авторитетом в Академии наук СССР, Минэнерго СССР и других союзных организациях, стал началом снижения уровня исследований, требований к членам Академии, что повлекло за собой приход в Академию и в ее руководство случайных людей, а, в конце концов, к потере авторитета в целом. От президента к президенту число этих людей увеличивалось. Постепенно количество членов Академии не работающих в ее системе росло, а нагрузка и ответственность за развитие академических исследований ложились на все меньшее число стареющих членов и сотрудников Академии»²⁹.

Власть предрасполагала, опасаясь повторения прецедентов с Сатпаевым и Чокиным, теперь искали на вакансию нового президента управляемого человека. Первоначально предложение было сделано ректору Карагандинского политехнического института, члену-корреспонденту АН КазССР Абылкасу Сагиновичу Сагинову. Вот как он вспоминал этот эпизод: «В 1967 году я был приглашен в ЦК партии, где Димаш Ахмедович предложил мне перейти на работу в систе-

²⁹ Ниретина Н.В. Оглядываясь на прошлое, снимаю шляпу... 2-е изд. Алматы, 2012. С. 211.

му Академии наук республики. Однако, по состоянию здоровья (алма-атинский климат мне противопоказан), я отказался от этого предложения. Он остался очень недовольным, вел разговор на повышенных тонах, даже пригрозил о переводе на эту работу в партийном порядке»³⁰. Тогда делается «ставка» на заместителя председателя Совета Министров, лауреата Ленинской премии, кандидата геолого-минералогических наук Шахмардана Есеновича Есенова, выдвинутого по «сценарию 1952 года» сразу в академики. Но, как бывало не раз, умудренные аксакалы не поддались административному нажиму, показали свой характер и не проголосовали сразу за претендента, неизвестного им как ученого. Только после третьей попытки Есенов набирает необходимое количество голосов и избирается действительным членом АН Казахской ССР. После утверждения результатов голосования сессия Общего собрания переходит к организационному вопросу, и вот Шахмардан Есенович – новый президент Академии наук.

Есть все основания считать, что смещение Есенова с государственной службы было не случайным и преследовало две цели одновременно. Во-первых, избавиться от стремительно росшего по номенклатурной лестнице (министр геологии в 34 года, вице-премьер – в 38, дважды выдвигался на пост премьера!) талантливого управленца с огромным потенциалом и популярностью в Союзе, при этом не отпуская, по выражению М. Кул-Мухаммеда, «далеко и постоянно держа в поле

³⁰ Сагинов А.С. О пройденном пути. Воспоминания. Алматы, 1990. С. 232.

зрения»³¹. Во-вторых, расчет делался на то, что он не справится с работой в ученом мире, в незнакомой и некомфортной ему обстановке, где всегда хватало завистников и пасквильянтов, то есть будет временной фигурой, послушной указаниям свыше. Но сии прогнозы полностью не оправдались.

Действуя в своей привычной манере взвешенно и решительно, исходя сугубо из государственных интересов, он приступил к реформированию науки: существенно обновил руководство большинства НИИ, за семь отведенных ему лет создал новые институты и лаборатории, кардинально продвинулся в решении жилищной проблемы для сотрудников и по капитальному строительству объектов АН, выдвинул в приоритет работы поддержку и заботу о молодежи; провел значимые научные форумы. За этот срок в 2,8 раза возросло количество работ, внедренных в производство; почти в полтора раза увеличилась численность сотрудников Академии; более чем в полтора раза вырос объем ассигнований и приобретаемого лабораторного оборудования. Он работал честно и эффективно, на перспективу, в условиях постоянного противодействия и интриг, дерганий и окриков из Дома на старой площади, о чем свидетельствуют очевидцы³².

14 февраля 1974 года ЦК компартии Казахстана освобождал Ш. Есенова от должностей президента АН

³¹Кул-Мухаммед М. Личность // Казахстанская правда. 2014, 15 мая.

³²Біртуар Шахмардан. Алматы, 1997. 6, 140, 143, 148–149, 159, 162, 181–183, 188 б.; Оразалықызы Г. Шахмардан Есенов. Алматы, 2011. С. 227, 243–245.

и директора Института геологических наук, назначив министром геологии³³. Затем во время приезда Брежнева в Алма-Ату на празднование 20-летия освоения целины заручаются его согласием на назначение президентом Академии наук А.М. Кунаева, что и претворяется на сессии Общего собрания 15 апреля, несмотря на возражения М.В. Келдыша. Отрешение от должности Шахмардана Есеновича происходит в нарушение устава, как и в случае с Сатпаевым, открытым голосованием³⁴. Попутно скажем, что ровно через четыре года Есенова снимут с работы без объяснения причин и, окончательно «подрезав крылья», отправят начальником геологической экспедиции под Балхашом³⁵. Вот вам триумф и трагедия истинного таланта.

По продолжительности пребывания Аскара Минлиахмедовича на посту президента Академии – 12 лет, он идет на втором месте после ее демиурга-основателя. Что касается содержательной части его деятельности, то, на наш взгляд, не совсем корректно следующее утверждение М. Журинова: «Пусть будет сказано не в обиду другим президентам Академии наук, все они были поистине крупными учеными, лидерами казахстанской науки, но после К.И. Сатпаева никто так не развивал Академию наук. При этом А.М. Кунаев заботился не только о самой Академии (институты, лаборатории), но и одновременно занимался созданием хо-

³³Ашимбаев Д., Хлюпин В. Казахстан: история власти. Опыт реконструкции. С. 587.

³⁴Оразалықызы Г. Шахмардан Есенов. С. 157–158, 246.

³⁵Собственную версию новой опалы академика приводит К.Д. Халменов в книге «Воспоминания генерала милиции» (Алматы, 1999).

роших бытовых условий для ученых»³⁶. Да, прогресс казахстанской науки в указанный период очевиден, что нельзя отрицать. Но для объективности оценки следует учитывать все факторы, влияющие на развитие науки, а в данном случае «козыри» были в «руках» младшего брата Д. Кунаева: безграничная лояльность и поддержка «верхов», режим наибольшего благоприятствования при решении любых вопросов Академии наук, от материально-бытовых до премий-наград и прочего. Непосредственно сам А.М. Кунаев был человек открытый и добрый, интеллигентный и порядочный, способный ученый-металлург, начинавший трудовую биографию с работы на производстве. Однако мягкость его характера и широта души нещадно использовались ближайшим окружением в собственных интересах, которые вместе с некоторыми человеческими слабостями Аскара Минлиахмедовича отрицательно влияли на имидж президента. Вероятно, он мог только догадываться, что творится за его спиной, прикрываясь его именем.

Отмеченные факты были столь общеизвестны, что их не преминули использовать в политических целях в «перестроечное» время для ниспровержения с «пьедестала» бессменного руководителя Казахстана. В феврале 1986 года делегаты XVI съезда компартии Казахстана и среди них президент Академии наук Аскар Кунаев в президиуме форума с мандатом от Чимкентской областной партийной организации, впервые ус-

³⁶ Журинов М.Ж. Академик А.М. Кунаев. Величие и простота // Академик Аскар Кунаев. Научные статьи и воспоминания. Алматы, 2009. С. 157.

лышали публичную критику с высокой трибуны³⁷, что «руководство Академии во главе с ее президентом А.М. Кунаевым ведет дела инертно, без должной инициативы. Оно не сумело поднять научные силы республики на решение фундаментальных проблем самой науки и народного хозяйства. Поэтому не случайно ни один институт академии не вошел в состав созданных в стране межотраслевых научно-технических комплексов, а за всю прошлую пятилетку не заключено ни одного лицензионного соглашения. Настораживает и то, что в прошлом году экономическая эффективность одной внедренной разработки по сравнению с 1980 годом снизилась почти в два раза, а из 76 предложений Академии наук по причине их недоработанности в государственный план т. г. включено только пять, в планы министерств и ведомств — девять.

Сегодня на съезде надо прямо сказать о том, что АН республики оказалась у нас организацией не критикуемой. Там создана обстановка угодничества, подхалимства. Видимо, поэтому президент АН не является не только на заседания Совмина, но и на балансовые комиссии. Таким образом, он самоустраняется от своих обязанностей. Думаем, Димаш Ахмедович, что пора призвать его к порядку. (Аплодисменты).

Президиуму академии следует принять неотложные меры к повышению роли и авторитета науки Казахстана. Тем более, что в двенадцатой пятилетке будет зна-

³⁷ XVI съезд Коммунистической партии Казахстана, 6–8 февраля 1986 года: Стенографический отчет. Алма-Ата, 1986. С. 263–264, 291. Подчеркнем, что среди делегатов находились 72 доктора и кандидата наук, 10 академиков и членов-корреспондентов АН СССР и АН Казахской ССР. — Там же. С. 149.

чительно укреплена опытно-экспериментальная база ряда академических институтов и организаций. Ответственные задачи, стоящие перед республикой, требуют, как от академической, так и отраслевой науки, в том числе ее заводского сектора, большей нацеленности их на достижение высоких народнохозяйственных результатов», что Академия затягивает вопрос с организацией Западно-Казахстанского отделения. Резолюция съезда констатировала: «В ускорение научно-технического прогресса и решение важнейших народно-хозяйственных проблем еще недостаточен вклад академической, отраслевой и вузовской науки, для многих исследований характерно мелкотемье и параллелизм, слабо поставлено внедрение законченных научных разработок»³⁸.

По итогам съезда, А. Кунаев не вошел в состав партийного органа, тогда как прежде являлся членом ЦК компартии Казахстана и кандидатом в члены ЦК КПСС. По неписанным номенклатурным «законам», это означало конец карьеры выдвиженца, скорый уход с занимаемой должности³⁹. Вскоре так и произошло. 9 апреля 1986 года ЦК компартии Казахстана осво-

³⁸Там же. С. 345.

³⁹Свои воспоминания о главных «сюрпризах» съезда оставили Д.А. Кунаев, Н.А. Назарбаев, З.К. Нуркадилов, С.Х. Жаданов, Н.Е. Морозов, Н.А. Кузнецов, Я.П. Рябов, С.С. Джиенбаев. — См.: Толмачев Г. 50 встреч с Д.А. Кунаевым: Воспоминания. Алматы, 1997. С. 102–103; Нурсултан Назарбаев: без правых и левых. М., 1991. С. 128–129, 164–165; Исцеление: Интервью специального корреспондента журнала «Дружба народов» А. Никишина с Н.А. Назарбаевым // Желтоксан-86: Статьи и публикации за 1986–1995. Алматы, 2006. С. 73–74; Ашимбаев Д., Хлюпин В. Казахстан: история власти. Опыт реконструкции. С. 648–650.

бодил Аскара Минлиахмедовича от должности президента по его просьбе и рекомендовал на этот пост академика М.А. Айтхожина. 21 апреля сессия Общего собрания Академии наук Казахской ССР легитимизовала этот выбор⁴⁰.

⁴⁰Ашимбаев Д., Хлюпин В. Казахстан: история власти. Опыт реконструкции. С. 650.

Восьмой президент

Итак, вернемся к событиям весны 1986 года. Горбачевская «перестройка» внесла коррективы в отлаженную процедуру выборов президента Академии наук. После «смотрин» в Москве, как вы заметили, Бюро ЦК 9 апреля 1986 года только рекомендовало кандидатуру Мурата Абеновича Айтхожина для выдвижения на должность президента, а на следующий после состоявшегося де-факто избрания утвердило на этом посту, как и характеристику на него с последующим внесением в ЦК КПСС¹.

Как подтверждают многие источники, М. Айтхожина отобрал лично Аскар Минлиахмедович², хотя тот не входил в его команду. Он, как никто другой, отвечал любым повышенным требованиям Центра: молод (всего 46 лет), после окончания КазГУ обучался в аспирантуре МГУ, ученик всемирно известного специалиста по молекулярной биологии, академика Александра Сергеевича Спирина. Выходец чисто академи-

¹Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 127. Д. 76. Л. 15, 29–30.

²По словам Н.К. Надирова, пару лет ранее А. Кунаев видел своим возможным преемником академика А.А. Абдулина // Абдулин Айтмухамед. Өнегелі омір / Под ред Г.М. Мутанова. Алматы, 2017. С. 219–220.

ческой среды, поскольку вся его сознательная жизнь была связана с Академией наук, где он последовательно вырос от младшего научного сотрудника до директора Института молекулярной биологии и биохимии, академика, члена Президиума АН КазССР. За открытие класса информосом – нового класса внутриклеточных частиц в составе коллектива ученых, где Айтхожин – единственный представитель союзных республик среди москвичей, удостоен Ленинской премии в 1976 году. Кроме того, кандидатуру Мурата Абеновича активно поддерживал выдающийся ученый-биохимик, вице-президент АН СССР Юрий Анатольевич Овчинников, хорошо знакомый с его оригинальными работами.

Сказать, что Мурат Абенович стремился к «портфелям», означало бы погрешить против истины. У него была любимая поговорка, суть которой и стало кредо: «Ученый, более пяти лет занимающийся административными делами, перестает быть ученым». Он представлял собой классический образец ученого, фанатически живущего бесконечными экспериментами, внимательно отслеживающего новейшую информацию в своей области, генерирующего идеи, и на самом деле далекого от администраторства. В узком кругу, особенно после его избрания делегатом XXVII съезда КПСС, когда заходил разговор о возможном назначении президентом, он отнекивался, что «не собирается чистить авгиевы конюшни». Однако, как вспоминает его друг, доцент МГУ Вадим Моисеевич Глазер: «Вскоре Мурату пришлось принять непростое решение стать президентом АН КазССР по предложению А.М. Кунаева, который объяснял, что хочет видеть

своим преемником порядочного и компетентного человека, какого он видел в лице Мурата. Мурат сильно сомневался. Он обсуждал этот вопрос и со мной, и, скорее всего, не только со мной. Я его отговаривал: «Зачем тебе это надо, разве тебе недостаточно работы в твоём институте?». Но это случилось. Когда через некоторое время я посетил его на новом посту в Алма-Ате, то услышал: «А ты знаешь, мне это дело нравится»³.

Айтхожин был человек оригинального склада: сверх-активный по натуре и доступный в общении, несмотря на ранг научного небожителя с мировым именем, честный и щепетильный, педантичный и пунктуальный донельзя, нетерпимый к лжи и халтуре в любых проявлениях, бескорыстный по отношению к коллегам и друзьям, предельно категоричный и резкий, далекий от дипломатии, укоренившейся в академической среде. Это был, как сейчас говорят, *self-made man*, то есть человек, добившийся всего сам. Он очень ценил свое время, торопился жить, завершить начатые дела. Именно с таким бойцовским настроем он приступил к работе. Достоверно зная «узкие» места и проблемы в академическом хозяйстве, «кто есть кто» в казахстанской науке, он прежде всего начал поиск единомышленников, также переживающих за престиж и дела Академии. Первыми он «призвал под свои знамена» академиков Султангазина и Жабайхана Абдильдина, предложив им поработать вице-президентами вместо Шавката Ибрагимовича Ибрагимова и Заки Ахмето-

³Мурат Айтхожин. *Өнегелі өмір* / Под ред. Г.М. Мутанова. Алматы, 2015. С. 256–257.

вича Ахметова, а исполнение обязанностей главного ученого секретаря Президиума возложил на доктора технических наук Ивана Ерофеева из Казахского политехнического института. Сессия Общего собрания АН Казахской ССР согласилась с кадровым выбором президента 5 июня 1986 года⁴.

Тогда же Мурат Абенович выступил перед Общим собранием с первым докладом аналитического характера, к которому приложили руку и новоявленные вице-президенты⁵. В отличие от прежних убаюкивающих слух спичей об успехах АН поднимались вопросы качества и эффективности исследований, темпов внедрения их результатов в производство, перестройки стиля и методов работы, гласно назывались упущения и недостатки. Айтхожин делился размышлениями, как добиться опережающего роста сырьевой базы бурно развивающихся отраслей промышленности, комплексной переработки минерального сырья, в частности, отходов и шлаков металлургической, фосфорной про-

⁴По распределению обязанностей между секретарями ЦК компартии Казахстана, главные вопросы Академии наук – чистай кадровые, находились в ведении Д. Кунаева, а текущие – у З. Камалиденова. Новые вице-президенты были утверждены, а их предшественники освобождены решением Секретариата ЦК 22 июля 1986 года. Бывший главный ученый секретарь Президиума Н. Надиров был освобожден от должности 25 июня – см.: Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 127. Д. 182. Л. 3, 7; *Ашимбаев Д., Хлютин В.* Казахстан: история власти. Опыт реконструкции. С. 651.

⁵Более подробно см.: *Айтхожин М.А.* Задачи ученых Академии наук Казахской ССР по выполнению решений XXVII съезда КПСС и XVI съезда компартии Казахстана // Вестник АН Казахской ССР. 1986. № 8. С. 6–19.

мышленности и ТЭЦ, превысивших в республике рубеж пяти млрд тонн. Было открыто заявлено о заметном отставании темпов роста научного потенциала от динамики развития промышленности и сельского хозяйства, большом удельном весе разработок, прошедших разные стадии опытных и опытно-промышленных испытаний, но оставшихся нереализованными. Главными недостатками назывались незавершенность предлагаемых производству разработок, схем и образцов, незначительная доля крупных и принципиально новых предложений фундаментального характера, распыление сил и средств по многим направлениям науки, слабая связь с нуждами практики.

Заявлялся курс на решительный отказ от некоторых малоперспективных направлений исследований, ставших традиционными. Анализ показал, что по развитию опытно-производственной базы АН КазССР занимает последнее место (!) среди академий союзных республик и напрасно потеряно много времени в процессе строительства экспериментальной базы, что непосредственно сказывается на реализации научных разработок. Отмечалась нездоровая тенденция последних лет по искусственному завышению сумм экономического эффекта от внедрения прикладных разработок, в том числе постоянными передовиками в лице институтов химии нефти и природных солей, металлургии и обогащения, ядерной физики. Предлагалось повысить координирующую роль и ответственность отделений Академии как научных центров, добиваться коллегиальности решений, отказаться от необъективного показателя количества публикаций как мерила значимости работы. Как подчеркнул оратор, пассив-

ность кураторов научных направлений (директоров НИИ, бюро отделений, вице-президентов и членов Президиума) привела к отсутствию академических организаций в составе 7 из 16 организованных в стране межотраслевых научно-технических комплексов, а это упущенные возможности научной координации, целевого финансирования, доведения опытных образцов до серийного производства. В числе приоритетов президент выделил математизацию, автоматизацию и компьютеризацию самой науки, наметил фронт задач для всех отраслей знания. Предельно остро говорилось о «старении» кадров, воспитании будущей смены, большем внимании к руководителям лабораторий, секторов и отделов. Не обошел доклад и состояние морально-психологического климата в коллективах, «где научные дискуссии уже давно уступили место междоусобным дрязгам, обывательскому выяснению отношений, причем нередко недостойными приемами».

Переполненный зал заседаний, видевший многое на своем веку и вместивший многоликую аудиторию от младших научных сотрудников до убеленных сединами академиков, внимательно ловил каждое слово президента и одобрительно реагировал на долгожданную критику, так необходимую для перелома в отечественной науке, «переваривал» высказанные идеи. Словом, научный мир жаждал перемен к лучшему и пристально отслеживал каждый шаг новой команды.

Другим запоминающимся событием общеакадемического масштаба стала встреча членов Президиума с молодыми учеными, состоявшаяся 19 сентября 1986 года. Ее проведение было своевременным и объективно необходимым, ибо 40 процентов от общего числа

академических сотрудников составляла молодежь до 33 лет. С большой речью, построенной в дискуссионном ключе, выступил президент, разговор продолжили другие руководители АН, заместитель министра высшего и среднего специального образования.

Тон обсуждения задал Мурат Абенович, по мнению которого для обеспечения стремительного роста науки в первую очередь необходима подготовка научных кадров, подразумевающая отбор, воспитание и выдвижение талантливых молодых ученых⁶. Конечно, также важны организация новых приоритетных научных направлений, увеличение финансирования, свежие идеи, но, в конечном счете, уже сейчас надо думать о том, кто через 10–20 лет возглавит науку, будет определять и направлять ее развитие. «Сейчас это люди молодые, они работают среди нас, – говорил Айтхожин, – но, чтобы они успели к тому времени стать не только большими учеными, но и организаторами науки, им нужен хороший опыт руководящей работы. А это значит, что уже теперь им надо доверять ответственную работу, дать им большую самостоятельность, но с последующим контролем».

Что касается конкретики, то в Академии из более 1800 кандидатов наук молодежь составляла 5 процентов, или около 100 человек, причем среди них не было заведующих лабораториями и лишь 35 – старших научных сотрудников. В то же время в науке был слишком велик процент суперпенсионеров, занимающих командные высоты. Докладчик вынес на обсуждение

⁶См.: Айтхожин М.А. Слово к молодым ученым Академии наук Казахской ССР // Вестник АН Казахской ССР. 1986. № 12. С. 5–11.

вопрос об установлении возрастного ограничения для занятия руководящих должностей, использования их в качестве консультантов, оговорив при этом важность дифференцированного подхода к аксакалам и большого такта. Другое предложение заключалось в выделении внутри лабораторий группы из 3–6 человек во главе с молодым талантливым ученым, дав ему возможность самостоятельно работать над каким-то направлением науки. Потом в случае успеха для инициативного руководителя можно создать отдельную лабораторию. В качестве примера для подражания упоминались первые шаги создаваемого в Институте математики и механики комплексного творческого молодежного коллектива по автоматизации научных исследований.

Как актуально звучат сегодня следующие слова Айтхожина: «И не надо бояться доверять молодым. Не следует забывать, что наше старшее поколение ученых выдвигалось на руководящую работу куда быстрее, чем сейчас они выдвигают молодежь. Так почему же сейчас они стали так осторожны? Думается, что молодых одаренных исследователей надо растить быстро, энергично, прививая им умение преодолевать трудности. Не надо забывать, что наиболее продуктивный возраст ученого – 30–45 лет. Убежден, что необходимо значительно быстрее повышать хорошо проявивших себя молодых ученых, поручать им развитие самостоятельных научных направлений и строго контролировать результаты работы. Следует иметь в виду, что все эти меры по «омоложению» руководящего состава в науке могут быть эффективными лишь в том случае, если будет большой выбор среди талантли-

вой молодежи». Собравшимся озвучили возможности прикомандирования к ведущим научным учреждениям АН СССР, использования студентами уникального оборудования академических НИИ в учебных целях, организации дополнительных групп для изучения иностранного языка в нерабочие дни, переходе Центральной научной библиотеки на шестидневную рабочую неделю. Поднимались вопросы обеспечения общежитиями и жильем, публикации работ молодых ученых, их материального и морального поощрения, проведения культурного досуга. Вместе с тем президент, прошедший московскую школу, сетовал: «Практически после 7 часов вечера окна наших институтов не горят. Это свидетельствует о том, что наши ученые, в том числе и молодежь, занимаются наукой только в строго отведенное рабочее время».

После завершения встречи вездесущий «узун-кулак» резюмировал: «Давно с молодежью не говорили так заинтересованно, с душой, придав им моральные силы». Однако только очень ограниченный круг людей знал к тому времени, что Мурат Абенович недавно перенес операцию, и у него обнаружили неоперабельную опухоль. Тем не менее, зажав волю в кулак, он продолжал интенсивно работать, думать о судьбе науки, не подавая виду о своем самочувствии. Разумеется, Умирзак Махмутович, живший по соседству на академической даче, знал о диагнозе и старался максимально «подставить свое плечо», взять на себя дополнительную нагрузку, поддержать Айтхожина. Тот, в свою очередь, делился с ним о наблевшем, они вместе обсуждали рабочие моменты, дружили по-настоящему, все больше раскрываясь друг другу.

Между тем руководство Академии начало по-деловому перестраивать работу профильных институтов. К примеру, с начала декабря шли предметные дискуссии на сессиях Общего собрания отделений, генерировались новые идеи и предложения, обобщался имеющийся опыт. В частности, Институт математики и механики, которым продолжал одновременно руководить Султангазин, отбор кадров начинал с контингента республиканской физико-математической школы и Малой академии наук (для детей школьного возраста), а Совет наставников в институте вел отбор кандидатов для стажировки в ведущие научные центры. НИИ имел самую большую аспирантуру в системе АН, где обучалось 53 человека и ежегодно защищали 10–15 диссертаций. Коллектив учреждения, по праву, гордился своими достижениями. В 1981–1985 годах здесь разрабатывали 19 тем, получили десять авторских свидетельств, одно положительное решение, три патента из Японии, в народное хозяйство было внедрено 48 разработок. За пятилетку институт четыре раза был в числе победителей социалистического соревнования среди академических учреждений, а в 1984 году награжден переходящим Красным знаменем и первой денежной премией АН СССР, ЦК отраслевого профсоюза, ЦК ВЛКСМ среди институтов АН СССР и АН союзных республик⁷. В 17 научных лабораториях, ВЦ и патентно-информационной группе трудились 310 человек, 110 из них — научные сотрудники, включая 11 докторов и 60 кандидатов наук, двух академиков

⁷Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 135. Д. 210. Л. 40–42.

и члена-корреспондента АН КазССР. Среди новаций, введенных тогда в Академии после «мозгового штурма», назовем учреждение медалей АН за лучшие работы молодым ученым, упорядочение организации научных форумов и использования оборудования, создание лектория и введение системы обучения применению вычислительной техники.

Но в налаживающийся ритм научного строительства вклинились известные события Желтоксана, которые добавили к характеристике 1986 как года серьезных размышлений и надежд эпитет «тревог». Партийные бонзы и службы госбезопасности априори считали Академию наук «рассадником» свободомыслия и национального духа, питательной средой так называемого «казахского национализма». И неслучайно после экстренного приезда в республику члена Политбюро ЦК КПСС, председателя Комитета партийного контроля Михаила Соломенцева с особыми полномочиями, он в числе первых посетил Академию 24 декабря 1986 года. По воспоминаниям академика Салыка Зиманова, встреча длилась 3 часа 40 минут, на ней присутствовало около 50–60 человек (академики, директора институтов, некоторые секретари партийных организаций). Соломенцев вел себя раскованно, самоуверенно полагая, что он – работавший в Казахстане в 60-е годы первым секретарем Карагандинского обкома партии и вторым секретарем ЦК до бесславно-го перевода в Ростов по причине публичного получения оплеух от обманутого мужа одной своей пассии и другим прегрешениям, – хорошо разбирается в национальной политике и местной ситуации. Как пишет Салык Зиманович: «Говорил он длиннотно, неряшли-

во, но исключительно в обвинительном тоне и в явном имперском угаре, подбрасывая обрывки мысли, за которыми легко угадывалось желание разжечь в обществе антиказахское настроение. Он пытался втянуть на свою сторону Айтхожина М.А., президента Академии наук республики, председательствовавшего на этом совещании, своими вопросами вроде «не так ли?» и прямыми репликами, к нему обращенными. Президент Айтхожин М.А. оказался не менее ловким и не менее мужественным, более умным и более глубоким, отвечая на реплики босса тонкими репликами; давая явно понять ему о преждевременности и скоропалительности многих обвинительных выводов. Присутствовавшие многие ученые были весьма довольны своим президентом»⁸.

Недовольство Центра Академией нашло отражение в особом решении «суда партийной чести» – Комитета партийного контроля при ЦК КПСС от 23 января 1987 года с пугающим названием «О серьезных недостатках в работе отдельных коммунистов-руководителей Академии наук Казахской ССР по повышению эффективности и ускорению внедрения результатов научных исследований в производство в свете требований XXVII съезда КПСС». В основу решения на шести машинописных листах легли материалы месячной проверки деятельности десяти институтов и центрального аппарата Президиума в августе 1986 года, проведенной комиссией во главе с ответственным контролером Комитета Катковым совместно с представи-

⁸Зиманов С.З. Парламент Республики Казахстан в трудные годы провозглашения независимости. Алматы, 2011. С. 47–48.

телями союзной Академии наук. В итоговом решении, подкорректированном в контексте декабрьских событий, кратко обобщены выводы обследования и опущен ряд фактов. Обращаясь к тексту решения, выборочно процитируем отдельные места⁹:

«Как показал анализ, доля и уровень фундаментальных научных исследований за последние годы здесь заметно снизились, уменьшилось число оригинальных разработок, не сделано ни одного научного открытия, не продано ни одной лицензии. Из-за отсутствия новизны и полезности 45 процентов заявленных решений не были признаны изобретениями. Ни один из институтов академии не вошел в состав созданных в стране научно-технических комплексов. В институтах металлургии и обогащения, ядерной физики, экспериментальной биологии, почвоведения и ряде других выделяемые на проведение научно-исследовательских работ средства не давали должной отдачи.

Такое положение в значительной мере явилось результатом низкого уровня руководства деятельностью академии со стороны ее бывшего президента, члена КПСС т. Кунаева А.М. Занимая в течение 12 лет этот ответственный пост, он грубо нарушал принципы коллегиальности в руководстве, единолично решал вопросы, требующие коллективного обсуждения, игнорировал критические замечания и советы специалистов и ученых АН СССР по итогам проверок деятельности

⁹Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 133. Д. 69. Л. 12–17. Не столько для гласности, а публичной расправы полный текст документа опубликовали в печати – см.: Правда. 1987, 14 февраля; Казахстанская правда. 1987, 15 февраля и др.

республиканских академических учреждений. Неправильно вел себя т. Кунаев и в личном плане...

В кадровой работе получили развитие такие негативные явления, как протекционизм, семейственность, землячество. На руководящих должностях порой оказывались работники, слабо подготовленные в профессиональном и невыдержанные в нравственном отношении, злоупотреблявшие служебным положением. Нарушался принцип преемственности в руководстве научными учреждениями, не обеспечивался приток свежих научных сил. В академии высок удельный вес ученых и руководителей пенсионного возраста. Молодые ученые среди кандидатов наук составляют лишь пять процентов. Низка эффективность подготовки научных кадров через аспирантуру. В одиннадцатой пятилетке из 680 аспирантов в срок защитили диссертации только 50 человек... Не обеспечено правильное представительство в составе академии ученых различных национальностей.

В академии устраивалось много показательных, массовых мероприятий... Эти и другие недостатки отрицательно сказались на общем уровне научных исследований, морально-психологической обстановке, для которой были характерны бесконтрольность и безответственность, угодничество, взаимное восхваление и всепрощение.

Руководители академии, и прежде всего т. Кунаев, не заботились о придании Академии наук роли координатора научно-исследовательских работ в республике...

Учеными республики не осуществлялись разработки принципиально новых путей в технологии освоения и использования рудных и угольных место-

рождений, природного сырья. Не уделяется должного внимания исследованиям по рациональным системам землепользования, кормопроизводства. Слабо развиты исследования по экономическим и социальным проблемам. Неудовлетворительно развиваются исследования в области горного машиностроения, ядерной физики, физики твердого тела, электроники.

Руководство академии неудовлетворительно занималось вопросами планирования и организации научно-исследовательских работ...

Пользуясь обстановкой благодушия и недостаточной требовательности, руководители некоторых институтов стали на путь приписок, завышения экономической эффективности научно-исследовательской деятельности. Вице-президент академии, член КПСС т. Кожакметов С.М., отвечающий за внедрение научных разработок, не обеспечивал надлежащего контроля за ходом работ, мирился с фактами обмана и очковтирательства. Он не принимал действенных мер по полному освоению выделяемых средств на капитальное строительство, рациональному использованию оборудования.

Неудовлетворительно решались в академии и вопросы социального характера...

Президиум Академии наук (президент т. Айтхожин М.А.) медленно перестраивает деятельность в свете требований апрельского (1985 г.) Пленума ЦК и XXVII съезда КПСС. Недостаточно настойчиво осуществляются меры по концентрации научных сил и материальных ресурсов на решении важнейших научно-технических проблем, ускорении темпов научных исследований и повышении эффективности работы каждого научного коллектива. Не проявляется долж-

ной настойчивости в преодолении негативных явлений в академической среде, особенно в работе с научными кадрами. Не завершена работа по совершенствованию структуры академии, оплаты труда научных работников.

ЦК компартии Казахстана, Совет Министров Казахской ССР длительное время мирились с тем, что Академия наук и многие ее научные учреждения находились вне критики и не осуществляли контроль за выполнением собственных решений по вопросам работы академии, не принимали мер по устранению недостатков в ее деятельности». Согласно постановлению Комитета партийного контроля, строгие выговоры с занесением в учетную карточку были объявлены коммунистам А. Кунаеву и С. Кожакметову.

Как видим, в упомянутом решении есть, безусловно, «притянутые за уши» и некорректные обвинения общего характера. Несмотря на то, что главный удар нацелен на бывшего президента Академии наук и косвенно на его старшего брата, «досталось» президенту-преемнику и местным властям. Причем здесь Айтхожин и Академия – спросите вы? Ответ на этот вопрос мы нашли в протоколе совещания в Отделе науки и учебных заведений ЦК компартии Казахстана от 29 января 1987 года, где собрали все руководство Академии (президент и его замы, и.о. главного ученого секретаря Президиума, академики-секретари отделений, секретарь партийной организации Президиума). Заведующий отделом ЦК Е.М. Асанбаев по долгу службы распекал собравшихся за медленные темпы «перестройки на марше», низкое качество работ, особенно по гуманитарным наукам, которые «обращены в прошлое». Далее в его докладе говорилось: «События

17–18 декабря показали, что ни наши обществоведы, ни их труды не могут быть борцами за интернационализм. К большому сожалению, ни один работник высшей квалификации, к кому мы обращались, под разными предлогами уклонились от выступлений в студенческой аудитории. Мы расцениваем это как уровень марксистско-ленинской убежденности идеологических кадров и состояние идейно-воспитательной работы в коллективах... Прошел почти год после XXVII съезда КПСС, но коренного изменения в стиле, методах и содержании работы Президиума, бюро Отделений и администрации институтов не произошло. Принятые меры ЦК компартии Казахстана не дали желаемых результатов... Комиссия Комитета партийного контроля при ЦК КПСС указала на серьезные перекося в работе Института горного дела, отметила как отрицательный факт у руководителей этого коллектива один и тот же научный профиль, рекомендовала исправить такое положение, но воз и ныне там. Товарищ Султангазин У.М. считает, что работа этого коллектива соответствует требованиям сегодняшнего дня, и те перекосы ни в руководстве, ни в тематике не устраняются. Более углубленная работа с кадрами показала, что и в этом институте есть способные ученые, которые могут обеспечить вверенный им участок. Подобные примеры можно назвать и по другим Отделениям»¹⁰.

Ввиду кампанейского подхода к трактовке декабрьских событий власти не хотели видеть явных перемен в деятельности Академии, где во всех институтах пересмотрели структуру (упразднено 55 подразделений,

организована 21 новая лаборатория, объединены 74 лаборатории и группы), кадровый состав (сокращено 445 штатных единиц – около 10% научных сотрудников, понижены в должности 218 и снижены оклады у 345 человек, 1254 человека, или 30% сотрудников повышены в должности, за год средний возраст директоров институтов уменьшился на 3–5 лет, проведена ротация членов Президиума), тематику исследований, определив приоритетные направления научного поиска до 1995 года. Показателем существенного расширения творческих контактов с отраслевой наукой и производством стало включение казахстанских НИИ в составы научно-технических комплексов «Автогенные процессы», «Катализатор», «Механообр», «Теплогаз», биотехнологический центр, в совместные исследования в рамках СЭВ с Болгарией, Венгрией и Польшей. В республике созданы новые научно-технические комплексы «Горное дело» и «Цветная металлургия», республиканский межотраслевой центр по приему и обработке видеокосмической информации. В Алматы на базе академических институтов открыли четыре филиала кафедр политехнического института и КазГУ, а в Караганде химико-металлургический институт вошел в состав двух научно-производственных объединений с Балхашским горно-металлургическим комбинатом и Карметкомбинатом, институт органического синтеза и углехимии вступил в кооперацию с производственным объединением «Карбид». Заслуживает быть особо отмеченным такой проект, как комплексная программа «Казахстан», объединяющая разработку фундаментального и прикладного характера институтов АН КазССР, вузов и отраслевой науки. Добавим,

¹⁰ Там же. Оп. 135. Д. 212. Л. 9–10.

что она была построена по аналогу программы «Сибирь», хорошо знакомой Султангазину по Академгородку и рассказам Гурия Ивановича Марчука. Также намечалось участие ученых Академии наук республики в комплексном изучении проблем озера Балхаш, освоении Прикаспийского нефтегазового региона¹¹.

Предвзятое отношение Центра требовало от руководителей Академии суровых и однозначных мер реагирования на решение Комитета партийного контроля¹². С другой стороны, ссылаясь на этот документ, Президиум Академии настойчиво ставил перед ЦК компартии Казахстана и правительством насущные вопросы жизнедеятельности, особенно содействия в укреплении ее материально-технической базы. И вот 2 июня 1987 года Бюро ЦК принимает сразу три постановления: «Об улучшении подготовки научных и научно-педагогических кадров в республике в свете требований XXVII съезда КПСС», «О мерах по устранению недостатков в деятельности Академии наук Казахской ССР, указанных в решении Комитета партийного контроля при ЦК КПСС от 23 января 1987 года» и «О мерах по повышению эффективности научных исследований и укреплению материальной базы Академии наук Казахской ССР»¹³. В результате, если отбросить идеологическую «шелуху» документов, удастся продвинуться в

¹¹См.: Вестник АН Казахской ССР. 1987. № 7. С. 6–19, 94–99; № 8. С. 3.

¹²Там же. № 8. С. 5–8. Свою точку зрения на эти события спустя годы изложил акад. Н.К. Надиров в мемуарах «Разница во времени» (Алматы, 2008. С. 383–390).

¹³Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 133. Д. 66. Л. 3–7, 9–13, 17, 98–105.

вопросах трудоустройства и жилищно-бытового обеспечения молодых ученых, помощи в оснащении институтов современными приборами и оборудованием, включения завершенных научных разработок в государственный план экономического и социального развития республики, введения в структуру центрального аппарата Президиума Совета по координации научных исследований, проектирования будущего Академгородка в столице, капитального строительства объектов АН, выделения лимитов на жилье для сотрудников.

Титанические усилия руководства Академии не проходили даром. И хотя слабевший день ото дня Мурат Абенович не выпускал из рук нитей управления до последних дней жизни, знакомясь с важнейшими бумагами на даче или в больнице, основная нагрузка ложилась на плечи его коллег, в том числе Умирзака Махмутовича. Выкроив время, он часто навещал его, по возможности подбадривал, советовался по ключевым вопросам, шел откровенный обмен мнениями о настоящем и будущем страны и науки. Осознавая огромный вклад М. Айтхожина в науку, власти Казахстана возбудили ходатайство перед президентом союзной Академии Марчуком о выделении ему вакансии члена-корреспондента АН СССР на предстоящих в конце года выборах¹⁴. Но судьба распорядилась иначе: кандидатура Мурата Абеновича единогласно прошла голосование в Отделении, но накануне Общего собрания АН СССР 19 декабря 1987 года он ушел из жизни и, согласно выборной процедуре, его имя не включили в итоговый список для тайного голосования академиков.

¹⁴Там же. Оп. 134. Д. 4. Л. 1.

Так Академия встретила новый, 1988 год, без своего лидера. Вопрос о новом, восьмом президенте обсуждается в «верхах» и в Москву сообщаются фамилии трех альтернативных кандидатов: геолога Айтмухамеда Абдуллаевича Абдулина, философа Жабайхана Мубаракovichа Абдильдина и Умирзака Султангазина.

63-летний Абдулин – представитель славной когорты учеников Сатпаева, лауреат государственных премий СССР и Казахской ССР, проявив доблесть и отвагу на фронтах Второй мировой, прошел через тернии к звездам науки. Начав работу в Академии с позиции лаборанта, он заслуженно возглавлял Институт геологических наук с 1975 года, являлся академиком-секретарем Отделения наук о Земле, членом Президиума. На собеседовании на Старой площади он сам откажется от выдвижения, уступив дорогу молодым. Вторым в Москву пригласили вице-президента Абдильдина, имевшего большой опыт научно-организационной работы директором института, академиком-секретарем Отделения общественных наук. А вот про третьего соискателя республика как бы «забыла», но в первопрестольной непременно желали поговорить с последним кандидатом из предложенного списка. Умирзак Махмутович вспоминал, как в феврале его неожиданно нашли на совещании в Москве, в котором он участвовал как председатель республиканского отделения Советского фонда мира. Ему, сидящему на первом ряду в зале заседаний, передали записку, что он срочно приглашается на беседу в ЦК КПСС. На Старой площади около часа с ним беседует член Политбюро, секретарь ЦК по идеологии Александр Николаевич Яковлев. Один из «архитекторов» перестройки хорошо знал специфику академической работы, имел звание чле-

на-корреспондента АН СССР по Отделению экономики. Разговор касался различных аспектов внутренней политики и проблем Академии, мироощущения Султангазина. Как положительные моменты было воспринято, что он ученый широкого профиля, награжден в прошлом году орденом Трудового Красного Знамени и удостоен Государственной премии СССР в одной номинации с москвичами за цикл работ по математической теории переноса частиц, является членом Парламента. В конце встречи удовлетворенный Яковлев поручает помощнику сообщить в Алма-Ату о согласии на выдвижение Умирзака Махмутовича.

По возвращении домой состоялась беседа с председателем правительства Н.А. Назарбаевым. На вопрос, готов ли он возглавить АН, Умирзак Махмутович ответил, что может как согласиться, так и отказаться. «У меня нет поддержки наверху. Без денег, новых технологий и со старым оборудованием я ничего не сделаю», – добавил он. Премьер-министр тотчас же дал обещание помогать.

10 марта 1988 года прошла сессия Общего собрания Академии, избравшая нашего героя президентом АН Казахской ССР. 5 апреля Бюро ЦК компартии Казахстана утверждает Султангазина президентом и выносит решение о внесении его кандидатуры с характеристикой в ЦК КПСС¹⁵. Ниже мы приводим упомянутые представление и характеристику¹⁶ от 7 апреля, возможно, представляющие интерес для читателя как специфический продукт коммунистической формалистики для зачисления в номенклатуру.

¹⁵ Там же. Оп. 139. Д. 39. Л. 18.

¹⁶ Там же. Д. 41. Л. 111–113.

«ЦК КПСС

О президенте Академии наук Казахской ССР

ЦК компартии Казахстана рекомендует президентом Академии наук Казахской ССР т. Султангазина У.М., работающего вице-президентом Академии наук Казахской ССР, директором Института математики и механики АН Казахской ССР.

Тов. Султангазин Умирзак Махматович, 1936 года рождения, казах, член КПСС с 1968 года, академик АН Казахской ССР, доктор физико-математических наук, профессор, окончил Казахский государственный университет им. С.М. Кирова, математик.

Трудовой путь начал ассистентом кафедры дифференциальных уравнений Казахского государственного университета им. С.М. Кирова. С 1978 года работает в Академии наук Казахской ССР: директор Института математики и механики, академик-секретарь Отделения физико-математических наук АН Казахской ССР. С июня 1986 года – вице-президент Академии наук Казахской ССР.

Тов. Султангазин У.М. – компетентный, инициативный руководитель, обладает организаторскими способностями. Его отличает большое трудолюбие и целеустремленность, настойчивость в достижении поставленных целей, высокая культура и тактичность в работе с людьми, скромность.

Работавший в данной должности т. Айтхожин М.А. умер 19 декабря 1987 года.

Секретарь
ЦК компартии Казахстана

(подпись) Г. Колбин

ХАРАКТЕРИСТИКА

т. Султангазина У.М. – вице-президента Академии наук Казахской ССР,
директора Института математики и механики
Академии наук Казахской ССР

Тов. Султангазин Умирзак Махматович – известный специалист в области разработки численных методов решения задач математической физики, автор более 100 научных работ и изобретений, в том числе четырех монографий. Он внес существенный вклад в развитие математической теории переноса излучения, одного из важнейших научно-технических направлений. Под его руководством создан Вычислительный центр коллективного пользования Академии наук Казахской ССР, выполнен ряд разработок, имеющих важное экономическое и социально-экономическое значение для республики.

Принимает активное участие в подготовке научных кадров по вычислительной и прикладной математике для республики, им подготовлено 15 кандидатов наук.

Зарекомендовал себя компетентным, инициативным и энергичным организатором науки. Способен быстро ориентироваться в сложной обстановке, находить оптимальные решения, видеть перспективу и выбирать главное в работе. Его отличает большое трудолюбие и целеустремленность, настойчивость в достижении поставленных целей, высокая культура и тактичность в работе с людьми, скромность. С большой ответственностью занимается вопросами интернационального и патриотического воспитания.

Тов. Султангазин У.М. ведет большую общественную работу, является депутатом Верховного Совета Казахской ССР, председателем Федерации космонавтики республики, председателем республиканского отделения Советского фонда мира.

Высокая требовательность, принципиальность, принцип коллегиальности в работе снискали ему заслуженный авторитет.

Секретарь (подпись) Г. Колбин
ЦК компартии Казахстана»

Что же увидели в восьмом президенте ученое сообщество и широкая общественность, поскольку вскоре он стал действительно публичной фигурой?

Прежде всего, личность, которую отличали универсализм и широта научных интересов, что присуще ученым, работающим на стыке специальностей и приверженным интеграции различных отраслей знания. Он действительно глубоко понимал фундаментальные основы развития науки и еще со времен пребывания в Академгородке знал лучшую практику работы академических институтов, тесно связанных с производством. Так уж получилось, что Султангазин — специалист по сферическим гармоникам — на новом посту стремился к универсальной гармоничности развития всех отраслей наук в республике, используя в том числе последние достижения вычислительной техники.

Во-вторых, наличествовал развитый дар научного организатора, умение выделить главное при анализе проблемы, видеть ее логику и место в общей цепи процессов, предлагать оптимальное решение, увязывая

теорию с насущными потребностями общества. Важными преимуществами были и обладание хорошими коммуникативными способностями, умение разбираться в людях, ставить на первое место интересы дела. Сошлемся в этой связи на такой показательный факт: ближайшими соратниками Умирзака Махмудовича остались недавние «конкуренты» на пост президента. Причем, если Ж. Абдильдин сохранил свой пост вице-президента, то А. Абдулин занял аналогичную позицию в конце апреля того же года.

Далее. Это, безусловно, высокий интеллектуальный уровень. В извечном споре «физиков» и «лириков» Умирзак Махмудович прочно занимал «золотую середину», хорошо знал историю и культуру своего народа, мировую классическую литературу. Можно только поражаться, как в выходе из сельской глубинки проявлялись манеры прирожденного интеллигента до «мозга костей».

В-четвертых, отличительной чертой практически всех математиков является их удаленность/отстраненность от политической конъюнктуры, вечный поиск и преклонение только перед истиной, следование справедливости во всем. Вот и Султангазин, возможно, «страдал» от своей кристальной честности в общении с сильными мира сего, неизменно демонстрируя безупречные человеческие качества, прежде всего, порядочность, благородство, верность данному слову, твердость в отстаивании праведных целей, чувство собственного достоинства. Даже внешне в нем было нечто особенное: большая статная фигура, величественная походка, степенность, искрящиеся добром глаза, неторопливая манера речи, безграничное уважение старших и собеседника вообще.

Если в перечень отмеченного выше добавить истинные чувства патриота-интернационалиста на деле, а не на словах, присущую ему особую силу воздействия на окружающих чистой аурой и мощью интеллекта, позитивное влияние его деятельности на общественное развитие, то станет понятным, что Умирзака Махмудовича роднило с Сатпаевым и другими славными предшественниками по академическому цеху единый духовный «знаменатель», истоки которого кроются в мощной подпитке национальной культурой, фундаментальной подготовке и готовности к постоянному самосовершенствованию.

Следует отметить, что высокое положение не испортило реноме Султангазина-ученого, и он не потерялся из-за организаторской работы как исследователь. С занятиями наукой он не порывал, как бы ни было трудно и напряженно в сумасшедшем графике президента Академии наук. В подтверждение сказанного предлагаем обратиться к его биобиблиографии, начиная с 1986 года, зафиксировавшей высокую активность в части публикации трудов, участия в научных форумах, подготовки учеников на фоне зашкаливавшей общественной деятельности. О возросшем авторитете и благоговении перед новым руководителем сатпаевской Академии говорит тот факт, что не считали зазорным откликнуться на его приглашение и приехать в храм науки для обсуждения рабочих вопросов депутаты парламента и члены правительства, моральные авторитеты народа. А в жизни он оставался таким же открытым людям и скромным человеком, который по-прежнему краснел, как ребенок, услышав при случае слова похвалы в свой адрес.

Необъятный фронт работы захлестнул вновь избранного президента. В частности, он возглавлял республиканский комитет космонавтов, который в 1988 году разработал специальную программу подготовки космонавта-казахстанца, предусматривавшую съемку ее территории из космоса¹⁷. Уйму времени занимали и другие общественные нагрузки – депутатство в Верховном Совете Казахской ССР (1986–1990), руководство отделением Фонда мира и другие обязанности, вытекавшие из его возросшего статусного положения. Но, естественно, основное внимание и усилия посвящались научно-организаторской работе.

Традиционно большим подспорьем оставалась разносторонняя помощь союзной Академии, ведущие ученые которой оказывали практическое содействие по приоритетным направлениям научных исследований, подготовке кадров. В данном случае задача Умирзака Махмудовича облегчалась ввиду безусловной поддержки его начинаний со стороны президента АН СССР, уже знакомого нам Г.И. Марчука.

Республиканскому штабу науки удалось «расшевелить» академическую элиту, аккумулировав при этом опыт и знания членов Академии наук. Уже на первой после избрания президентом сессии Общего собрания АН Казахской ССР 21 апреля 1988 года, обсуждавшей программный доклад Султангазина «О ходе перестройки деятельности и перспективах развития Академии наук Казахской ССР», своим видением поделились два десятка ораторов. Президент подытожил достигнутое за три бурных года перестройки, отметив как позитив-

¹⁷См.: Ленинская смена. 1988, 27 декабря.

ные перемены, так и недостатки в деятельности академической науки, озвучил задачи на ближайшую перспективу, сконцентрировав внимание на проблемах укрепления связи науки с производством, внедрения результатов в практику, экологии и новых организационных формах науки в условиях гласности и демократии¹⁸. С высокой трибуны подверглись острой критике действующие нормы Устава и укоренившаяся практика руководства Академии наук, позволявшие келейно проводить кандидатов в действительные члены и члены-корреспонденты по отдельным специальностям, минуя отделения через Президиум; говорилось о важности проведения фундаментальных разработок собственными силами; комплексном изучении водных ресурсов Казахстана, в том числе проблемах Аральского моря и Балхаша; политике омоложения руководящего корпуса науки¹⁹. Возможностью довести свою точку зрения воспользовался академик-физик Ж.С. Такибаев: «Мне представляется, что наши перекосы и тот застой, которые наблюдались у нас в академии, в значительной степени связаны с пороками, называемыми угодничеством и равнодушием.... На наш взгляд, появление в Уставе Академии наук особого пункта, позволяющего выбирать в члены академии через Президиум, минуя отделения, можно объяснить только этим пороком. Мы, специалисты, были лишены возможности высказывать свое мнение, а наши выступления на Общем собрании никакого значения не имели. Вам известны возражения академиков С.Б. Баишева,

¹⁸См.: Вестник АН Казахской ССР. 1988. № 7. С. 8–19.

¹⁹Там же. С. 54, 62–63, 67–68, 82, 84.

Д.В. Сокольского, С.З. Зиманова, мои и других по поводу такой лазейки в члены Академии. Пункт Устава, дающий право ученому проходить в члены академии через ее Президиум, следует, конечно, отменить... Избирать членами академии необходимо по научным заслугам, а не по занимаемой должности...»²⁰. Вскоре справедливость восторжествовала, и в Устав Академии наук внесли изменения, восстановившие демократические нормы выборов ее членов, без всяких исключений.

Сугубо в деловой атмосфере прошло расширенное заседание Президиума АН Казахской ССР от 21 сентября 1988 года, в работе которого впервые принял участие весь состав правительства во главе с премьер-министром Н.А. Назарбаевым²¹. В ходе встречи члены академии и руководители научных учреждений обсудили общие проблемы, попытавшись сблизить теоретические концепции с реальной экономикой республики. Власти поняли, что Академия наук не поражена иждивенческими настроениями, а настроена максимально эффективно использовать научный потенциал для решения насущных народнохозяйственных задач. Ученые обосновали конкретные просьбы перед правительством (развитие научно-технической и экспериментальной баз, реанимация капитального строительства, формирование госзаказа, действенность принимаемых решений по вопросам АН, разворот ведомств в части внедрения проектов Академии

²⁰Там же. № 8. С. 3.

²¹См.: О задачах по перестройке академической науки и повышению ее отдачи // Там же. № 12. С. 3–21.

наук). Султангазин задал тон обсуждения и не побоялся дать отповедь необоснованным нападкам на Академию: «Сегодня наука переживает переломный период, особенно наша Академия наук, поскольку за последние два с небольшим года она подверглась критике большей, чем за остальные 40 лет ее существования. Критика в адрес академии на XVI съезде Компартии Казахстана повлекла за собой проверку деятельности трех ее крупнейших институтов республиканским Комитетом народного контроля с соответствующими оргвыводами. Выступление центральных газет, длительная работа комиссии комитета партийного контроля при ЦК КПСС, затем приезд комиссии ученых Академии наук СССР, подготовка к обсуждению этих материалов на заседании Президиума АН СССР (май, 1988 г.), выход постановления ЦК и Совмина республики (июнь, 1987 г.), – все это держало руководство Академии в постоянном напряжении, и все это происходило одновременно с переходом на новый порядок финансирования, где тоже предусматривалась необходимость пересмотра структуры, тематики. Таким образом, руководство Академии наук неоднократно имело возможность переосмыслить опыт прошлых лет, выработать новые подходы в конкретных делах с учетом реальной, критической ситуации с обеспечением производственными площадями, объектами опытно-экспериментальной базы, приборами, средствами вычислительной техники, а также состояния кадров. Главный вывод всех перечисленных документов – потеря фундаментальности, снижение темпов развития академической науки... Практика показала, что нельзя экономить на фундаментальной науке, нельзя выдви-

гать перед ней необоснованных требований – дать сиюминутный эффект, нельзя подходить к ней с позиций отраслевой или заводской науки. Всякое отставание в фундаментальной науке отрицательно сказывается на развитии отраслевой науки, на научно-техническом потенциале страны вообще. Все это было особенно характерно для нашей академии, где при отсутствии опытно-экспериментальной базы, а, следовательно, плохой подготовке работ к освоению институты стремились отвлекать научные силы для выполнения частных вопросов практики, больше внедряли, идя даже на подлог и приписки. И очень отрадно, что, наконец, из формы государственной отчетности, начиная с 1989 г., исключается показатель экономической эффективности реализации научных разработок. Этим еще раз подчеркивается тот факт, что измерять результативность и уровень фундаментальной науки экономическим эффектом не только неправильно, но даже опасно. Сама жизнь сегодня подтверждает, что только целенаправленные кардинальные разработки являются действенным средством повышения практической отдачи науки»²².

Президиум наметил в качестве первоочередных проблем вопросы комплексного и рационального использования минерального сырья, экологии, машиноведения и процессов управления. Обращаясь к членам правительства, Умирзак Махмутович еще раз подчеркнул, что, перенося из постановления в постановление упоминания о приоритетных направлениях, тиражируя бесплодную критику, упускается один из основопола-

²²Там же. С. 8.

гающих моментов — наличие кадров, базы и возможности оснащения необходимыми приборами и установками. Вряд ли можно требовать от казахстанской фундаментальной науки работ по тем приоритетным исследованиям, где мы никогда не выдержим никакой конкуренции с работающими в этом направлении союзной и республиканскими академиями, но зато окончательно потеряем завоеванные позиции по сложившимся разработкам. Одним словом, перед академией надо ставить посильные, реальные задачи, а ожидания большого эффекта от науки требуют соответственно серьезного подхода и ответственности, значительных вложений и ресурсов. По итогам совещания получили одобрение предложения Президиума Академии наук по созданию научно-технических центров по проблемам информатики, машиноведения, комплексному освоению природно-сырьевых ресурсов, общественных наук. Вскоре создается Совет по научно-техническому прогрессу при Совете Министров, куда вошли ведущие ученые республики. Совет сформировал 13 общереспубликанских целевых научно-технических программ. Во исполнение решения встречи в последующие четыре года были открыты десять новых институтов, включая физико-технический, космических исследований, проблем информатики и управления, механики и машиноведения, институт проблем комплексного освоения недр.

Неослабное внимание в Академии уделялось новациям в кадровой политике, закладывая тем самым основы эффективности исследований в недалеком будущем.

Во-первых, была продолжена традиция, начатая М.А. Айтхожиным, по работе с молодежью. Среди

создаваемых временных научных коллективов имелись и молодежные по составу. По мере возможностей решались социальные проблемы для молодых специалистов (жилье, быт, досуг), появились «социальные лифты» для научного роста талантливой молодежи через аспирантуру, стажировки и докторантуру. Разработанная программа «Кадры» предусматривала системную подготовку докторов и кандидатов наук до 2005 года. Президент и члены Президиума провели новую встречу с молодыми учеными 18 ноября 1988 года, продолженную через месяц Султангазиным в формате «прямой линии» в редакции газеты «Ленинская смена». Становится правилом ежегодное 5%-ное пополнение научных учреждений молодыми специалистами, работа по выявлению и отбору способной молодежи в вузах, проводимая на 18 филиалах кафедр при институтах Академии наук. Продолжала свою работу Малая академия наук для школьников, прививая им навыки творческой и научно-исследовательской деятельности. В ее составе имелось десять отделений, включая три областных.

Во-вторых, положили начало проведению открытых конкурсов на должности директоров НИИ и в течение первого года при участии коллективов избрали 16 руководителей институтов. Конкурсная основа в определенной мере несла в себе состязательность новых идей, подходов и плодотворно влияла на академическую жизнь, микроклимат в коллективах. Произойшла масштабная ротация членов Президиума (десять человек, или 52,7%) и других руководящих кадров, происходил отказ высшего звена АН от практики со-вместительства, были установлены ограничения по

возрасту при замещении руководящих должностей. Введены должности советников Президиума и директоров институтов, что позволило минимизировать конфликтный потенциал. Как следствие, снизился средний возраст руководителей научных подразделений, был создан резерв для выдвижения.

В-третьих, шли непрерывное совершенствование структуры, эксперименты по развитию новых форм организации исследований. В частности, при институтах создали три научных центра, научно-технические комплексы «Химико-технологический» и «Кибернетика», три учебно-производственных объединения. В соответствии с логикой развития науки и по совету академика Ш.Ч. Чокина, придали новый импульс работе Центрально-Казахстанского отделения Академии, создаются новые отделения и центры АН Казахской ССР в других регионах.

Наконец, в академической науке «прописались» коллегиальность в решении крупных вопросов, элементы гласности и демократии. Руководство АН посетило практически все научные подразделения, проходили выездные заседания бюро отделений в институтах или расширенные заседания, создавались комиссии по критическому анализу положения дел на местах. Положительную роль сыграли изменения в структуре центрального аппарата Президиума, которые привели к улучшению планирования и координации научно-исследовательской работы, внедрению разработок и выполнению, как тогда говорили, социалистических обязательств.

Но, разумеется, не приходилось ожидать одномоментного разрешения всех проблем, копившихся года-

ми, однако позитивные сдвиги в стратегии и тактике деятельности штаба казахстанской науки были налицо. Справедливости ради отметим, что так называемая перестройка в науке наталкивалась на экономические неурядицы, сохраняющуюся инертность государственных органов управления в осуществлении научно-технической политики, скованных законами советской экономики с пятилетним планированием (то есть многие наметки и проекты, в лучшем случае, закладывались на 90-е годы) и тисками централизации «все-го и вся» из Москвы, плюс поспешные нововведения первых перестроечных лет в экономической сфере, не умаляя при этом вины и промахов республиканской власти, то есть фактически «гася» инициативы казахстанских ученых.

Но и в этих сложных условиях трудно переоценить усилия и достижения академической науки, например, по разработке новых ресурсо- и энергосберегающих технологий, техническому перевооружению и реконструкции народного хозяйства, в области экологии. Президиум Академии ратовал за законодательное закрепление нормы, чтобы на территории республики без научной экологической экспертизы АН Казахской ССР не возводился ни один хозяйственный объект. Ученые призывали провести комплексные экологические исследования районов, ставших зонами экологического бедствия или экологической напряженности (Приаралье, Прибалхашье, Прикаспий, Экибастуз, промышленные центры). Требование комплексности вытекало из того, что экология — это вода, почва, атмосфера, растительный и животный мир, физические и химические процессы в почве и атмосфере... В чис-

ле практических мер, реализованных Академией наук, создание Экологического центра при институте гидрогеологии и гидрофизики им. У.М. Ахмедсафина, разработка с Госкомприродой КазССР и утверждение Концепции программы научных исследований в области экологии и охраны окружающей среды на период до 2015 года. Академия приступила к разработке проекта долгосрочной государственной программы г. Алма-Аты «Экология-2005», сам Султангазин возглавил городской межведомственный семинар «Научные проблемы экологии» для обсуждения лучших практик по оздоровлению окружающей среды. Вопросы экологии обсуждались на совещании президентов академий наук республик Средней Азии и Казахстана в октябре 1988 года и 12 институтов нашей академии включились в республиканскую целевую программу «Профилактика».

Как известно, проблемы экологии непосредственно связаны с вопросами комплексного использования природных ресурсов, которые, в свою очередь, затрагивают потенциал всех направлений науки. Судите сами, проектирование и освоение новых месторождений полезных ископаемых зачастую проводились без достаточной научной проработки всего комплекса социально-экономических, технологических, экологических проблем, в результате чего месторождения осваивались далеко не полностью: в большинстве случаев извлекался один вид минерального сырья, велась выборочная обработка богатых руд. На нефтяных месторождениях извлекались 40–50 процентов сырья, а попутный газ попусту сжигался; в угольной промышленности при подземной добыче потери составляли

50–60 процентов. Примеров подобного рода было предостаточно. Вот почему ученые ратовали за разработку и применение безотходных и малоотходных технологий, высокоэффективных схем добычи полезных ископаемых и переработки отходов. Но камнем преткновения оставалось отсутствие опытно-экспериментальной базы и слабая связь науки с производством.

Выходом из сложившейся ситуации руководству Академии виделось более активное подключение научного сообщества к решению важнейших нужд и запросов регионов республики. Прежде всего, внимание сосредоточили на шести областях Центрального и Северного Казахстана (Целиноградская, Джезказганская, Павлодарская, Кустанайская, Кокчетавская, Карагандинская), огромную экономическую мощь которых убедительно характеризовали такие цифры: здесь производилась почти половина промышленной продукции республики, выплавлялось 100% чугуна, 95% – стали, вырабатывалось 70% электроэнергии, засевалось три четверти площадей под пшеницу (или треть по Союзу), добывалось 100% угля. Совершенно правильным решением был курс на объединение усилий академической науки с силами преподавателей местных вузов и отраслевой науки для подъема экономики, ускорения научно-технического прогресса. Совокупность этих вопросов была поднята и заинтересованно обсуждена на расширенном заседании Президиума АН Казахской ССР 2–3 февраля 1989 года в Караганде²³. Фактически Академия возродила

²³Материалы выездного заседания смотри: Вестник АН Казахской ССР. 1989. № 4–5.

традицию выездных научных сессий по проблемам развития производительных сил, заложенную Канышем Имантаевичем в 1947–1958 годах.

Деятельная натура Умирзака Махмутовича, поистине государственный подход к делам и незаурядные организаторские способности, большой авторитет в научном мире не остались незамеченными властями. По согласованию с Алма-Атой и Москвой, его кандидатура в январе 1989 года выдвигается в народные депутаты СССР по Карагандинскому–Октябрьскому национально-территориальному избирательному округу № 142. Если вдуматься, это полностью отвечало политической практике тех лет, когда президенты республиканских академий наук всегда входили в число депутатов Верховного Совета СССР. Однако в период набравшей силу в стране демократизации и гласности, кадровой чехарды в республике после Желтоксана Султангазин отлично подходил для выдвижения: новая и самодостаточная фигура ученого с безупречной репутацией, заслуженное почитание среди непредсказуемой интеллигенции, несклонность к популизму, опыт депутатской деятельности, узнаваемость в народе и в масштабе Союза. А для президента Академии наук депутатский мандат наивысшего достоинства значительно облегчал лоббирование интересов науки в союзных инстанциях и на законодательном уровне, но, вместе с тем, сулил дополнительные заботы и сверхнагрузки.

Согласно закону «О выборах народных депутатов СССР», в Казахской ССР было образовано 32 национально-территориальных и 41 территориальный округ. Также новшеством избирательной кампании стали выборы депутатов от общественных организаций. В ито-

ге, депутатии Казахстана отводилось 99 мест. В Карагандинской области, где баллотировался президент Академии наук, следовало избрать шесть депутатов. В Карагандинский–Октябрьский национально-территориальный округ № 142 (центр – город Караганда) входили Кировский, Октябрьский и Советский районы шахтерской столицы. Округ был сложный: это сочетание центра города с четырьмя вузами (университет, педагогический и кооперативный институты, высшая школа МВД) и десятью НИИ, с жилыми массивами Майкудук, Юго-Восток и Большая Михайловка и большой промышленной зоны. Достаточно сказать, что на этой территории находились 10 действующих шахт, восемь заводов, швейное объединение, пять фабрик, два комбината, 99 детсадов, 86 школ и интернатов, 23 профессионально-технических училища, свыше 30 больниц и поликлиник, много других объектов промышленности, быта, социально-культурной инфраструктуры. На этих выборах впервые допускались альтернативные кандидаты, правда, еще дозированно и под действенным контролем партийных органов. Так, на первом этапе выдвижения в среднем на один депутатский мандат в Казахстане претендовали по четыре кандидата, а в области выдвинули 31 кандидата²⁴. В интересующем нас округе представили двух человек: от коллектива Химико-металлургического института У.М. Султангазина и бывшего ректора КарГУ, члена-корреспондента АН КазССР Зейнолла Молдахметовича Мулдахметова от Института органического

²⁴Казахстанская правда. 1989, 2 февраля; Индустриальная Караганда. 1989, 2 февраля.

синтеза и углехимии²⁵. Однако 2 февраля на заседании окружной избирательной комиссии, посвященной регистрации кандидатов в народные депутаты, огласили заявление Мулдахметова о самоотводе по причине «большой занятости по месту основной работы и загруженности общественными обязанностями». Данная просьба единогласно удовлетворяется.

Вряд ли конкурент был перегружен больше, чем Умирзак Махмутович. Он являлся заведующим кафедрой физической химии университета и одновременно с конца ноября 1988 года – академиком-секретарем Центрально-Казахстанского отделения и членом Президиума АН Казахской ССР. Мы не склонны считать, что это была тактическая уловка или результат давления «сверху», З. Мулдахметов сделал свой выбор осознанно, и на то имелись серьезные причины. Первая. Центрально-Казахстанское отделение, созданное в 1983 году, по формальным признакам не соответствовало критериям отделения Академии по имеющемуся потенциалу, и Президиум АН СССР настойчиво предлагал понизить его статус до научного центра. У руководства республиканской академии была иная точка зрения. По словам Султангазина: «Мы долго думали: если закрыть отделение, сделать его центром, это как будто бы шаг назад. С другой стороны, чтобы дотянуть отделение до положенного статуса, потребуются большие дополнительные дотации, пополнение крупными специалистами. Вопрос пока остается открытым. Что касается перспективы: регион у вас богатый, уникальный, промышленный. Хотелось бы пожелать,

²⁵Индустриальная Караганда. 1989, 8 и 13 января.

чтобы ЦКО совместно с вузами побольше заботилось о подготовке кадров высокой квалификации, больше воспитывало докторов, кандидатов. Побольше инициативы. Все зависит от вас самих»²⁶. Вторая. Мулдахметов не мог рассчитывать на помощь бывших коллег по КарГУ, где новый ректор А.Б. Бигалиев также участвовал в «гонке».

В перестроечную эпоху безальтернативность на выборах не была тождественна безоговорочному избранию, а как раз наоборот – требовала концентрации усилий и воли. По статистике, в республике на заключительном этапе предвыборной борьбы в бюллетенях остались фамилии 114 кандидатов на 73 депутатских мандата и в 35 округах баллотировалось по одному кандидату²⁷. Султангазин проводит многочисленные встречи с избирателями, где весьма значима роль и доля шахтеров (заметьте, до вспышки их забастовок в регионе оставалось три месяца). Предвыборная программа кандидата включала ряд положений, характерных для того времени. В политической области – это «говорить и отстаивать правду, не уходить от острых проблем»; «активно содействовать передаче некоторых полномочий центра по управлению предприятиями союзного и республиканского подчинения – местным органам»; переход к региональному хозрасчету; содействие принятию законов о народном образовании и науке (акценты на закрепление демократических принципов управления и самоуправления, увеличение ассигнова-

²⁶Султангазин У.М. Производительная сила науки // Индустриальная Караганда. 1989, 18 января.

²⁷Казахстанская правда. 1989, 21 марта и 6 апреля.

ний, определение правовых вопросов сотрудничества академической, вузовской и отраслевой науки, связи науки с производством). «Народные депутаты СССР вправе обсудить и принять необходимые решения по таким, например, волнующим всю страну вопросам, как разоружение и снижение расходов на оборону, прекращение подземных испытаний атомного оружия, что так тревожит моих земляков-казахстанцев. Буду поддерживать идею надежной оборонной достаточности и создания комиссии Верховного Совета СССР по военным расходам. Это наш долг, наша боль и забота».

Отдельно выделялись социально-экономические проблемы региона. В числе главных задач «добиться от министерств и ведомств до 30 процентов отчислений от их прибылей в бюджет региона», обеспечить население продовольствием. Как организатор науки, он обещал привлечь крупные силы ученых для внедрения новых технологий обработки и долговременного хранения продовольствия с помощью лазерной техники, различных физических и биологических методов.

Следующий пункт предвыборной программы – товары народного потребления, жилищная проблема. Предлагается всемерная поддержка предпринимательства, привлечение местных промышленных предприятий к выпуску товаров народного потребления, участие всех хозяйствующих субъектов под контролем местных Советов в обеспечении жильем учителей и врачей. Говорилось о подключении ученых для решения проблемы с питьевой водой в городе, профилактики профессиональных заболеваний шахтеров, металлургов и химиков. Озвучивались предложения по социальной защите женщин и пожилых людей.

Привлекала внимание избирателей позиция кандидата по проблеме экологии. Подчеркивая критическую ситуацию по этому вопросу в регионе, Умирзак Махмутович выступал за обязательную научную экспертизу и учет мнения общественности при строительстве новых промышленных объектов. Как специалист, он обещал создать на территории города ряд пунктов для мониторинга загрязненности воздуха и разработать программу по улучшению экологической обстановки. В публичных выступлениях и на встречах с населением положения программы разъяснялись, уточнялись и дополнялись по наказам избирателей. Призывали голосовать за кандидата его доверенные лица – ученые В.П. Малышев, В.И. Дробжев, М.Ж. Журинов²⁸.

Настал день выборов. После подсчета 233 362 бюллетеней избирателей, принявших участие в голосовании, оказалось, что Султангазин получил 178 461 голос «за» («против» – 54 901) и мандат народного депутата СССР²⁹.

Надо сказать, что Умирзак Махмутович добросовестно исполнял депутатские обязанности, отличался активностью среди посланцев Карагандинской области (также были избраны первый секретарь обкома В.И. Локотунин, генеральный директор Карметкомбината О.Н. Сосковец, директор производственного объединения «Карбид» Н.И. Кравцов, бригадир горнопроходчиков Я.А. Дончак, доярка совхоза «Пролетар-

²⁸См.: Султангазин У.М. Жизнь требует активных действий // Индустриальная Караганда. 1989, 5 марта; Солдатова Н. «Какова ваша конкретная программа?» // Там же. 5 февраля; Солдатова Н. К прогрессу приведет наука // Там же. 1 марта.

²⁹Известия. 1989, 5 апреля; Казахстанская правда. 1989, 6 апреля; Индустриальная Караганда. 1989, 28 марта.

ский» Э.М. Нефф и от общественных организаций – председатель областного комитета Красного Креста Д.С. Рахимова и сталевар Казахстанской Магнитки К.З. Ромазанов). Как следует из сохранившегося отчета, народный избранник с головой погрузился в накопившиеся проблемы городского хозяйства. Это и вопросы жилищного строительства, снабжения продовольствием и товарами народного потребления, работы школьных и дошкольных учреждений, состояния дорог и транспорта, экологической обстановки. На его контроле находилось исполнение 122 письменных обращений от граждан и трудовых коллективов, коррективы в деятельность депутата были внесены после получения пакета требований рабочего комитета базирующихся шахтеров бассейна. Также по личным вопросам он принял свыше 400 человек, которые требовали конкретных действий совместно с городскими властями и Министерством угольной промышленности СССР. Султангазину приходилось заниматься вопросами технического перевооружения угольных шахт, проведения очистных работ, увеличения средств, выделяемых на отраслевую науку. Львиная доля запросов касалась улучшения жилищных условий, ряд из которых удалось решить положительно. Так, удовлетворили коллективную просьбу горняков, пожелавших иметь собственные дома – им выделили 260 га земли в микрорайоне «Шахтерский», за индивидуальными застройщиками закрепили 450 участков. Для улучшения экологической обстановки учеными Химико-металлургического института была внедрена электро-мембранная установка по очистке электролита, для обессоливания и повторной утилизации шахтных вод.

Научно-техническим центром «Контакт» под методическим руководством Центрально-Казахстанского отделения АН оценена экологическая обстановка в атмосферном бассейне Караганды, Темиртау и Сарани, приступили к созданию экологического банка данных. Сотрудники Института ядерной физики разработали, изготовили и установили в городе дозиметр коллективного пользования ДКП-01³⁰.

В числе главных требований значилось закрытие Семипалатинского полигона. Для комплексного изучения проблемы вневедомственная комиссия с привлечением сотрудников Академии наук республики провела научно-практическую конференцию в Семипалатинске. Также специальная комиссия изучила последствия ядерных испытаний на здоровье жителей Егиндыбулакского и Каркаралинского районов, которая доказала непосредственное влияние на здоровье людей наземных испытаний. К примеру, в этих районах общая смертность в 1,3 раза, а детская в 1,8–2,3 раза превышали областные показатели. Аналогично дело обстояло с количеством врожденных аномалий у детей и рядом заболеваний сердечно-сосудистой системы, органов дыхания, крови и психических расстройств. Как заместитель председателя республиканской комиссии по наблюдению за состоянием экологической обстановки в Семипалатинской области, Умирзак Махмутович знал местные возможности³¹ и

³⁰ Султангазин У.М. Нужны конкретные дела // Индустриальная Караганда. 1989, 8 августа.

³¹ Из истории Семипалатинского полигона. 1951–1992 гг.: Сборник документов. Алматы, 2007. С. 49.

посему обратился с депутатским запросом непосредственно к советскому премьеру Н.И. Рыжкову, предлагая установить социально-экономические льготы для жителей упомянутых районов.

Имеющиеся стенографические отчеты съездов народных депутатов СССР позволяют показать гражданскую позицию и депутатскую деятельность нашего героя.

На первом съезде Умирзака Махмутовича выдвинули и избрали в состав комиссии из 23 депутатов по подготовке проекта Закона о конституционном надзоре в СССР³². В нее вошли представители всех союзных республик, в том числе такие известные личности, как Аскар Акаев, Анатолий Собчак, Юрий Голик, будущий председатель Комитета конституционного надзора СССР, основоположник уральской научной школы гражданского права Сергей Алексеев, вице-президент АН СССР В.Н. Кудрявцев, генеральный прокурор СССР А.Я. Сухарев, заведующий Государственно-правовым отделом ЦК КПСС А.С. Павлов, президенты академий наук Таджикистана и Туркмении.

На втором съезде подробно обсуждается проект данного закона, и в числе других членов комиссии своими размышлениями делится и Султангазин³³. Он предложил уточнить формулировку первой статьи закона, предостерег от радужных иллюзий «одним махом» создать идеальный проект, озвучил ряд заме-

чаний по тексту документа. Благодаря своему выступлению, Умирзак Махмутович постановлением съезда от 13 декабря вводится в состав редакционной комиссии по доработке проекта закона³⁴. Примечательно, что выступивший позднее председатель комиссии Д.А. Керимов заявил, что предложение Султангазина о праве граждан доводить до сведения Комитета конституционного надзора о неконституционных актах учтено при доработке законопроекта³⁵.

Важно отметить, что Умирзак Махмутович намеревался выступить на данном съезде еще раз, но такой возможности ему не предоставили. Мы располагаем текстом непроизнесенного выступления, переданного в секретариат съезда и опубликованного в его материалах³⁶. Судя по тексту, депутат, прежде всего, намеревался поднять вопрос создания новых взаимоотношений между центром и союзными республиками. Он критиковал доклад правительства из-за отсутствия в нем комплексного научного подхода, ибо «чисто экономические подходы могут серьезно противоречить интересам территории и населения», а принцип самофинансирования для сырьевых регионов «не стыкуется» с вопросами ценообразования. Отмечалось, что без передачи в управление республики предприятий базовых отраслей союзного подчинения ни о каком региональном хозрасчете речи быть не может.

Вторая тема спича – существующие подходы к оздоровлению экономики, которые не в полной мере

³²Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая – 9 июня 1989 г.: Стенографический отчет. Т. III. М., 1989. С. 300–301, 437–438.

³³Второй съезд народных депутатов СССР, 12–24 декабря 1989 г.: Стенографический отчет. Т. III. М., 1990. С. 393–395.

³⁴Там же. Т. IV. М., 1990. С. 485–486.

³⁵Там же. Т. III. С. 507.

³⁶Там же. Т. VI. М., 1990. С. 350–354.

учитывают необходимость выравнивания социального и экономического положения союзных республик. Подробно говорится о научно-технической политике, размытости принципов управления наукой. Необходимо, по его мнению, преодолеть отставание в области информатики, математического моделирования и компьютеризации; пересмотреть статус науки и АН СССР. Поднимается вопрос о децентрализации системы управления наукой, предоставив больше прав и самостоятельности самим республикам и академиям союзных республик, региональным отделениям АН СССР, которые следует закрепить в Законе СССР о науке. Заключительная часть выступления посвящалась проблемам республики. Это ухудшение экологической обстановки из-за узковедомственного подхода к решению задач союзного значения на территории Казахстана, особенно в западных областях, вопросы оздоровления экономики угольных регионов с учетом всех аспектов жизнедеятельности их населения. «Что касается Караганды, — заключал оратор, — то движение шахтеров выливается в объективное пожелание преобразования угольного бассейна в концерн или ассоциацию шахт бассейна. Но этого недостаточно для улучшения жизни людей в регионе. Необходимо, уменьшив госзаказ, разрешить шахтерам Караганды самостоятельно заключать прямые договоры с потребителями, вплоть до договоров с зарубежными партнерами. К незамедлительным шагам призывает требование шахтеров Караганды о закрытии Семипалатинского полигона для ядерных испытаний»³⁷.

³⁷Там же. С. 354.

На четвертом съезде Султангазин избирается в состав редакционной комиссии по доработке проекта Закона об изменениях и дополнениях Конституции СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления³⁸.

У читателя вполне закономерно может появиться вопрос: «Относился ли Умирзак Махмутович к так называемому «агрессивно-послушному большинству» съезда, манипулируемого властью?». Полагаем, что нет. Так, на втором съезде 12 декабря 1989 года обсуждался вопрос об отмене статьи 6 Конституции СССР, гласившей, что «КПСС является руководящей и направляющей силой» в государстве. По результатам поименного голосования (за отмену формулировки 868 голосов, «против» — 1194, «воздержались» — 58), Султангазин в числе 14 казахстанских депутатов выступил за ее отмену³⁹. На третьем съезде он вновь проголосовал не как управляемое большинство казахстанской делегации, поддержав исключение упоминания о руководящей роли КПСС из Конституции (Основного закона) СССР⁴⁰. Резюмируя, можно сказать, что Умирзак Махмутович показал себя на съездах народных депутатов СССР человеком думающим, болеющим за общее дело, с характером бойца. Из многоликого спектра общественного мнения, бурлившего на съездах, он

³⁸Четвертый съезд народных депутатов СССР. 17–27 декабря 1990 г.: Стенографический отчет. Т. III. М., 1991. С. 294–296.

³⁹Второй съезд народных депутатов СССР, 12–24 декабря 1989 г.: Стенографический отчет. Т. I. М., 1990. С. 59.

⁴⁰Внеочередной третий съезд народных депутатов СССР, 12–15 марта 1990 г.: Стенографический отчет. Т. I. М., 1990. С. 254, 283, 386.

вынес твердое убеждение: в жизни надо быть реалистом и не уповать только на хорошие законы, в основе успеха – самодисциплина членов общества, экономические и моральные стимулы, упорный и высокоорганизованный труд. Тем не менее, он не упускал малейшей возможности в этой сложной обстановке озвучить с высоких трибун проблемы и чаяния ученого сообщества.

В полной мере это относится к его выступлениям на XXVIII съезде КПСС и XVII форуме коммунистической партии Казахстана⁴¹. Основной их лейтмотив, крик души – «защитите науку и фундаментальные исследования». Им предлагалось придать академической науке «большой социально-политический статус для того, чтобы эта организация имела свое собственное мнение, независимый голос, допускалась к экспертизе крупных проектов». Рассматривая демократизацию и децентрализацию управления наукой как веление времени, он хотел, чтобы «судьба науки не зависела от произвольных решений и диктата некомпетентного руководителя», требовал законодательной защиты науки. Президент выступал за централизованное финансирование фундаментальных исследований республиканских академий через Госкомитет СССР по науке и технике, а региональных разработок – через республики. Ученые в его лице возражали против растаскивания науки по «национальным квартирам», за сохранение единства фундаментальной науки под руководством Всесоюзной академии наук. Султанга-

⁴¹См.: Вестник АН Казахской ССР. 1990. № 8. С. 9–13; № 10. С. 3–4. Полный текст выступления в Москве отложился в семейном архиве Султангазиных.

зин представлял интеграцию науки и высшей школы в форме исследовательских университетов, с горечью констатировал низкую оплату труда в АН Казахской ССР (в 1989 году среднемесячная зарплата составляла 192 рубля, а молодых сотрудников – до 150 рублей). Говоря о конкретных достижениях академической науки, он выступал за возвращение в лоно Академии свыше ста отраслевых научно-исследовательских и проектных институтов союзного подчинения, принятие кардинальных мер в области экологии.

Заслуживает быть отмеченным, что некоторое оживление научно-технического прогресса в республике в конце 80-х годов не привело к ожидаемому перелому и «захлебнулось» из-за финансовых перебоев и недостаточного материально-технического обеспечения, свою «лепту» внесли и перестроечные новации-реформы систем управления, экономики и других сфер советского общества, центробежные тенденции. К примеру, в 1990 году общий объем финансирования научных учреждений АН Казахской ССР равнялся 36 млн рублей, достаточных лишь для поддержания существования Академии. К периоду заката советского государства Султангазин и его коллеги, отчетливо видя, как сильные стороны академической науки (достаточно высокий уровень по некоторым направлениям; фронтальная изученность природных ресурсов Казахстана; комплексность и широкий спектр исследований по естественным наукам; уникальная инфраструктура), так и ее недостатки (сырьевая направленность научных исследований; диспропорции в размещении научного потенциала; чрезмерная централизация и монополизм; невосприимчивость производства к науке;

отсутствие правовых основ организации науки), пытались изменить ситуацию к лучшему. Так, развивались новые направления и структура сети научных учреждений, возрастал вклад ученых в решение региональных проблем, получила развитие коммерческо-производственная деятельность при институтах и укреплялись международные научно-технические связи, изменился статус НИИ и возросла роль научных коллективов в управлении наукой. Однако развитию АН по-прежнему мешали административные методы руководства наукой и сдерживание свободы творчества, не работали существующие экономические и правовые механизмы взаимодействия науки и производства. Последние дистанцировались от научно-технических новшеств и были нацелены на решение сиюминутных задач, а не на создание качественно новых машин, механизмов и материалов. В силу упомянутых причин в стране медленно формировался новый технологический уклад.

Умирзак Махматович с большими надеждами воспринял обретение Казахстаном государственной независимости. Открывая первую сессию Общего собрания Академии наук после провозглашения независимости, Султангазин сказал: «Мы – казахи, испокон веков мечтавшие о свободе» – эту фразу из государственного гимна я понимаю, как наш национальный лозунг. И в действительности, наши предки испокон веков боролись за независимость и пролили на этом пути немало крови. И вот сегодня эта независимость достигнута, и мы с вами являемся свидетелями того, что наш народ стал независимым и свободным. Никогда независимость не наступала без борьбы. Переход общества от одной формации к другой всегда был связан с ре-

волюционными процессами. Для граждан республики этот период – период испытания на гражданскую зрелость». Отмечая, что научная общественность относится к происходящим процессам с глубоким пониманием, предпочитая говорить не столько о трудностях и нуждах, сколько о судьбах науки и научных направлений, президент академии не преминул сказать во всеуслышание: «Каждая самоуправляемая и развивающаяся система имеет свою оптимальную и предельную меру функционирования. Иначе говоря, свою «критическую массу». Если в количественном и качественном отношении опуститься ниже этого предела, то эта система не может дальше развиваться. Мне кажется, что мы приближаемся к этой опасной черте. Хочу особо предупредить об этом правительственные органы».

Многозначительная ремарка Султангазина имела под собой веские основания. Недавно под юрисдикцию молодого независимого государства перешли 97 научно-исследовательских и опытно-конструкторских организаций с общим объемом финансирования в 273,2 млн рублей в ценах 1991 года (крупнейшие из них – ВНИИцветмет, Гипроцветмет, Всесоюзный научно-исследовательский и проектно-конструкторский угольный институт, КазНИПИнефть, КазНИИГипрофосфор, КазНИИ энергетики), а также ряд высокотехнологических комплексов (космодром «Байконур», полигон космической связи «Сары-Шаган», Семипалатинский испытательный полигон, Тянь-Шаньская высокогорная станция Физического института им. Лепидева, комплексная сейсмологическая экспедиция Института физики земли с сейсмостанцией «Талгар» и глубинной комплексной станцией «Ново-Алексеев-

ская», база обсерватории «Боровое» Института динамики геосфер Российской академии наук, обсерватория Государственного института им. Штернберга)⁴². При таком, казалось бы, существенном наращивании научного потенциала республики выделенных Академии наук средств в 1992 году едва хватало на минимальную зарплату и оплату коммунальных услуг, на проведение собственно научных исследований денег не оставалось. В 1991–1992 годах АН не получила ни одного доллара на научные расходы, а начиная с 1992 года вводится практика помесечного финансирования. Кроме того, ускоренный переход к так называемой рыночной экономике сопровождался диким процессом приватизации, и Академии приходилось буквально защищать свою инфраструктуру от «прихватизации». В свою очередь, галопирующая инфляция моментально «съедала» увеличение заработной платы, обрекала ученых на нищенское существование, вела к падению престижа научного труда и, соответственно, к мощному оттоку квалифицированных научных работников в другие сферы или за рубеж. Сохранившиеся рабочие записи Султангазина за 1992 год напоминают фронтовые сводки: «Особенно резко снизилось количество научных сотрудников в учреждениях естественно-технического профиля, например, в Институте горного дела (285 человек, или 54,3%), органического катализа и электрохимии (132 чел., или 40,4%), гидрогеологии и гидрофизики (63 чел., или 38,9%), химических наук (182 чел., или 32,4%), металлургии и обогащения (205 чел., или 29,5%). Такая ситуа-

⁴²Сабден О. Экономика. Избранные труды в 10 т. Т. X. Алматы, 2009. С. 15–16.

ция вызывает тревогу за будущее научно-технического развития нашего молодого государства».

Нельзя сказать, что руководство Академии наук в этих экстремальных условиях выживания сидело «сложая руки». Создаются Восточное, Южно-Казахстанское и Западное отделения Академии наук, финансирование которых взяли на себя местные бюджеты. Силы и средства концентрируются на прорывных, первоочередных фундаментальных направлениях научно-технического прогресса, осуществляемых созданными научными центрами. Максимально оптимизируются финансовые затраты; проводятся реорганизация научной сети и сокращения штатов; вводится контрактная система организации труда; расширяется деятельность малых предприятий при НИИ и виды оказываемых услуг; иные меры по покрытию дефицита бюджета.

Большие надежды ученые возлагали на институционализацию науки: после разработки «Концепции развития Академии наук республики в новых экономических условиях на период до 2005 года» и «Принципов деятельности Академии наук РК в условиях перехода к рыночной экономике» Президиум АН Казахской ССР разработал проект, ставший прочной основой для принятого 15 января 1992 года Верховным Советом Закона «О науке и государственной научно-технической политике». Последний закрепил основные правовые, экономические и социальные условия и гарантии, обеспечивающие финансирование науки, защиту прав научных работников и научных организаций, принципы государственной научно-технической политики и государственного регулирования отношений в сфере науки и техники.

Активно велся поиск внешних партнеров по совместным исследованиям. Султангазин был и оставался твердым приверженцем взаимодействия с Академией наук СССР и ее преемницей в лице Российской академии наук и республиканскими академиями. И когда среди коллег-президентов республиканских академий возникла идея создать Международную ассоциацию академий наук (МААН), в октябре 1991 года он вошел в состав рабочей группы из шести человек. Как вспоминал руководитель рабочей группы, прославленный академик Борис Патон: «Группа выработала основные принципы создания и деятельности ассоциации, которые затем прошли согласование во всех академиях наук республик в составе СССР и были использованы при подготовке проекта Положения о МААН и проектов других учредительных документов ассоциации»⁴³. МААН как международная неправительственная организация была создана в сентябре 1993 года в Киеве и объединила усилия государств-участников Содружества Независимых Государств по созданию единого научно-технологического пространства. Умирзак Махматович был избран вице-председателем Совета МААН и, согласно Положению, второй год Совет должен был работать на базе Национальной академии наук РК и под председательством ее президента⁴⁴.

Вектор научных контактов протянулся и до Соединенных Штатов Америки, где побывал президент Академии наук в мае 1992 года в составе правительственной делегации. Программа пребывания Сул-

⁴³См.: Патон Б.Е. Международной ассоциации академий наук – 10 лет // Наука и жизнь. 2003. № 11. С. 7–13.

⁴⁴Вестник Национальной академии наук РК. 1994. № 1. С. 3.

тангазина отличалась насыщенностью: состоялись встречи с руководством Национальной академии наук США, Управления науки и техники администрации Президента Буша, Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА), Нью-Йоркского университета. Так, в НАСА обсуждалось проведение совместных исследований и достигнута договоренность о сотрудничестве в области создания экологического космического мониторинга для изучения динамики изменений природной среды Казахстана. Помощнику Президента США по вопросам науки и техники доктору Алану Броумли Умирзак Махматович предложил создать совместные научно-технические центры и организовать международный научный центр на базе Семипалатинского полигона (в частности, речь шла о создании и использовании новейших ракетно-космических систем с ядерным двигателем для полета к планетам Солнечной системы). В ходе переговоров с коллежам по подготовке кадров магистров и докторов PhD Нью-Йоркского университета условились о подготовке десяти аспирантов в области математики, информатики, экономики и биотехнологий в случае выделения средств федеральным бюджетом штата. В беседе с президентом Национальной академии наук профессором Френком Прессом рассматривались возможности годичной стажировки у них ученых из Казахстана и предоставления кредита для обновления научного оборудования Академии наук Республики Казахстан⁴⁵.

⁴⁵Об итогах поездки президента Академии наук РК У.М. Султангазина в США в составе правительственной делегации // Вестник Академии наук РК. 1992. № 6. С. 31–34.

Как вы заметили, в настоящей книге не раз упоминается космическая проблематика, на что есть свои причины. Дело в том, что еще в новосибирском Академгородке Султангазина заинтересовали прикладные аспекты вычислительной математики по изучению экологии и климата, чем успешно занимались ученики Гурия Марчука. Казахстанскому ученому было обидно, что его республика, исторически связанная с освоением космического пространства с 1955 года, лишь служит космической гаванью и вплотную не занимается изучением этой проблемы. Да, в советское время отдельные научные подразделения АН Казахской ССР (институты астрофизики, ионосферы, математики и механики) принимали эпизодичное участие в космических программах и экспериментах. В бытность академиком-секретарем Отделения Умирзак Махмутович назначается представителем Федерации космонавтики СССР и предлагает использовать космическую информацию в интересах народного хозяйства и науки. Более того, по его инициативе принимается правительственное решение о создании межведомственного Центра по приему и обработке космических изображений. Однако возникли проблемы с финансированием, и тогда Султангазин создал Центр по распознаванию образов и обработке космической информации в Институте математики и механики, были подготовлены необходимые специалисты, создан прочный задел на будущее.

В 1991 году президенту Н.А. Назарбаеву удалось добиться включения республики в международную программу космических полетов. Академии наук поручается в авральном порядке разработать программу

полета первого казахского космонавта и принять участие в управлении полетом. Приглашаются крупные ученые, конструкторы и специалисты для разработки программы «Казахстан – Космос» (впоследствии именуемая «Гарыш»), головной организацией назначается АН. Под руководством Султангазина разрабатывается концепция данной программы и необходимые приложения. Осознавая перспективы освоения космического пространства, правительство поддерживает предложение Академии наук о создании Института космических исследований. В виде исключения Умирзаку Махмутовичу, сразу же освободившему кресло директора Института математики и механики после избрания президентом, поручается по совместительству возглавить новый институт, что и продлится до конца его жизни. Изначально главными научными направлениями НИИ определили космические методы изучения земной поверхности, наблюдение за состоянием окружающей среды и рационального природопользования, космическое материаловедение. На первом этапе своего существования институт совместно со специалистами по изучению ионосферы, молекулярной биологии и биохимии обеспечил программу полета первого космонавта РК, 72-го космонавта СССР и 256-го космонавта мира Тохтара Онгарбаевича Аубакирова и ее успешное выполнение. Казахский Гагарин проводил съемки пыльных бурь бассейна Аральского моря и эксперименты по космической биотехнологии. Вполне заслуженно за большой вклад в использование достижений космической науки в интересах народного хозяйства и активное участие в подготовке и осуществлении полета корабля «Союз ТМ-13» Указом

Президента СССР от 18 декабря 1991 года Султангазин награждается орденом Ленина. Космическую эстафету продолжил второй космонавт РК, 79-й космонавт России (СССР) и 309-й космонавт мира Талгат Амангельдиевич Мусабаев, осуществивший три полета в 1994, 1998 и 2001 годах. Им выполнен большой круг исследований и экспериментов по природно-ресурсному и геофизическому мониторингу, космической биотехнологии и биомедицине, информационному обеспечению и физико-технические исследования. Таким образом, за десять лет Республика Казахстан буквально вырвалась в число передовых космических держав, имея двух собственных астронавтов и четыре крупные программы космических исследований⁴⁶.

В сутолоке неотложных дел Султангазина постоянно занимала проблема подготовки и поддержки молодой научной поросли, начиная с деятельности Малой академии наук и конкурсов одаренной молодежи «Дарын» до выдвижения на руководящие посты или в состав Общего собрания Академии подающих надежды молодых ученых. Как вспоминают коллеги, его искренне радовало наличие юных талантов среди аульной молодежи и во время конкурсов-олимпиад по математике он сетовал, что не всегда явное дарование пробивает себе дорогу в университеты и большую науку, отсутствует целевая программа возвращения и поддержки неординарно мыслящей молодежи. «К сожалению, — говорил он, — отсутствует честная конкуренция и чаще всего место таланта окольными путями

⁴⁶Подробно см.: Космические исследования в Казахстане /Под ред. У.М. Султангазина. Алматы, 2002. С. 7–33.

занимает посредственность. Это наша национальная беда, когда безусловных фаворитов отселяют «середины» и «бедняки» в интеллектуальном отношении». В первые годы существования президентской стипендии «Болашақ» Умирзак Махмудович не раз озвучивал «в верхах» свою точку зрения, что приоритет должен отдаваться не подготовке и повышению квалификации чиновников, а обучению молодых ученых перспективных для страны специальностей, прохождению ими стажировок в ведущих научных лабораториях мира с последующим продолжением подобных исследований на родине. В этой связи он ссылался на апробированный советский опыт, когда в трудные годы становления отечественной науки сочли возможным направить будущих светил П. Капицу и Л. Ландау в лаборатории Резерфорда и Нильса Бора, ставшую для них «трамплином». Как прагматик, он трезво смотрел на «утечку мозгов»: если молодые ученые уезжают в развитые страны, где есть все условия для научной деятельности, то за таких он спокоен, ибо в любом случае, накопив опыт, они вернутся на родину, а открытия, совершенные ими за рубежом, вносят вклад в мировую и казахстанскую науку. Султангазина больше занимали судьбы талантливой молодежи, ушедшей в бизнес и инофирмы. Вернутся ли они оттуда в науку?

Молодым ученым было чему поучиться у Умирзака Махмудовича, выросшего в строгой математической школе. Наверное, поэтому он строго подходил к защите докторских диссертаций по математическим специальностям, порой искусственно сдерживал «скоропеление» работ, справедливо считая, что «самое страшное — это засорение науки ненужными

людьми со степенями, такие могут даже мешать работе, зато много требовать. В науке важен не только талант ученого, но и его здоровье, имею в виду, прежде всего, моральное, порядочность. Обманывать в науке – это тоже опасно. Некоторые преувеличивают свои результаты, считая главным критерием количество работ. Но не этим оценивается вклад в науку. И одна хорошая работа может быть достойным вкладом. Считаю, что правда в науке – прежде всего»⁴⁷. Зато он гордился – «наши доктора наук сильнее», подчеркивал, что утверждение о «переходе количества в качество» применительно к валу защит диссертаций в казахстанских реалиях рыночной экономики, в основном, ошибочно.

Честный и принципиальный президент Академии не скрывал общего мнения научной общественности по поводу реформирования академической науки, призывая учитывать традицию и мировую практику. Имелись в виду следующие принципиальные моменты: во-первых, фундаментальная наука, не предполагающая сиюминутную отдачу, финансируется государством; во-вторых, не существует лучшей альтернативы демократическому управлению наукой, творческая деятельность априори предполагает самостоятельность, существуют творческий выбор и свобода⁴⁸. Отстаивание перечисленных подходов стало «полем битвы» за сохранение Академии наук, которая

⁴⁷Я не стал «чистым» теоретиком, а всегда шел за жизнью: Интервью У.М. Султангазина // Казахстанская правда. 1996, 4 октября.

⁴⁸См.: Султангазин У.М. Наше государство должно больше доверять своим ученым // Бюллетень Международного института современной политики. 2005. № 1(1). С. 10.

Народные депутаты СССР У.М. Султангазин, Е.М. Асанбаев, У.К. Караманов, Ж. Калиев в Кремле, 1991 г.

Первый казахский космонавт в Академии наук, 1991 г.

С четой Ротшильдов в Нью-Йорке, 1991 г.

*Прием в Посольстве США в Казахстане: У.М. Султангазин,
У. Кортни, М.А. Алиев, С.А. Курмангужин, 1992 г.*

В г. Палермо на Сицилии, 1992 г.

*Правительственная делегация Казахстана в КНР:
А.Х. Арыстанбекова, К.Т. Турысов, Н.К. Исингарин,
У.М. Султангазин, 1990 г.*

С любимыми внуками, 1993 г.

Трудный вопрос президенту

*С учеными в Южном Казахстане.
Слева направо: А.К. Кошанов, А.С. Сагинов, У.М. Султангазин,
М.Ф. Уркумбаев, К.А. Сагадиев, В.Н. Околович, 1994 г.*

О проблемах Аральского моря в Японии, 1995 г.

С американским астронавтом Л.Г. Купером, 1995 г.

*С выдающимися математиками П. Лаксом (США) и
Т. Нишида (Япония), 1995 г.*

В Центре приема и обработки космической информации, 1996 г.

Новое хобби, 1995 г.

Перед спуском в шахту атомного полигона, 1998 г.

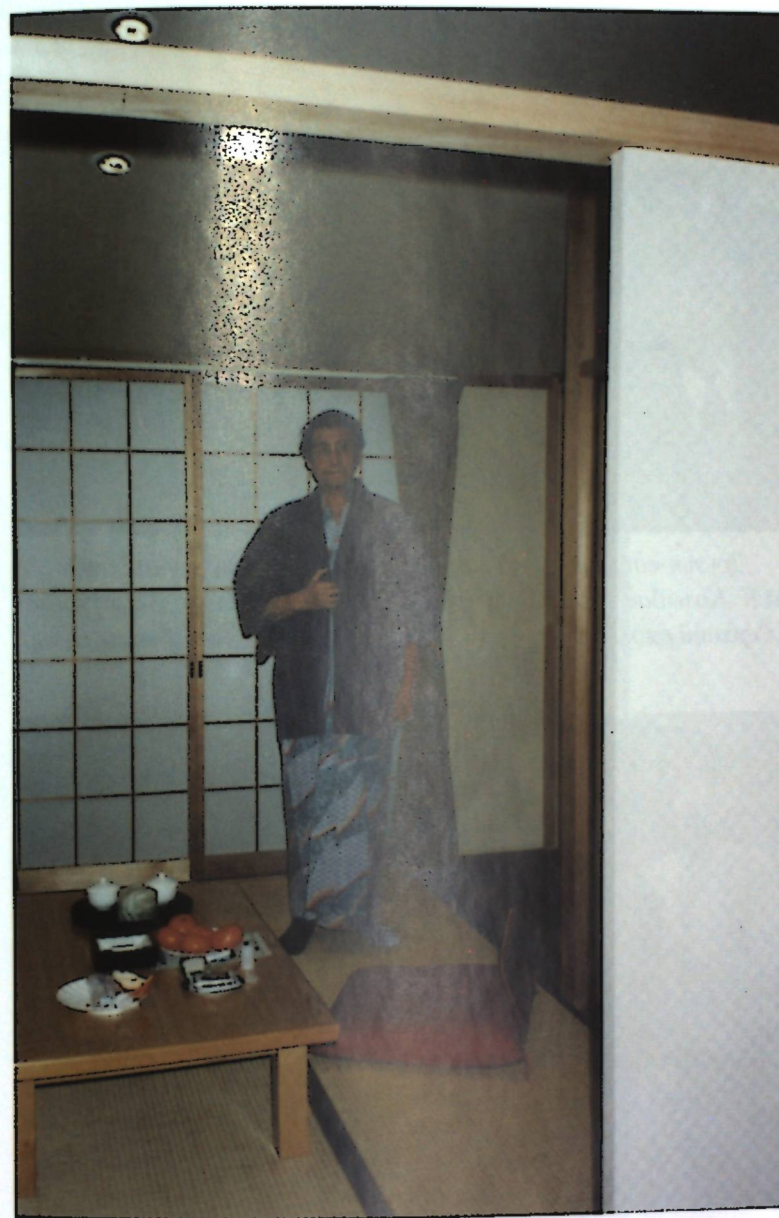
Рабочая встреча ученых с космонавтом Т.А. Мусабеевым, 1998 г.

Казахский чapan академику С.К. Годунову, 1999 г.

С учеными Тайваня, 2001 г.

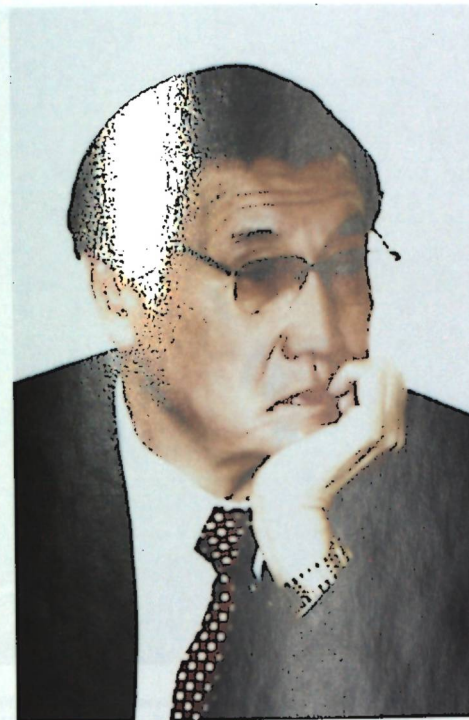
Дань японским традициям, 2000 г.

*Друзья-единомышленники. Нижний ряд (слева направо):
М.К. Козыбаев, А.К. Нурпеисов, С.З. Зиманов, С.Б. Балмуханов.
Верхний ряд: К.У. Ушпаев, К.А. Сагадиев, У.М. Султангазин,
К.С. Ормантаев, 2001 г.*

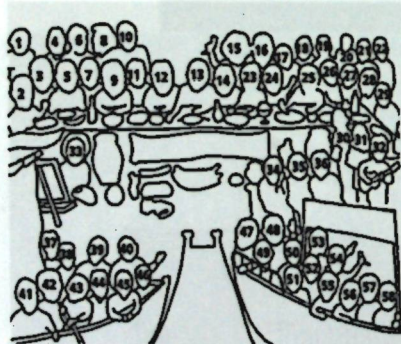
*На открытии улицы имени М. Дулатова в Костанаве.
Слева направо: С.С. Сатубалдин, М.К. Козыбаев, К.А. Сагадиев,
Г.М. Дулатова, У.М. Султангазин, Ж. Исмагулов, 2001 г.*

Что принесет нам новое тысячелетие? 2001 г.

На московской даче Гурия Ивановича, 2001 г.

1 – Коркадзе А.А.	30 – сын 1
2 – Бобко И.М.	31 – сын 2
3 – Михайлов Г.А.	32 – сын 3
4 – Кузин В.И.	33 – Марчук О.Н.
5 – Щербakov А.В.	34 – Кульков Н.В.
6 – Нечапуренко М.И.	35 – Михайленко Б.Г.
7 – Годунов С.К.	36 – Елепов Б.С.
8 – Василенко В.А.	37 – Гивин Г.С.
9 – Лаврентьев М.М.	38 – Каленкович Е.Е.
10 – Воронин Ю.А.	39 – Ильин В.П.
11 – Яценко Н.Н.	40 – Смелов В.В.
12 – Алексеев А.С.	41 – Кочергин В.П.
13 – Марчук Г.И.	42 – Дробышев В.И.
14 – Бахвалов Н.С.	43 – Фиге М.К.
15 – Саркисян А.С.	44 – Узнатде О.П.
16 – Ершов А.П.	45 – Пененко В.В.
17 – Тиртышников Е.Е.	46 – Кузнецов Ю.И.
18 – Мацоккин А.М.	47 – Москалев О.В.
19 – Кобельков Г.М.	48 – Кузнецов Ю.А.
20 – Гейши И.И.	49 – Залесный Б.В.
21 – Шайдулов В.В.	50 – Дымников В.П.
22 – Шугаев В.П.	51 – Агошков В.И.
23 – Курбаткин Г.П.	52 – Романюха А.А.
24 – Воеводин В.В.	53 – Контарев Г.Р.
25 – Лыкозов В.И.	54 – Галин В.Я.
26 – Лебедев В.И.	55 – Агошков В.И.
27 – Султангазин У.М.	56 – Погужев И.Б.
28 – Цветова Е.А.	57 – Лаврова А.К.
29 – Коновалов А.Н.	58 – Зуев С.М.

Ученики и коллеги поздравляют академика
Гурия Ивановича Марчука с 80-летним юбилеем. 8 июня 2005 г.

На приеме у Первого Президента Республики Казахстан, 2003 г.

Встреча с ректором Токийского агротехнологического
университета, 2 марта 2005 г.

Почтовая марка, посвященная У.М. Султангазину

Памятник-бюст перед университетом в г. Костанайе (скульптор К. Суранчиев)

стоила Султангазину, как впрочем, и всему научному миру много нервов и здоровья.

Оппонентом в этом противостоянии стало созданное в феврале 1992 года Министерство науки и новых технологий, которое покорно следовало за некоторыми представителями высшей бюрократии, слепо повторявших за иностранными консультантами, что фундаментальная наука республике не нужна, Академия наук – это анахронизм советского режима, за деньги мы в состоянии нанять зарубежных ученых для решения любых научных проблем. Как тут не вспомнить крылатые слова Абая⁴⁹:

Судьбы своей не избежать,
И суть свою не поменять.
Ученого не превзойти невежде,
Подснежнику о лете – не узнать.

Необходимо подчеркнуть, что подобные эксцессы были характерны для ряда постсоветских государств. Например, в России наблюдалось перманентное состояние конфронтации между властями и Академией относительно алгоритма реформирования РАН, завершившееся ее силовой оптимизацией весной 2014 года. Суть конфликта интересов отражена в тезисе аналитиков Андрея Абдулова и Анатолия Кулькина: «...В современной России не наука является экспертом для государственной власти, а государственная власть – это «эксперт» науки, в принципе, увы, не понимающий, что такое наука, образование и научное сообщество, в

⁴⁹ Абай. Тридцать семь стихотворений /Сост. и пер. М. Адибаев. Алматы, 2006. С. 351.

каких организационных формах они должны функционировать, чтобы быть эффективными для общества»⁵⁰.

В то же время, ни в одном государстве СНГ никто из членов академического сообщества не возражал против разумной реформы Академии, что, по логике, должно подразумевать усиление ее влияния в науке, экономике, образовании, культуре и при решении проблем развития страны. Но на практике чаще создается впечатление, что власть предержащие не видят и не понимают бесспорной истины, что все блага современной цивилизации базируются на достижениях науки и маниакально стремятся выстроить вертикаль управления академической наукой и высшей школой, дать право чиновникам определять научную политику, максимально ограничить творческую свободу. Сказанное полностью относилось к суждениям Умирзака Махмутовича и его коллег: они руководствовались только интересами науки и не держались за свои портфели, ясно понимали, что пренебрежение интересами фундаментальной науки несет в себе стратегическую угрозу для государства и посему предлагали эволюционное, а не революционное реформирование отрасли.

А между тем, новое министерство начало поглощать Академию, чрезмерно администрировать при

⁵⁰ Абдулов А., Кулькин А. О стратегии партнерства науки и власти // Свободная мысль. М., 2009. № 1. С. 90.

По мнению акад. В.М. Полтеровича, это показательное наказание Академии за строптивость, самостоятельность и независимость от власти, постоянное оппонирование ей, начиная со времен курса шоковой терапии Т. Гайдара по указке Запада — см.: Полтерович В.М. Реформа РАН: экспертный анализ // URL: www.perspektivy.info/.

неработающем Законе «О науке» и единолично распоряжаться финансами, неотступно выступать за выведение из состава АН научных центров, созданных на базе академических НИИ. Убедительные доводы и суждения Умирзака Махмутовича, что без «понимания очевидной истины: пока ученый не будет рассматриваться как главное звено научного процесса, не будет движения, хоть зареформируйся», «Академия должна иметь свое собственное независимое от правительства и основанное на объективной информации мнение», «перестройку научной отрасли [надо] проводить, не разрушая всей прежней системы»⁵¹, равно как и альтернативное видение Президиума, рожденное в результате совместного «мозгового штурма»⁵², во внимание не принимались. Не могли понравиться Акорде и смелые возражения президента АН о пагубности курса на разрушение сельского хозяйства и казахского аула, слова о том, что «все достижения нашей науки созданы не чиновниками, а учеными. Нельзя относиться к научной отрасли, как к производству, где можно менять отношения, технологии, организацию. Наука — совершенно другая от-

⁵¹ Султангазин У.М. «...Я всегда шел за жизнью...». С. 52, 114, 134.

⁵² См.: Состояние и перспективы развития Национальной академии наук Республики Казахстан / Под ред. У.М. Султангазина. Алматы, 1993. 25 с. Основная мысль доклада в тезисе: «Прежде всего, нужны не разрушающие, а изменяющие, не революционные, а эволюционные реформы, которые позволили бы адаптироваться к условиям рынка, сохранить потенциал и целостность Академии наук как уникальной междисциплинарной научной структуры».

расль, это «штучные», единичные люди. Ученые – не бригада рабочих, которую сегодня можно собрать, а завтра распустить. Это высококвалифицированные специалисты, а научные школы формируются десятилетиями».

В адрес Академии сыпется град претензий вышестоящих инстанций о медленном проведении реформ, недостаточной активности ученых-экономистов в выработке практических рекомендаций правительству. Всегда выдержанный, терпеливый и рассудительный Султангазин видит бесперспективность диалога, понимает, что административный нажим вызван «подковерными играми» и является результатом закулисных договоренностей на Олимпе власти, замешанных на трайбализме. Кто-кто, а руководитель Академии никогда не питал зависти или неприязни к конкурентам, открыто боролся с наукообразной плесенью и явно не желал выступать в роли разрушителя сатпаевского храма науки. После долгих раздумий Умирзак Махмутович идет на решительный шаг и заявляет о своей отставке, к его решению присоединяются все члены Президиума Академии. Единодушная коллективная отставка – это явно поступок наперекор системе, хотя, возможно, действие рационально непросчитанное и больше – эмоциональное.

2 февраля 1994 года проходит сессия Общего собрания Национальной академии наук, в ее работе принимает участие глава государства. Вопреки повестке дня участники сессии решают не заслушивать информацию о деятельности Президиума академии, а сразу рассмотреть второй пункт – организационный вопрос. С большой речью к собравшимся выступает Прези-

дент Н.А. Назарбаев⁵³, затем Министр науки и новых технологий Г.А. Абильсиитов оглашает собравшимся текст обращения У.М. Султангазина об освобождении его от занимаемой должности в связи с необходимостью сосредоточиться на научной деятельности. Участники сессии Общего собрания удовлетворяют данную просьбу, как и досрочную отставку членов Президиума. Всем им выражается благодарность за добросовестный труд⁵⁴. Теперь уже бывшему президенту НАН РК не дают возможности зачитать полностью свою речь и, скомкав выступление, он завершает ее крылатым латинским выражением: «Feci quod potui faciant meliora potentes», переводимым как «Я сделал [все], что смог, пусть те, кто сможет, сделают лучше». Обычно так римские консулы заканчивали свою отчетную речь, передавая полномочия преемникам.

В трудовой книжке Султангазина это зафиксировано так: «Освобожден от должности президента НАН РК по собственному желанию».

По Уставу, выборы президента – прерогатива действительных членов Академии. Уединившись в зале, они заслушали главу государства, предложившего свою кандидатуру, и выдвинули встречное предложение провести выборы на альтернативной основе. Переубедить академиков отказаться от своего предложения оказалось делом невозможным. В результате в списки тайного голосования вносятся три кандидату-

⁵³ Назарбаев Н.А. Речь на сессии Общего собрания Национальной академии наук // Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан. 1994. № 2. С. 8–11.

⁵⁴ На сессии Общего собрания Национальной академии наук Республики Казахстан // Там же. С. 6–7.

ры: директора Института механики и машиноведения академика У.А. Джолдасбекова, ректора Казахской государственной академии управления члена-корреспондента НАН РК К.А. Сагадиева и директора Института химических наук, академика Е.Е. Ергожина. После всестороннего обсуждения кандидатур запускается машина голосования, по итогам которого необходимое число голосов набирают два претендента – Джолдасбеков и Сагадиев, но, по большинству голосов, девятым президентом избирается последний. Так восторжествовала академическая демократия и по меткому определению академика Т. Шарманова: «Это был первый и последний в ее истории романтический акт, когда академическое сообщество вольнодумцев проявило дерзкую самостоятельность, за что потом оно будет жестоко наказано и расплатится своим почти исчезновением»⁵⁵.

Если рассматривать события в Академии наук 1994 года отстраненно, то разговор должен идти как на тему компромиссов и принципов в науке, так и в жизни. Сегодня мы не будем гадать, строить досужие версии: вот если бы Ш. Чокин и Ш. Есенов проработали дольше на своих постах, а М. Айтхожин и У. Султангазин пришли раньше к «рулю науки», кандидат в президенты АН от власти сделал бы так, то было бы то-то... Но у истории нет сослагательного наклонения и нельзя нажатием кнопки на компьютере вернуть все назад. Тогда, четверть века назад на «кону», как казалось большинству членов Академии,

стоял вопрос независимого существования академической науки, они хотели оградить ее от тлетворного влияния коммерциализации, торгашества, серости, трайбализма. По сути, это было протестное голосование на принципиальной основе, единственное, что оставалось у деятелей науки.

Так закончилась славная страница жизни Умирзака Махмудовича, а впереди – еще одиннадцать лет жизни, наполненной событиями.

⁵⁵Шарманов Т. Штрихи к портретам моих современников. Алматы, 2009. С. 80.

Служение науке продолжается

Со следующего дня после отставки экс-президент полностью сосредотачивается на работе в Институте космических исследований – своем любимом детище. Как он себя чувствовал тогда, задался таким нелегким вопросом спустя десять лет корреспондент газеты «Начнем с понедельника» Айткен Кадырбеков. Приведем фрагмент из данного интервью¹:

– Умирзак Махматович, в девяносто четвертом Вы вместе с Президиумом академии наук подали в отставку в знак несогласия с теми процессами, которые происходили в общественной и научной жизни нашей страны. Это были тяжелые времена, и меня не может не интересовать: как Вы, ученый, пережили их, было ли Вам тяжело наблюдать за переменаами, изменившими нашу страну?

– В личном плане для меня это не было драмой, потому что любая административная нагрузка для истинного ученого – это бремя, отнимающее время и силы, которые могли бы быть затрачены на настоящую работу. Я даже был рад избавлению от руково-

¹Академией может и должен руководить только ученый // Начнем с понедельника. 2004. 20–24 марта (№ 20).

дящей работы, у меня появилась возможность заниматься чистой наукой и преподаванием. Я два года проработал в Киотском университете, занимался исследованиями в своей области. У меня были все условия для настоящей работы, и я получил огромное удовольствие от нее.

– А до этого у Вас такой возможности не было?

– Ну почему, я никогда не бросал науку, просто, будучи президентом, сложнее заниматься настоящими исследованиями. Сами понимаете, какая ответственность и нагрузка ложатся на руководителя такого ранга.

– А может быть, Вам не стоило брать на себя так много, пусть академией руководил бы одаренный администратор, а ученые занимались своими делами...

– Наши чиновники тоже так считают, но они не понимают, что научным объединением должен руководить человек, занимающийся наукой и знающий ее нужды изнутри. Безусловно, организаторские способности необходимы, и человек с научным складом ума способен развить их в себе за довольно короткий срок. А далекий от науки администратор никогда не поймет роли множества научных направлений в жизни общества и каждого отдельного ученого. Нет, академией может и должен руководить только ученый».

В приведенном отрывке передана предельно ясная позиция Султангазина относительно непрекращающейся реформы академической науки, которая, к сожалению, не привела к позитивным результатам. Как и прежде, он уверен в правильности своих первоначальных оценок хода и направленности «реформ», а

государство без науки и технологий «останется в феодализме». Что касается чувственной составляющей, то, вероятно, остроту переживаний сгладило время раздумий и анализа, проведенных на «холодную» голову. Впрочем, давайте все по порядку.

Итак, весна 1994 года. В институте дел неуворот – идет подготовка к полету второго казахского космонавта Талгата Мусабаева на корабле «Союз ТМ-19» (1 июля – 4 ноября 1994 г.), для чего разрабатывается научная казахстанская программа «Полет-М». В нее вошли физико-технические исследования металлических сплавов с перспективой получения новых материалов с заданными свойствами (эксперимент «Темир-1») и природно-ресурсный мониторинг территории Казахстана в целях принятия управленческих решений (видеосъемки), геофизические исследования (изучение серебристых облаков в верхней атмосфере), блок экспериментов по космической биотехнологии для селекции (эксперимент «Максат»). Одновременно наращиваются технические возможности института и вводится в эксплуатацию Центр приема и обработки космической информации. Большой коллектив ученых-энтузиастов, включающий специалистов институтов ядерной физики, астрофизики, биологии и биохимии, космических исследований, досконально разработал казахстанскую часть экспериментальной программы полета, практически полностью реализованную нашим посланцем. Через 125 суток Т. Мусабаев благополучно вернулся на землю, но лично попригласовать его и вместе проанализировать результаты экспериментов Султангазин тогда не смог, поскольку третий месяц жил и работал в Японии.

В длительную заграничную командировку Умирзак Махмутович отправился после настойчивого приглашения руководства Киотского университета в качестве приглашенного исследователя сроком на девять месяцев. Подобная практика в формате приглашенный профессор/приглашенный исследователь широко распространена в мире, к ней прибегают университеты как испытанному средству повышения своей конкурентоспособности на рынке образовательных услуг и для проведения научных исследований, поскольку по американской системе и в Японии вся фундаментальная наука сконцентрирована в университетах. Именно поэтому все стараются заполучить звезду науки на пике его популярности, использовать для брэнда университета его имя, публикации в газетах и высокорейтинговых изданиях.

Киотский университет был и остается одним из ведущих и старейших вузов Японии (1897). По международным рейтингам он находится в топ группе ведущих университетов планеты, среди его выпускников есть и лауреаты Нобелевской премии (на сегодня пять человек). Полагаю, что читатель не отгадает, в каком подразделении университета работал приглашенный академик. Ему предстояло сотрудничать с японскими коллегами в Институте экономических исследований, одном из 13 НИИ Киотского университета, изучать сравнительную экономику стран мира на примере математических моделей транзитных экономик. Если конкретизировать тему, то это выстраивание математической модели эколого-экономических систем Казахстана. Надо сказать, что Киотский университет уже долгое время проводил экономико-математические ис-

следования на мировом уровне, имел свои печатные издания на английском языке. Японцев очень интересовал опыт экологического мониторинга Аральского моря и всей Центральной Азии в целом, подходы к решению экологических проблем, чем успешно занимался казахстанский институт космических исследований. А если учесть, что Султангазин прошел хорошую школу в семинаре Канторовича и применял свои знания на практике в 70–80-е годы, то приглашающая сторона сделала правильный выбор.

Для нашего героя это было третье посещение Страны восходящего солнца и Киото. Первый раз он приехал сюда в 1991 году для участия в Математическом конгрессе. Следующая поездка с насыщенной программой пребывания состоялась в 1993 году, когда президент Академии наук провел встречи в Национальном космическом агентстве Японии, Киотском университете, Институте экономики, университете Тэнри, Центре приема и обработки космической информации, ряде компаний и корпораций по вопросам экологических и космических исследований (скорее всего, тогда прагматичные японцы заметили и оценили его научно-организаторский талант и богатый опыт). Теперь же выдалась возможность вплотную заняться любимым делом, уединиться в кругу семьи (с ним приехала супруга и внучка), поближе познакомиться с уникальной природой и самобытной культурой Японии.

Весьма располагала и атмосфера, царящая в стране и университете, где уважение граждан к профессуре, науке и знаниям просто «зашкаливало». В свою очередь, он без конца удивлялся роли науки и челове-

ского интеллекта в подъеме экономики маленькой по территории Японии – островного государства без залежей полезных ископаемых, на передовые позиции в мире по всем показателям экономики, науки и техники. Сплоченная нация показывала пример открытости и применению новых научных достижений, быстрому внедрению новейших технологий в производство. Иногда ему даже казалось, что японцы опережают динамичное время. Также поначалу было непривычным обращение к себе «сенсей», то есть учитель, сложный протокол-церемониал в обычном общении. Сам институт находился в кампусе университета, неподалеку от здания факультета экономики, куда профессор ежедневно приезжал на велосипеде. Японские коллеги запомнили его строгим и требовательным к себе, но при этом добрым человеком. «Он больше всех в нашем университете занимался наукой..., вел себя как молодой ученый, каждый день бегал», – вспоминал профессор Уко Катаяма². За непродолжительное время гость показал себя с лучшей стороны и выдал на-гора брошюру в соавторстве с директором института профессором Цунео Цукатани и две статьи, выступил с докладами на трех конференциях, прочитал цикл лекций. Можно сказать, Султангазин покориł хозяев, и, как первый прецедент в истории престижного университета, его вновь пригласили приехать на учебный год с сентября 1999 года.

И все же, все мысли и думы были о далекой Родине, судьбах отечественной науки. Вернувшись в Алма-

²Тодорова Н. Патриарх космической науки // Казахстанская правда. 2011, 6 октября.

ты, Умирзак Махмутович видит удручающую картину противостояния Академии с чиновниками от науки. Доходит до того, что в правительственной записке главе государства от 9 ноября 1995 года содержится вывод, что «Академия наук – это советский анахронизм» и предлагается объединить ее с министерством науки, причем, по видению команды Акежана Кажегельдина, АН отводилась роль лишь «общественно-научного эксперта при министерстве науки»³. Реакция президента НАН не заставила себя ждать: в конце того же месяца на пресс-конференции Сагадиев публично озвучивает свое мнение – возглавляемое им учреждение более компетентно в вопросах науки, но не имеет достаточных прав для реализации, а министерство наоборот обладает правами, но менее компетентно. Одновременно поддерживается идея объединения двух структур, поскольку это благотворно скажется как на развитии науки, так и на государственном бюджете⁴.

Вовсе не удивительно, что в ожидании неминуемой развязки сторонами, каждая из которых надеялась на победу, началось «перетягивание каната», и ученые воспользовались СМИ как единственным каналом «достучаться» до Президента Н.А. Назарбаева, избранного ими академиком пять месяцев назад. 6 декабря было подготовлено письменное обращение семи действительных членов АН – Г. Щербы, С. Зиманова, Б. Суворова, А. Кунаева, С. Кожахметова, Б. Мукашева и Султангазина, которое положило начало петицион-

³Зиманов С. Полное собрание сочинений. Т. IX. Алматы, 2009. С. 8.

⁴См.: Махамбетова Ж. Национальная академия хочет помочь производству, но... // Казахстанская правда, 1995, 29 ноября.

ной компании в защиту Академии наук. В данном обращении, изрядно переработанном и увидевшем свет накануне нового года на страницах популярной газеты «PANORAMA», академики писали:

«Последние несколько лет Национальная академия наук находится в состоянии превентивных сокращений. Так, по сравнению с 1990 годом, на 61,6% стало меньше лабораторий и отделов, научных тем – на 63%, численность работников сократилась на 54,7%, в том числе научных работников – на 39,6%.

Но пока основной научный потенциал Национальной академии наук удастся сохранять. Например, подготовлен перечень из 184 технологий, готовых к промышленному освоению. По 25 из них начаты договорные процессы по их освоению в Казахстане. Намечается создание не менее трех совместных предприятий, в том числе по производству арглабина – противоопухолевого препарата, созданного из растительного сырья. Поступила заявка от США на 1 млн его ампул. Этот препарат экспонировался на прошедшей недавно выставке в Сан-Диего. Кстати, на ней представлены еще шесть экспонатов, подготовленных институтами НАН. В целях усиления коммерциализации науки создано АО «Казгылым», почти в каждом НИИ прикладного направления введена должность зам. директора по маркетингу.

К сожалению, в республике нет должного и ясного понимания значения науки в создании экономической базы демократии и цивилизованного общества, а также для обеспечения научно-технического и технологического суверенитета независимого государства, тем более, на стадии его становления. И сегодня недоста-

точно признать эту роль науки. Ее нужно сделать основой формирования концептуальных проблем перестройки. Эта задача не может быть решена сама собой даже при наличии серьезного научного потенциала. Наука должна быть надлежащим образом организована, управляема и востребована. Именно в этих вопросах существуют у нас крупные изъяны. В условиях экономического кризиса и ограниченности материально-финансовых ресурсов крайне необходимо сосредоточение основного научного потенциала, которым располагает республика, в одном месте. Нелогично распылять средства на науку по разным независимым объединениям и ведомствам, создавать немалое число параллельных исследовательских учреждений, игнорировать оправданный опыт организации науки.

А он говорит о том, что концентрация научной мысли (в основном, в системе Академии наук и в ее республиканских филиалах) за короткий период вывела СССР в число самых передовых научно-интеллектуальных стран, а союзные республики, в том числе Казахскую ССР, – в серьезные научные центры. Казалось бы, сегодня Академия наук могла и должна была играть серьезную роль в осуществлении политики реформ, проводимых президентом и правительством республики. Однако на деле идет, по существу, игнорирование Академии наук, материально-финансовое ее удушение и растаскивание.

Вот некоторые факты. Указом президента от 9 февраля 1994 г. установлено, что Национальная академия наук является «высшим государственным научным учреждением, объединяющим ученых всех научных направлений». Однако в верхних эшелонах исполни-

тельной власти сегодня преобладает взгляд, по которому Академия наук считается чуть ли не «советским анахронизмом», т.е. устаревшей структурой. Отсюда и все беды, которые приходится испытывать науке вообще, и Национальной академии наук – в особенности. Не будем здесь говорить о низкой оплате труда научных работников и полном прекращении ассигнований на приобретение приборов и реактивов, о массовом уходе ученых, особенно молодых, на заработки.

Крупные научно-исследовательские институты, связанные с базовыми отраслями экономики и составившие основной научный потенциал академии, в последние годы выведены из ее состава и тем самым разрушены ее целостность и сложившаяся организационная структура (институтов металлургии и обогащения, горного дела, молекулярной биологии и биохимии, ядерной физики и др.). Национальные научные центры, в которых ведущую роль занимают переданные им академические институты и кадры, в соответствии с Указом президента от 21 января 1993 г. должны находиться в структуре Национальной академии наук и деятельность их должна координироваться ею. Это означало, если иметь в виду, что в науке не административное управление, а координация и научное руководство являются главными, то научная проблематика и финансирование национальных научных центров в основных показателях должны были определяться рекомендательными решениями Академии наук. На деле вышло все наоборот.

Сыграла свою роль тенденция оттирания Национальной академии наук от этой функции. Указанные вопросы оказались в монопольных руках администра-

тивного ведомства. В официальных органах имеет хождение тезис о том, что Академия наук – это общественное объединение, а, следовательно, согласно ст. 5 Конституции, не допускается ее прямое государственное финансирование. Это, разумеется, абсурд, но реальный, имеющий силу. В бюджете 1995 г. финансирование Национальной академии наук проходило отдельной строкой в рамках расходной сметы по науке. Теперь, согласно бюджету на 1996 год, этот порядок изменен. Финансирование всей науки, в том числе Национальной академии наук, передано исключительно на усмотрение Министерства науки и новых технологий.

Это мы уже проходили. Министерство науки и новых технологий, под видом отказа от финансирования научных организаций и перехода к финансированию научно-технических программ, уже имеет опыт подобной деятельности. Он сводится к преимущественному финансированию именно национальных научных центров и всей инфраструктуры, жилых и производственных объектов Курчатова, Приозерска и др. При этом Академия наук финансируется по остаточному принципу.

В основе негативного отношения к Национальной академии наук со стороны влиятельных должностных лиц лежит не столько некомпетентность, сколько их ориентация на завозную науку и на иностранные новые технологии. Но последствия такого одностороннего взгляда окажутся плачевными для судьбы республики.

На недавней встрече с представителями информационной службы (15 декабря) президент Назарбаев в

числе важнейших очередных задач говорил и о предстоящей реорганизации управления наукой, и о необходимости укрепления Национальной академии наук. Естественно, что мы поддерживаем такую политику: восстановление Национальной академии наук в прежней роли главного штаба и центра науки отвечает коренным интересам республики.

Весьма важной, но запущенной областью научно-технического перевооружения является проблема внедрения и использования новых технологий. При этом нельзя допускать стихийности в происходящем сейчас массовом завозе иностранных технологий. Эта проблема включает сугубо научные, экспертно-оценочные аспекты, связанные с определением и отбором наиболее передовых и приоритетных технологий, их разработкой силами местных ученых и научных учреждений. Наука Казахстана обладает серьезным потенциалом, сложившимся опытом и возможностями стать генератором реформ, направленных на создание цивилизованного общества с развитой экономикой на исконно казахстанской земле⁵.

Дословно приведенное обращение «семерки» как нельзя точно передает позицию академического сообщества. Но вряд сами академики рассчитывали на мгновенную реакцию власти и разрешение конфликта. Информационная кампания продолжается и в газете «Казахстанская правда» публикуется открытое письмо на имя Президента страны, подписанное уже 38

⁵Казахстанские академики пытаются привлечь внимание к проблемам отечественной науки // PANORAMA. 1995, 30 декабря. № 51 (167).

именитыми личностями науки и культуры республики (среди них 18 академиков, 14 народных писателей, народная артистка СССР и общественные деятели) с громким названием «Никто, кроме НАН, не сможет квалифицированно руководить академическими учреждениями»⁶. Среди подписантов вновь фамилии А. Кунаева, У. Султангазина и С. Зиманова. Текст документа лаконичен, новой аргументации нет, да и она не нужна вовсе: главное – показать единство позиции зиялы қауым, которая, по формулировке первого абзаца письма, обеспокоена «вынашиваемыми планами расформировать Национальную академию наук, превратить ее в клуб ученых, передать ее научные учреждения Миннауки и другим ведомствам. Если эти планы будут реализованы, то это станет настоящим бедствием для отечественной науки». Надо отметить, что местом выяснения отношений стали, в основном, русскоязычные издания⁷.

Буквально следом выходят несколько интервью в СМИ президента Академии наук К.А. Сагадиева⁸. Лейтмотив его интервью примерно тот же, но обратим внимание на два ключевых тезиса в беседе президента АН. На вопрос корреспондента о мотивах открытого письма «38» последовал такой ответ: «В письме выражается беспокойство по поводу одного из реально об-

⁶Казахстанская правда. 1996, 23 января.

⁷Из немногих публикаций на казахском языке см.: Шарманов Т. Тағы да ғылымдағы реформа туралы // Егемен Қазақстан. 1996, 25 қаңтар; Қозыбаев М. Ғылым тағдыры – ел тағдыры // Там же. 8 ақпан.

⁸Сагадиев К.А. Академия наук на перепутье //Казахстанская правда. 1996, 24 января; Экономика и жизнь. 1996. № 4. С. 21–23.

суждаемых вариантов реформирования науки в Казахстане. Такая идея известна давно, прозрачные намеки на нее нет-нет да появляются на страницах печати, и не только ее. Это, вероятно, вызвало беспокойство ученых и деятелей культуры и родило сие открытое письмо. Как желание довести до нашего главы государства своего или общественного мнения при решении этих, в общем-то, немаловажных вопросов. Коль вы задали мне сей вопрос, то отвечу: я, со своей стороны, считаю, что превращение академии в клуб ученых и передача ее учреждений в ведение Миннауки – это наихудший вариант реформ в науке. Оно не может не привести к развалу отечественную, прежде всего, фундаментальную науку». Другой пассаж интервью обострил взаимоотношения с органом управления наукой: «Что же касается организационных форм, то при возложении на нее этой ответственности академия готова реализовать государственную научно-техническую политику. И если, по указу Президента республики НАН, – это высшее государственное научное учреждение страны, так почему бы ей не нести эту ответственную ношу?... Если же сохранится Миннауки как орган государственного управления науки, то надо изъять из его ведения те научные организации, которыми оно непосредственно руководит и финансирует, чтобы сделать это ведомство абсолютно нейтральным ко всем научным структурам, будь это НАН, сельхозакадемия или вузы».

Свыше месяца длится информационное противостояние на страницах «Казправды». Так, бывший министр образования, ректор Восточно-Казахстанского государственного университета Е. Мамбетказиев высказывается за «бизнес-науку» с ориентиром на

производство. В этом же номере газеты публикуется обращение к главам государств, парламентам и правительствам СНГ за подписью президента Международной ассоциации академий наук Б. Патона, ратующее за поддержку фундаментальной науки⁹. Свое отношение к открытому письму высказывает космонавт Т. Аубакиров: «Точно так же мой полет и полет Т. Мусабаева потребовал концентрации усилий многих институтов Национальной академии наук Казахстана. И я не уверен, была бы успешной реализация этих программ, если бы руководство ими не возглавила НАН РК, поручив это известному ученому и организатору науки академику У. Султангазину... Для меня очевидна необходимость сохранения уникального комплексного содружества ученых разных специальностей в рамках активно работающей Национальной академии наук Республики Казахстан». По мнению директора НИИ урологии Б. Джарбусынова, «в пылу реформирования и перехода на рыночные отношения нельзя забывать прописные истины, исторический опыт и общие принципы целесообразности. Во все времена фундаментальная наука как мировая и общенациональная ценность бережно охранялась государством». Одновременно он высказался за сохранение общественных академий по отраслям знаний¹⁰.

И если позицию известного медика поддержали философы А. Нысанбаев и Р. Кадыржанов, то биофи-

⁹Мамбетказиев Е. Наука Казахстана: путь в никуда, или... // Казахстанская правда. 1996, 25 января.

¹⁰Аубакиров Т. О космосе тогда можно будет только мечтать // Там же. 6 февраля; Джарбусынов Б. Это будет началом конца науки // Там же.

зик В. Инюшин ратовал за слияние академических институтов с университетами, превратив их в кафедры и НИИ при факультетах¹¹.

В целом посыл открытого письма поддержал академик, председатель Комитета по социально-культурному развитию Мажилиса Парламента Республики Казахстан Умирбек Арисланович Джолдасбеков. В своих ответах на вопросы корреспондента газеты он отметил, что «мне стало известно «нечто», а именно, что вынашивается абсурдная идея объединения НАН и Академии сельскохозяйственных наук с Министерством науки и новых технологий во главе с президентом – министром науки и новых технологий. Это приведет к созданию непонятного и неуправляемого монстра, а монополизм и единоначалие в науке вообще недопустимы. Такое объединение, если сказать образно, будет изначально построено по принципу шеи (позволю себе такую метафору), когда соединяют жирафа и страуса. Так что нельзя общественное объединение и государственную структуру заставить вести общее хозяйство. Тогда необходимо поменять статус министерства, превратив его в общественное учреждение. Это означало бы кардинально сломать то, что строили много лет. А стоит ли делать подобное?»¹².

Ответным шагом власти стала встреча руководителя Администрации Президента РК С. Турсунова с группой видных ученых Академии 15 февраля. Как отме-

¹¹Нысанбаев А., Кадыржанов Р. Клуб ученых учит науку выживать // Там же. 13 февраля; Инюшин В. Университет плюс потенциал академической науки – выход из кризиса // Там же.

¹²Рудас В. На прочном фундаменте старого можно строить новое // Там же.

чалось в официальном сообщении КазТАГ, «президент Национальной академии наук К. Сагадиев и другие участники встречи в своих выступлениях подробно проанализировали состояние деятельности академии, поделились соображениями и тревогами за судьбы научного потенциала Казахстана. В заключении С. Турсунов отметил, что все поднятые вопросы будут внимательно рассмотрены Администрацией Президента совместно с правительством страны для принятия соответствующих решений. Во встрече принял участие министр науки и новых технологий В. Школьник»¹³.

С этого времени инициатива переходит к оппонентам НАН. Так, редакция «Казправды» воздерживается от публикации обращений национальных культурных центров, партий и движений в поддержку Академии и предоставляет трибуну сторонникам Миннауки¹⁴. Более того, министр науки и новых технологий Школьник такими словами публично выражает однозначное мнение правительства: «Это же нонсенс, когда научную организацию пытаются сделать органом государственного управления. Тогда нужно выбирать между чиновником и ученым, как говорится, третьего не дано»¹⁵.

Развязка наступает 11 марта: согласно Указу Президента РК № 2895 «О мерах по совершенствованию системы государственного управления наукой в Республике Казахстан», на базе Миннауки, НАН и Казахской академии сельскохозяйственных наук создается

¹³Обсуждены проблемы академической науки // Там же. 16 февраля.

¹⁴Там же. 17 и 24 февраля.

¹⁵Пашина Э. «Моя слабость – сладости и атомная энергетика»: Интервью с В. Школьников // Там же. 24 февраля.

единый орган государственного управления – Министерство науки – Академия наук. При этом подчеркивается, что предложение об объединении исходило от руководства НАН, а в качестве «утешительного приза» действующим академикам устанавливаются пожизненные стипендии Президента Республики Казахстан (в ценах 1996 года в размере 6 тысяч тенге), принимается решение о праздновании полувекового юбилея Академии.

Бюрократия во главе с «международным брокером» А. Кажегельдиным празднует викторию. Еще бы: краеугольным камнем государственной научно-технологической политики становится принцип избирательности в поддержке исследований и научных организаций, а широкомасштабная приватизация, по их мнению, приведет к ускорению инновационных научно-технических процессов и станет системообразующим фактором реорганизации науки и производства. Объявляется порочной практика сосредоточения в рамках одних и тех же организаций прав и возможностей принятия решения по разработке, экспертизе, реализации и приемке завершенных научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ. Эти и иные «перлы» звучали из уст куратора научно-технической политики Администрации Президента А. Серикбаева¹⁶. Он же ретранслирует многочисленные претензии власти к руководству НАН и заключает: «Опыт НАН и в советское, и особенно в нынешнее время глубоких социально-экономических преобразований показал,

¹⁶Серикбаев А. О мерах по реформированию научно-технической сферы Казахстана // Там же. 12 марта.

что эта форма организации науки отжила и не способствует ни сохранению, ни развитию научного потенциала молодого суверенного Казахстана. Академический монополизм и претензии на «истину в последней инстанции» доказали свою недееспособность и некомпетентность в проводимых реформах экономики, технического переоснащения производства, правовой системы и других сфер науки, культуры и производства. Настало время использовать новые подходы и именно в интересах сохранения, развития и необходимой переориентации накопленного кадрового потенциала науки. Далее уже невозможно и противостоит естественному сохранять положение, когда Национальная академия наук страны, являясь высшим государственным научным учреждением, закрепляет за собой право быть отдаленным от него, стремится стать «государством в государстве», в ущерб интересам республики использует широко трактуемые «принципы самоуправления», права «самостоятельно определять направления, приоритеты и программы фундаментальных и крупных прикладных исследований», права бессрочного пользования основными и оборотными фондами, другого имущества, приобретенными за счет бюджета страны»¹⁷.

Как следует расценивать так называемую реформу НАН? Полагаем, что это звено в единой цепи политических решений, венчающих укрепление суперпрезидентской вертикали после роспуска двух созывов парламента, референдума 1995 года с принятием принципиально иной Конституции. Отныне о госу-

¹⁷Там же.

дарственная Академия наук встроена в конструкцию управляемой демократии, попала под неусыпный контроль администраторов от науки и, как казалось, в итоге увеличилась зависимость и управляемость академии.

Публичное унижение сатпаевской Академии наук не могло не вызвать протеста в научной среде. Представьте себе ученого, живущего одной наукой, у которого отнимают привычную среду обитания, демократические нормы управления наукой заменяются на администрирование далеких от науки чиновников, которые решают за профессионалов, чем они должны заниматься, по своему видению выстраивают приоритеты научных исследований и, соответственно, выделяют финансы. Несколько интеллектуалов-академиков готовят текст обращения к интеллигенции Казахстана «Не можем молчать!», обнародованный в конце марта в газете «Аргументы и факты – Казахстан»¹⁸.

С обращением солидаризовались виднейшие представители интеллигенции, его подписали 74 деятели науки, культуры и образования, представители семи национальностей. Достаточно сказать, что среди подписантов 19 академиков и семь членов-корреспондентов АН, шесть докторов и пять кандидатов наук, восемь народных артистов, девять писателей и поэтов. Содержание манифеста 74-х вызвало эффект разорвавшейся бомбы, поскольку, как подчеркивает С. Куттыкадам,

¹⁸Аргументы и факты – Казахстан. 1996. № 12. С. 5. Текст с примечаниями опубликован также: Куттыкадам С. Казахская драма на сцене и за кулисами. История современного Казахстана. Алматы, 2017. С. 162–168; Салык Зиманов. Материалы к биографии. Алматы, 2016. С. 199–204, 335–336.

«никогда в истории страны, ни до, ни после, не было такой концентрации лучших представителей интеллигенции, чьи подписи стояли под одним документом — это воистину соль казахстанской земли»¹⁹.

И вновь под которым уже обращением, требующим четкой гражданской позиции, мы видим фамилию Султангазина. Не затрудняя читателя поиском источника, приводим искомый текст.

«В развитии Казахстана настал такой момент, когда интеллигенция должна вспомнить о своем высоком предназначении — быть совестью нации.

Вопреки правительственным декларациям о стабилизации и выходе республики из кризиса продолжают и грозят стать необратимыми процессы разрушения экономики, социальной сферы, культуры и духовного наследия многих поколений нашего многонационального народа.

Сложившаяся ситуация оказалась возможной не в последнюю очередь и потому, что интеллигенция Казахстана не смогла вовремя консолидироваться. В благородном стремлении содействовать Президенту Назарбаеву Н.А. в реализации выдвинутого им лозунга на демократические реформы интеллигенция ослабила исполнение органически присущей ей позитивно-критической функции по отношению к власти. Деятели науки и культуры с редкой терпимостью отнеслись к беспрецедентному снижению уровня жизни народа, своего собственного материального и социаль-

¹⁹Куттыкадам С. Казахская драма на сцене и за кулисами. История современного Казахстана. С. 168. Следует отметить, что впоследствии отозвали свои подписи под обращением восемь человек.

ного статуса как к издержкам реформ и переходного периода. Однако сегодня стало ясно, что проводимая в жизнь модель экономических и политических реформ расходится с кровными интересами все более широких слоев казахстанского народа.

Казахстан завяз в клубке непоследовательных, противоречивых и неумелых решений в экономике, тактических хитросплетений и номенклатурных игр в политике. Экономические реформы, где нет четко продуманных стратегических целей и механизмов их реализации, неоправданно затянулись, измотали население, привели к ностальгии по коммунистическому прошлому.

Неоднократно афишируемые властями в последнее время более чем скромные успехи в финансовой сфере носят относительный характер, ибо они сопровождались массовой и длительной задержкой заработной платы, резким сужением социальной сферы и социальных расходов государства.

Сотни предприятий стоят, не работают. Приходят в упадок традиционно развитые в республике отрасли промышленности, деградирует инженерно-технический персонал, многие квалифицированные специалисты уезжают из республики.

Казахстан, исторически являющийся аграрной страной, стоит накануне развала сельского хозяйства, всей его инфраструктуры, деградации сельского населения, вызванными, в основном, непродуманной политикой государственной власти и произволом местных бюрократов.

Широко разрекламированная приватизация вместо создания среднего класса сделала небольшую

кучку богатых еще богаче, а огромную массу бедных еще беднее. Безработица, явная и скрытая, приобрела угрожающие для сохранения социального мира размеры. Не у дел оказываются даже квалифицированные рабочие и специалисты.

Практически невозможным оказались и частное предпринимательство, и бизнес. Страну захватили коррупция и мздоимство. Собственность, накопленная многими поколениями казахстанцев, все более переходит в руки номенклатурной элиты, навязывающей республике, по существу, неокOLONиальную модель развития.

В свое время Президент Н.А. Назарбаев говорил, что у Казахстана есть все для независимого развития, и главное — его интеллектуальный и духовный потенциал. Однако сегодня именно духовный потенциал страны подвергся наибольшему разрушению: От него избавляются, так как он мешает влиятельным в республике силам двигаться в направлении окончательного превращения Казахстана в слаборазвитую, полукOLONиальную страну.

Закрываются дошкольные учреждения, разлагается массовая школа, сокращается прием в вузы. Хорошее образование становится доступно все более ограниченному кругу людей. Уже в недалеком будущем мы столкнемся с проблемами дефицита образованности и даже фактической неграмотности значительной части населения.

Театры, кинотеатры, музеи, филармонии, галереи, выставочные залы, библиотеки, окруженные в цивилизованных странах заботой государства, как важнейшее национальное достояние, у нас закрываются

или переведены на нищенский паек. На грани распада творческие союзы. Художественное творчество толкают к превращению в примитивное ремесленничество, соответствующее вульгарным вкусам «новых хозяев» жизни.

Проводятся и замысливаются не совсем продуманные реформы в здравоохранении. Год за годом сворачивается сеть лечебных и профилактических учреждений, в особенности, в отдаленных уголках страны. В крайне бедственном положении врачи, весь медицинский персонал, многие больницы, поликлиники, оздоровительные учреждения.

Недальновидная политика власти разваливает научно-технический потенциал страны. Он не только не используется, но все более отбрасывается на второстепенные позиции. Пренебрегая разработками собственных ученых и специалистов, в страну завозится технология сомнительной эффективности. Правительство держит в строжайшем секрете условия продажи и передачи в управление большого количества отечественных предприятий иностранным владельцам, оставляя в стороне собственные высокопрофессиональные кадры. Однако сейчас становится очевидным, что в большинстве случаев эти контракты невыгодны казахстанскому народу. В этих условиях научно-техническая интеллигенция лишена возможности сколь-нибудь влиять на существующее положение дел в стране. Очевидны попытки развалить научный потенциал, отдать его в руки ведомственно-бюрократических структур, возродить из номенклатурного прошлого худшие тенденции номенклатурного командования интеллигенцией.

Существующие сегодня политические партии не способны защитить интеллигенцию и выразить ее социальные и профессиональные интересы. Некоторые созданы номенклатурой и играют роль «демократического фасада» бюрократического правления. За редким исключением, они балансируют на гребне политической конъюнктуры, порвав с лучшим, что было в прошлом, и не задумываясь глубоко над будущим.

Надо со всей серьезностью подчеркнуть, что осуждение практики тоталитарного социализма отнюдь не означает, что народ Казахстана навсегда распрощался с такими ценностями, как социальная защита, доступность образования и медицинского обслуживания для широких слоев.

Наши дети и внуки не простят того, чтобы под лозунгами реформ разрушались благосостояние и здоровье народа, его культура, его духовные и нравственные корни. Чтобы не допустить всего этого, мы призываем тех, кому дороги интересы защиты и развития духовного начала, интеллектуального богатства страны, кому не безразлично ни наше сегодняшнее безрадостное положение, ни будущее наших потомков, объединиться в массовое движение под названием «Азамат» («Гражданин»).

Его целями будут:

- выработка альтернативных, отражающих подлинные интересы народа моделей и долгосрочных программ социально-экономического, политического и культурного развития республики;

- разработка и борьба за осуществление первоочередных мер по спасению духовного потенциала, науки, образования, здравоохранения и культуры;

- борьба с антинародными тенденциями в политике правящих кругов, с коррумпированностью властных структур;

- защита специфических экономических, социальных и профессиональных интересов интеллигенции.

Наше движение будет действовать в рамках Конституции Казахстана. Мы приверженцы гражданского мира, межнационального согласия и стабильности в обществе. Мы будем сотрудничать с Президентом Казахстана, ведя с ним конструктивный диалог по всем принципиальным вопросам строительства демократического, цивилизованного общества.

Мы будем сотрудничать с парламентом, рекомендуя принять нужные людям и обществу законы, предлагая альтернативные варианты.

Мы будем сотрудничать с правительством, но решительно отвергаем методы и действия, приведшие к очень серьезным утратам во всех слоях и сферах нашего общества.

Мы будем сотрудничать со всеми политическими партиями и общественными движениями, предлагающими реальные, собственные, проникнутые заботой о народе Казахстана пути выхода из нынешнего кризиса и движения в будущее.

Мы будем поддерживать честное и цивилизованное предпринимательство и бизнес.

Мы открыты всем, так же, как мы намерены открыто говорить народу о положении дел в стране. Пусть страна знает о нуждах и чаяниях, о гражданской позиции тех, кто творит духовные и научные ценности, учит и воспитывает подрастающее поколение, обогащает культуру, стоит на страже здоровья и семейного благополучия людей.

«Не могу молчать!» — эти слова, произносившиеся в ответственные исторические моменты выдающимися деятелями культуры разных стран, сегодня, как никогда, актуальны для каждого, кто относит себя к интеллигенции Казахстана».

Приведенный манифест — образец политически выверенного, содержательно емкого и доступного по изложению документа общедемократической направленности, бьющего точно в цель. Это объясняет возникший во властных коридорах переполох, тем более, прессинг на подписантов не дал нужных результатов.

Первоначально сопредседателем движения от ученых выдвинули Умирзака Махмутовича, но вскоре начались проблемы с силовыми органами у его сына, занимавшегося бизнесом. Стало ясно, «откуда дует ветер», и после консультаций с коллегами на позицию сопредседателя Гражданского движения «Азамат» рекомендовали академика Т. Шарманова. В последние дни апреля 1996 года Султангазину поступило предложение занять место первого заместителя министра — президента Академии. После блиц-обсуждения с академической элитой он дает согласие и ровно на два года становится государственным служащим. В чем мотивация данного решения? Разумеется, его не влекли карьерные перспективы и номенклатурные привилегии в ведомстве, которое он открыто называл страным симбиозом. Нам кажется, здесь вполне уместен отрывок из интервью 2004 года, когда на вопрос: «В чем Вы видите основу собственной приверженности науке и масштабным общенациональным задачам?», был дан следующий ответ: «Я воспитан в том духе, что именно я несу ответственность перед наукой, пе-

ред страной. Это и ответственность перед детьми, перед внуками»²⁰.

С другой стороны, как метко подметил классик казахской литературы Габит Мусрепов по подобному случаю: ««Все здравомыслящие люди понимают: чем больше будет таких деятелей (имеются в виду порядочные люди и творческие личности, как Ильяс Омаров — И.К.) в номенклатурных кабинетах, тем легче и плодотворнее станет наша жизнь и работа»²¹. Безусловно, этими же мотивами можно объяснить последующее членство Султангазина в партии «Асар», о чем дословно он сказал в одном интервью так: «Государство должно заботиться о своем научном потенциале. Не растерять бы то, что имеем. Развитие науки находится в критической точке, если дальше не будут приняты меры, то через некоторое время мы почувствуем упадок. Некоторые выступают, говоря о необходимости создать такие условия, чтобы появились ученые, которые будут открывать новые закономерности. Но ведь на пустом месте это невозможно, надо готовить этих людей. Чтобы один человек сформировался как ученый, ему нужно 10–20 лет. Он должен получить первоначальное образование. Если у нас все разгромлено, нет научной базы, нет корневой системы, то где у нас можно получить образование... Преемственности поколений нет. Должно быть соответствующее отношение, и, чтобы довести этот крик души и горькую правду о состоянии науки сегодня, я оказался в «Аса-

²⁰Султангазин Умирзак Махмутович «...Я всегда шел за жизнью...». С. 133.

²¹Ильяс Омаров. Толгамдар. Раздумья: Дневники, статьи, воспоминания. Алма-Ата, 1992. С. 97.

ре», чтобы через эту партию довести до руководства страны, до общественности все это»²².

Надо сказать, что до последних дней земного существования Умирзак Махматович продолжал сражаться за академическую науку, хотя прекрасно осознавал, что нет возврата к прежней Академии. Однако он понимал лучше и видел дальше других, что необходимо сохранить институты в одном месте, создать центр фундаментальных исследований, вернуть демократические принципы управления вкупе с финансированием, то есть создать условия для плодотворной научной работы. Обладая безупречной научной репутацией и высоким моральным авторитетом, он не боялся озвучивать свое мнение о пагубности бюрократизации в управлении наукой, так и непродуманности предлагаемых решений в области образования. В частности, он говорил: «Сегодня подписан договор об интеграции в мировое образовательное пространство. На мой взгляд, осуществлять эти нововведения надо только постепенно. Любая реформа должна проходить с учетом отечественной основы – невозможно что-то чуждое насадить искусственно – оно не приживется. А отечественная основа – это наш менталитет, в первую очередь... Нашу систему нельзя рубить под корень – поднять образование на должный уровень после этого будет тяжело»²³. Образно выражаясь, в нелегкие годы становления но-

²² Решает ли наука свою судьбу?: Интервью с У.М. Султангазиным // Султангазин Умирзак Махматович «...Я всегда шел за жизнью...». С.116–117.

²³ Султангазин У. Наше государство должно больше доверять своим ученым // Бюллетень Международного института современной политики. 2005. № 1(1). С. 11.

вого мира Султангазин и подобные ему патриоты руководствовались мотивами спасения научного достояния республики, качества человеческого капитала и посему выступили медиаторами во взаимоотношениях ученых с государственной машиной. «Лишь бы это шло на пользу Отчизне, на пользу науке», – думали они.

У него была удивительная способность доступно объяснять сложные вещи. К примеру, любое общество состоит из двух частей – материального и духовного, и эти два богатства должны находиться во взаимосвязи и гармонии. Аналогично у животных есть голова и туловище. Как соблюсти пропорцию здесь? В древности существовали динозавры с маленькой головой и непропорционально большим туловищем. Как известно, они оказались нежизнеспособными, ибо духовно-умственная часть была невероятно малой. Так и общество: если оно будет думать, в основном, о материальном и не заботиться о духовной сфере, то также долго не просуществует.

Вот и Султангазин без устали объясняет и доказывает забронзовевшим чиновникам необходимость соответствующего финансирования Института космических исследований, отчисляя хотя бы часть средств, поступающих от аренды Байконура, призывает не командовать учеными, а помогать им. После аудиенции у президента страны добивается принятия государственной программы «Развитие космической деятельности в РК на 2005–2007 годы». Под его непосредственным руководством в 2003 году на базе ЕНУ имени Л. Гумилева создается филиал института в виде Центра космического мониторинга. Логическим станет последующее объединение многолетних

наработок в национальную систему космического мониторинга, применяемую в сельском хозяйстве, при чрезвычайных ситуациях, поисках полезных ископаемых, доказавших эффективность в регионах. За полтора десятилетия институт стараниями бессменного директора превратился в крупный научный центр с солидной материально-технической базой, высококвалифицированными кадрами и обширными международными связями. Умирзак Махматович верил, что в скором будущем Казахстан войдет в число ведущих космических держав. Одновременно он не упускал из виду развитие казахстанской математики, всячески поддерживал перспективные научные направления и одаренных коллег. Предметом особой заботы оставалось кураторство над собственной школой по изучению математической теории кинетических уравнений, где за последние 40 лет удалось добиться существенных результатов, признанных научным сообществом, подготовить три десятка докторов и кандидатов наук²⁴.

В круговерти дел он не забывает поддерживать контакты с большой армией друзей и коллег. Что-что, а круг человеческого общения академика расширялся год от года, за полвека было много запоминающихся встреч. В фотографической памяти Султангазина сохранились мельчайшие подробности детства и юно-

²⁴О вкладе Султангазина и его научной школы по данному научному направлению см.: *Акыл А.Ш.* Математические вопросы теории переноса излучения и кинетической теории газов // Вестник Национальной академии наук РК. 2006. № 2. С. 3–15. О роли Султангазина в развитии информатики и вычислительной техники подробно написал его коллега И.Т. Пак в книге «Из истории развития информатики в Казахстане» (Алматы, 2012).

сти, особенно богатыми на события и встречи стали последние 40 лет. Это и дружба, тесное общение с величайшими математиками и физиками современности, элитой казахстанской науки и культуры, советскими (российскими) космонавтами и астронавтами других зарубежных стран, разработчиками атомного оружия и космической техники, политиками и государственными деятелями. В дружеском кругу он любил рассказывать о встречах с незаурядными людьми и простыми соотечественниками, поразившими его своими деяниями, талантом и харизмой. Так, на серьезные размышления подтолкнула академика встреча с Папой Римским Иоанном Павлом II. Вот как записала этот рассказ корреспондент «Казахстанской правды»: «Было это в 92-м году на Сицилии, недалеко от Палермо, куда меня пригласили на международную конференцию в один из крупнейших центров физики высоких энергий. Разговор шел о планетарных проблемах в XXI веке. Внимание почитаемый католик привлек, прежде всего, тем, что свою речь начал со схождения науки и религии, мол, та и другая пользуются одними и теми же методами. Интересно, думаю, какой же аргумент приведет? И он высказал простую, ясную и глубокую мысль: вы, ученые, свои теории строите на аксиомах. Мы тоже имеем аксиому – существования Бога, на которой строим религию. Аксиома – это то, что нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить. И если на ней строится жизнь огромной части человечества, значит, воспринимать ее подобает как данность и с большой долей уважения»²⁵.

²⁵Казахстанская правда. 1998, 14 августа.

2004 год не сулил особых изменений в рабочем графике академика; по обыкновению, он был плотным и донельзя напряженным. Вот как вспоминал о нескольких днях, проведенных с Султангазиным летом предыдущего года, профессор Сергей Кабанихин. В 35-градусную жару Умирзак Махмутович приехал в Новосибирск и «безо всякого отдыха сразу после поезда направился в Институт математики и выступил на семинаре. Затем была встреча с молодыми сотрудниками, встреча с директором института академиком Ю.Л. Ершовым. Я предложил коллеге отдохнуть, но Умирзак Махмутович предпочел побеседовать с моими казахстанскими аспирантами, а затем отправился на встречу в Институт математической геофизики и вычислительной математики. Затем он поехал в Президиум Сибирского отделения Российской академии наук. К вечеру в его номере я подумал, что уж теперь-то неутомимый Султангазин, наконец, захочет отдохнуть, но он все сидел за чаем и обсуждал с нами проблемы и перспективы науки. Мы уже собрались уходить, а он вдруг попросил меня проводить его до дома, в котором живет академик Сергей Константинович Годунов». А поутру они полетели на маленьком АН-24 за тысячу километров в Ханты-Мансийск в Югорский институт информационных технологий, куда гость привез большую программу сотрудничества – проект «Иртыш». Затем этим же путем 66-летний ученый возвратился домой²⁶.

²⁶Кабанихин С.И. Звездный свет его мыслей в космосе науки // Наука и высшая школа Казахстана. 2006, 1 июня.

Но пока ничто не предвещало беды. В начале весны, как обычно, состоялся плановый профилактический осмотр в поликлинике, где, пользуясь случаем, он пожаловался на изжогу. При осмотре на японской аппаратуре врачи обнаружили черную точку на головке поджелудочной железы. 12 апреля взяли биопсию, чего, как потом выяснится, категорически не следовало делать при таком диагнозе. 28 апреля Султангазина выписывают из больницы, через некоторое время начинается кровотечение.

По настоянию семьи, он едет на обследование и лечение в Германию, в знаменитую университетскую клинику города Фрайбург – лечебное заведение мирового класса, где представлены все направления современной медицины. Его непосредственным лечащим врачом стал заведующий отделением гастроэнтерологии, гепатологии и эндокринологии профессор Хуберт Блюм, обладатель престижной премии имени Макса Планка по междисциплинарным областям знания за 1994 год. Проведенные анализы не дали утешительного результата, началась упорная борьба за жизнь пациента, в которую включились члены семьи, близкие и друзья. Не пал духом и сам Умирзак Махмутович. К коварной болезни он подошел как ученый-естествоиспытатель, которому не надо объяснять нюансы заболевания – он сам мог рассказать о симптоматике и последствиях ионизирующего излучения. К тому же он долгие годы занимался проблематикой Семипалатинского полигона и других экологически неблагополучных регионов. Видимо, сказались лишения военных лет и трудности студенческой жизни, многолетние перегрузки, эмоции, связанные с судьбой Академии

наук, со смертью близких и друзей. По словам врача, «несмотря на ухудшение физического состояния, он был образцом самодисциплины и энергии», а во «время долгих вечерних бесед я был тронут его искренними человеческими качествами, его скромностью»²⁷.

Вскоре прошла операция, отсрочившая на время фатальный исход. Возможно, кто-либо другой погрузился бы в печаль и уныние, отошел от активных дел. Но наш герой был другого, бойцовского склада. После некоторой реабилитации он возвращается домой, и сеансы химиотерапии проходят в Алматы. Превозмогая сопутствующие неудобства и боль, он погружается в работу, детально вникает в ключевые вопросы разрабатываемой государственной программы космических исследований, стремится успеть как можно больше. В частности, в болезненном состоянии совершает неблизкие поездки в Брюссель и Токио, обсуждает грядущие планы и проекты института на заседаниях научного совета коллектива. Так, к примеру, командировка в Токийский агротехнологический университет состоялась за три месяца до кончины, а речь шла о совместном проекте по использованию космического мониторинга для решения аграрных и экологических проблем Казахстана. Другим сверхплановым объектом стала подготовка к печати сборника его публицистических статей за 1996–2005 годы, который увидел свет в траурном обрамлении. Всегда тактичный Султангазин стремится облегчить участь родных и стойчески демонстрирует силу духа и характера.

²⁷Султангазин Умирзак Махматович «...Я всегда шел за жизнью...». С. 238–239.

Так, в промежуточном состоянии между жизнью и смертью, прошел год. 22 мая 2005 года, в 22.45 по времени ФРГ (в Казахстане уже наступило 23 мая) перестало биться его натруженное сердце.

27 мая республиканские газеты опубликовали официальный некролог, слова прощания коллег-ученых, знаковых личностей страны. Патриарх Академии наук Салык Зиманов писал: «Для него мал титул крупного ученого, хотя это само по себе звучит крупно. Он тонкий аналитик, обладал человеческим деятельным мышлением, уходящим в реальное будущее национально-го бытия и его облагораживающим. И дело не в том, что долгие годы он находился во главе Национальной академии наук, был ее вице-президентом и Президентом. Это, разумеется, немаловажно. Важнее то, что он, вместе с тем, был и оставался вдумчивой личностью национального масштаба... Республика и мы потеряли в его лице нечто большее, чем горе, сострадание родных, прискорбное чувство друзей и коллег, именно нечто большее, имя которому – ученый ум, преданный отечеству, и личность с человеческим лицом». Всех глубоко тронули строки прощального эссе классика казахской литературы Абдижамиля Нурпеисова, воздавшего должное Ученому и Человеку: «Верю... Верю, друзья, не оскудеет земля казахов на блестящие таланты в отечественной науке. Будут и после академика Султангазина выдающиеся ученые. Будут и прославленные академики. Будет и дальше развиваться фундаментальная математика. Все это будет. Но не будет больше с нами Умирзака Султангазина. Никому не дано восполнить потерю этого истинного рыцаря отечественной науки, в котором как-то необыкновен-

но сочетались тонкий, живой ум, чуткое отзывчивое сердце, покоряющее человеческое обаяние, и благороднейшее, все более редко встречающееся умение сочувствовать, сострадать всем, с кем только сводила судьба. Прощай, друг!».

Правительственная комиссия оперативно решила вопросы с похоронами. Прощание организовали в центральном здании родной Академии наук, где не иссякал людской поток желающих отдать дань уважения великому гражданину. Как знак высочайших почестей, гроб с телом покойного установили на артиллерийском лафете, и траурная процессия медленно проследовала вдоль комплекса академических зданий. Местом последнего пристанища Умирзака Махмутовича стало кладбище Кенсай, рядом с могилой дочери Салтанат. Сотни телеграмм со словами почитания и сопереживания пришли из 20 иностранных государств, горе семьи разделили президент и премьер-министр, главы палат Парламента, члены правительства Казахстана, выдающиеся ученые, друзья и коллеги.

Так закончилась мирская жизнь Умирзака Махмутовича Султангазина.

Послесловие

Вот и прочитана книга, в которой, надеюсь, удалось показать основные перипетии жизненного пути выдающегося ученого, способного организатора науки, интеллектуала с многогранными дарованиями Умирзака Махмутовича Султангазина.

Несложные подсчеты вывели цифру в 25 069 дней, которые прожил на белом свете знаменитый академик. Да, бременная жизнь не такая уж длинная, как хотелось бы. Однако наряду со смертной жизнью человеческого индивида существует бессмертие мысли и свершений, воплощенных в книгах, открытиях и технологиях, учениках. Далеко не случайно наши предки по-философски обобщили жизненный опыт в поучительной пословице:

Жаксының аты өлмейді,
Ғалымның хаты өлмейді,
Ұстаның таты өлмейді.

С этой точки зрения, Султангазин успел свершить многое. Он состоялся как великий ученый с высоким индексом цитирования и непререкаемым авторитетом в научном сообществе. Его идеи, умения, воля и талант оказались востребованы временем и обществом в разных ипостасях: ученого, педагога, организатора

и популяризатора науки, общественного деятеля. Им создана и выпестована своя научная школа. Отметим широкую аудиторию и круг его профессиональных контактов, где присутствуют ярчайшие представители разных народов и стран – политики и государственные деятели, ученые, космонавты, инженеры и практики народного хозяйства, представители творческой интеллигенции. При этом он поддерживал разговор на равных с главами государств и небожителями науки, был доброжелателен, демократичен и прост в общении с обычными людьми. Умирзак Махматович изрядно поколесил по свету, дружил со многими великими людьми, оставил научное наследие, оперившихся детей и успешных учеников, увидел внуков, построил дом – семейное гнездо, во дворе которого поднялись деревца, заботливо высаженные им. По большому счету, его деятельность была нацелена на приобщение Казахстана и соотечественников к самым значимым достижениям современной цивилизации, в том числе к неограниченным возможностям использования ядерной энергии и новейших технологий, благ от освоения космического пространства.

Сегодня трудно представить светлое будущее Казахстана без научно-технического прогресса, образованного поколения и отрадно, что среди молодой смены есть многообещающие ученые по самым разным направлениям современной науки. Вместе с тем остается актуальным пожелание-призыв Умирзака Махматовича к разуму власть имущих: «Помогите укрепить отечественную науку, выжить ей в трудное время для того, чтобы наука потом помогла государству выйти из кризиса».

В заключении выражаем надежду, что настоящее жизнеописание получит свое продолжение в работах других авторов, исследующих феномен личности Султангазина – достойного примера для подражания более детально и обстоятельно, как того требуют каноны биографического жанра.

Биографический комментарий*

Абдильдин Жабайхан Мубаракович (р. 1933) – философ, академик АН КазССР (1983). В 1984–1986 гг. – академик-секретарь Отделения общественных наук, в 1986–1995 гг. – вице-президент Академии наук республики. Лауреат Государственной премии КазССР, президентской премии мира и духовного согласия.

Абдулин Айтмухамед Абдуллаевич (1924–2010) – геолог, академик АН КазССР (1979). В 1988–1994 гг. – вице-президент АН республики. Лауреат Государственной премии СССР, Государственной премии КазССР.

*В данном приложении под понятием «Государственная премия СССР» имеются в виду Сталинская премия, присуждаемая в 1941–1952 гг., и ее преемник – Государственная премия СССР (1967–1991).

Следует учитывать следующие изменения в наименованиях АН: с 25 июля 1925 до 21 ноября 1991 г. – АН СССР, позднее – РАН; с июня 1946 по ноябрь 1991 г. – АН КазССР, с декабря 1991 г. – АН РК, с 21 января 1993 г. – НАН РК. Изменения коснулись и статуса членов Академии наук: 22 октября 2003 г. ликвидировано республиканское государственное учреждение «Национальная академия наук Республики Казахстан», и оно получило статус общественного объединения. Тогда же все члены-корреспонденты НАН РК одновременно переведены в разряд академиков республиканского общественного объединения НАН РК.

Абильсинтов Галым Абильсинтович (р. 1940) – физик, доктор технических наук. В 1992–1994 гг. – министр науки и новых технологий РК, вице-премьер правительства. В 1997–2003 гг. – в руководстве общественного движения «Азамат» и демократической партии «Азамат». Лауреат Государственной премии СССР.

Айтхожин Мурат Абенович (1939–1987) – специалист в области молекулярной биологии и биохимии, академик АН КазССР (1983). В 1986–1987 гг. – президент АН КазССР. Лауреат Ленинской премии.

В 1988–1990 гг., по предложению Президиума АН, имя ученого присвоено созданному им Институту молекулярной биологии и биохимии, учреждены стипендии имени М.А. Айтхожина для аспирантов и молодых ученых Академии наук Казахской ССР.

Акаев Аскар Акаевич (р. 1944) – инженер-математик, советский и киргизский государственный деятель. В 1989–1990 гг. – президент АН Киргизской ССР. В 1990–2005 гг. – первый президент Кыргызской Республики. Иностранный член Российской академии наук.

Александров Александр Данилович (1912–1999) – математик, академик АН СССР (1964). Ученик Б.Н. Делоне и В.А. Фока. В 1952–1964 гг. – ректор Ленинградского государственного университета, в 1964–1986 гг. работал в Сибирском отделении АН СССР. Лауреат Государственной премии СССР.

В 1939 и 1949–1951 гг. преподавал в КазГУ, в 1949 г. работал в Секторе математики и механики АН КазССР. Среди его аспирантов-казахстанцев – М.Е. Квачко, Е.А. Овчинникова, Е.П. Сенькин, А.А. Зильберберг, В.В. Стрельцов, Д.Ш. Юсупов.

Алексеев Сергей Сергеевич (1924–2013) – юрист, член-корреспондент АН СССР (1987). В 1989–1991 гг. – председатель Комитета конституционного надзора СССР. Лауреат Государственной премии СССР. Один из авторов текста действующей Конституции РФ.

Аманов Тулеубай Идрисович (1923–1978) – математик, член-корреспондент АН КазССР (1972). Участник Второй мировой войны. Выпускник Семипалатинского педагогического института. Окончил очную аспирантуру Математического института им. В.А. Стеклова, ученик трижды лауреата Государственной премии СССР академика С.М. Никольского. В 1970–1978 гг. – директор Института математики и механики АН.

28–30 сентября 1993 г. в Институте теоретической и прикладной математики НАН РК прошла научная конференция «Применение методов теории функции и функционального анализа к задачам математической физики», приуроченная к 70-летию со дня рождения Т.И. Аманова. Конференцию вступительным словом открыл У.М. Султангазин.

Асанбаев Ерик Магзумович (1936–2004) – государственный деятель РК. В 1990–1991 гг. – председатель Верховного Совета КазССР и с октября 1991 по декабрь 1996 г. – вице-президент РК. Доктор экономических наук.

Аубакиров Тохтар Онгарбаевич (р. 1946) – летчик-испытатель, первый казахский космонавт, генерал-майор авиации. Участник полета на космическом корабле «Союз ТМ-13» в октябре 1991 г. Герой Советского Союза, Халық Қаһарманы. Доктор технических наук.

Ауэзов Мухтар Омарханович (1897–1961) – писатель, литературовед, академик АН КазССР (1946). Лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР.

В 1990 г., по предложению Президиума АН, были учреждены стипендии имени М.О. Ауэзова для молодых ученых Академии наук Казахской ССР.

Ахметов Заки Ахметович (1928–2002) – литературовед, академик АН КазССР (1983). В 1976–1986 гг. – директор Института литературы и искусства, академик-секретарь Отделения общественных наук и вице-президент АН. Лауреат Государственной премии РК.

Ашимов Абдыкаппар (р. 1937) – доктор технических наук, член-корреспондент АН КазССР (1989).

Баишев Сактаган Баишевич (1909–1982) – экономист, академик АН КазССР (1956). Участник Второй мировой войны. В 1956–1968 гг. – вице-президент АН.

Батырбеков Оразай Батырбекович (1927–2014) – кандидат экономических наук, доцент. Долгие годы находился на руководящей партийной работе. Зять К.И. Сатпаева: был женат на Сатпаевой Шамшиябану Канышевне (1930–2002) – литературоведе, члене-корреспонденте АН КазССР (1979).

Бекмаханов Ермухан Бекмаханович (1915–1966) – историк, член-корреспондент АН КазССР (1962).

Бельгер Герольд Карлович (1934–2015) – прозаик, литературовед, публицист, переводчик. Лауреат президентской премии мира и духовного согласия.

Бигалиев Айтхожа Бигалиевич (р. 1942) – доктор биологических наук, профессор. В 1989–1991 гг. – ректор Карагандинского государственного университета.

Бор Нильс Хенрик Давид (1885–1962) – датский физик-теоретик. Лауреат Нобелевской премии (1922). Член более чем 20 академий наук мира, в т.ч. почетный член АН СССР (1929).

Брежнев Леонид Ильич (1906–1982) – советский государственный и партийный деятель, с 1964 г. занимал высшие руководящие должности в Советском Союзе.

Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – советский государственный и партийный деятель. Академик АН СССР (1929).

Виноградов Иван Матвеевич (1891–1983) – математик, академик АН СССР (1929). Дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, двух Государственных премий СССР. Более 45 лет являлся директором Математического института им. В.А. Стеклова АН СССР.

Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) – государственный деятель, юрист и дипломат, академик АН СССР (1939). В 1925–1928 гг. – ректор МГУ, начиная с 1931 г. – на руководящих постах в Прокуратуре и МИД СССР. Лауреат Государственной премии СССР.

Годунов Сергей Константинович (р. 1929) – математик и механик, член-корреспондент АН СССР (1976), академик РАН (1994). Лауреат Ленинской премии, премий Академии наук им. А.Н. Крылова и М.А. Лаврентьева.

Голик Юрий Владимирович (р. 1952) – доктор юридических наук. Народный депутат СССР, с 1990 г. – председатель Комитета Верховного Совета

СССР по вопросам правопорядка и борьбы с преступностью, член Президиума Верховного Совета СССР.

Джангильдин Алиби Тогжанович (1884–1953) – участник революционного движения и Гражданской войны в Казахстане, советский государственный и партийный деятель.

Джарбусынов Бейнеш Уразович (1932–1996) – доктор медицинских наук, профессор.

Джолдасбеков Умирбек Арисланович (1931–1999) – ученый-механик, академик АН Казахской ССР (1979). В 1970–1986 гг. – ректор Казахского государственного университета им. С.М. Кирова. Основатель и первый президент Инженерной академии РК. Лауреат Государственной премии КазССР.

Джумалиев Кажигали (Хажим) Джумалиевич (1907–1968) – литературовед, академик АН КазССР (1967).

Дробжев Виктор Иванович (р. 1940–2018) – физик, член-корреспондент АН КазССР (1989). В 1996–1997 гг. – заместитель министра науки – президента Академии наук РК.

Ергожин Едил Ергожаевич (р. 1941) – химик, академик АН КазССР (1989). Работал ректором КазГУ (1986–1988), вице-президентом НАН РК (1994–1995), вице-министром науки и образования РК (1999–2002). Лауреат Государственной премии КазССР.

Ерофеев Иван Евгеньевич (1934–2003) – горный инженер, доктор технических наук. В 1983–1988 гг. работал проректором Казахского политехнического института, и.о. главного ученого секретаря Президиума АН КазССР.

Ершов Юрий Леонидович (р. 1940) – математик, академик АН СССР (1991). Ученик академика А.И. Мальцева. В 1985–1993 гг. – ректор Новосибирского университета. Лауреат Государственной премии РФ, премии А.И. Мальцева и Демидовской премии.

Есенов Шахмардан Есенович (1927–1994) – геолог, академик АН КазССР (1967). В 1967–1974 гг. – президент Академии наук республики. Лауреат Ленинской премии, Государственной премии КазССР.

Свое уважительное отношение к Шахмардану Есеновичу Султангазин выразил в статье «Ш.Е. Есенов – крупный ученый, организатор науки и геологического производства, общественный деятель», опубликованной в соавторстве с коллегами к 70-летию ученого.

Жаутыков Орымбек Ахметбекович (1911–1989) – математик, академик АН КазССР (1962). Ученик И.В. Натансона и К.П. Персидского. В 1972–1985 гг. – академик-секретарь Отделения физико-математических наук АН. Лауреат Государственной премии КазССР.

Под редакцией Умирзака Махмутовича издана библиография трудов Жаутыкова (1981 и 1991). 29 мая 1991 г. сессия Общего собрания Отделения физико-математических наук АН КазССР торжественно отметила его 80-летие. Сессию открыл президент Академии наук Султангазин.

Жубанов Ахмет Куанович (1906–1968) – композитор, музыковед, академик АН КазССР (1946).

Журинов Мурат Журинович (р. 1941) – химик, академик НАН РК (1994). Лауреат Государственной премии РК. С 2003 г. – президент республиканского общественного объединения НАН РК.

Закарин Аскар Закарьевич (1908–1990) – математик, советский государственный деятель. Участник Второй мировой войны. Его научный руководитель – академик К.П. Персидский. В 1950–1970 гг. работал ректором КазПИ и КазГУ, министром просвещения и иностранных дел, заместителем Председателя Совета Министров КазССР, председателем Верховного Совета республики.

Султангазин почитал его как одного из своих наставников, опубликовал о нем свои воспоминания.

Зельдович Яков Борисович (1914–1987) – физик и физико-химик, академик АН СССР (1958). Трижды Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии, четырех Государственных премий СССР.

Зиманов Салык Зиманович (1921–2011) – юрист, академик АН КазССР (1967). Участник Второй мировой войны. В 1976–1977 гг. главный ученый секретарь Президиума АН КазССР. Лауреат Государственной премии РК, президентской премии мира и духовного согласия.

Ибрагимов Шавкат Шигабутдинович (1923–1989) – физик, академик АН КазССР (1970). В 1974–1986 гг. – вице-президент АН КазССР. Лауреат Государственной премии КазССР.

Работая в закрытом физико-энергетическом институте (г. Обнинск), Ибрагимовы в 1956–1962 гг. были соседями с семейством Г.И. Марчука.

Ибрашев Хасан Ибрашевич (1916–1978) – кандидат физико-математических наук, профессор. Участник Второй мировой войны. Ученик академика АН КазССР К.П. Персидского. Автор вузовских учебни-

ков на казахском языке. Бессменный декан физико-математического (механико-математического) факультета КазГУ в 1957–1971 гг., наставник Султангазина.

Исмагулов Жумагали (1928–2011) – литературовед, доктор филологических наук. Лауреат Государственной премии РК.

Исмаилов Есмагамбет (1911–1966) – литературовед, член-корреспондент АН КазССР (1959).

Кабанихин Сергей Игоревич (р. 1952) – математик, член-корреспондент РАН (2011). Уроженец Якутской АССР, с детства жил в Алма-Ате. Окончил с золотой медалью столичную школу № 36 и стал победителем городской олимпиады по математике. Поступив в Новосибирский университет, связал свою дальнейшую жизнь с Академгородком. Ученик члена-корреспондента АН СССР, лауреата Государственной премии СССР В.Г. Романова. В разные годы работал приглашенным профессором в ЕНУ, КазНПУ, КазНУ, КазНТУ, Казахстанско-Британском техническом университете. Среди его остепененных учеников-казахстанцев – К.С. Абдиев, С.Ш. Бимуратов, Ж.А. Ахметов, Ж.С. Азаматов, К.Т. Искаков, А.Т. Аяпбергенова, М.А. Бектемесов, Д.Б. Нурсеитов, А.Т. Нурсеитова, Л.Е. Подгорная, Б.Б. Шолпанбаев.

В 2000 г. работал вместе с Султангазиным приглашенным профессором Киотского университета.

Кадыржанов Рустем Казахбаевич (р. 1950) – доктор философских наук, профессор.

Канторович Леонид Витальевич (1912–1986) – математик и экономист, академик АН СССР (1964). Ученик Г.М. Фихтенгольца и В.И. Смирнова. Лауре-

ат Нобелевской премии, Ленинской премии, Государственной премии СССР.

Султангазин неоднократно общался с Канторовичем, участвовал в работе его семинаров, выступал на них. Одним из последователей Канторовича и его друга К.А. Багриновского в Казахстане стал доктор физико-математических наук С.С. Оспанов.

Капица Петр Леонидович (1894–1984) – физик, академик АН СССР (1939). Лауреат Нобелевской премии, двух Государственных премий СССР. Дважды Герой Социалистического Труда.

Келдыш Мстислав Всеволодович (1911–1978) – ученый в области прикладной математики и механики, академик АН СССР (1946). Президент Академии наук СССР (1961–1975). Трижды Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии, двух Государственных премий СССР.

Келлер Борис Александрович (1874–1945) – советский биолог, геоботаник, почвовед. Академик АН СССР (1931). Проводил исследование территории Казахстана еще до революции.

Кельман Вениамин Моисеевич (1915–2008) – физик, академик АН КазССР (1962).

Кенесбаев Смет (1907–1995) – языковед, академик АН КазССР (1946). В 1985–1987 гг. – член Президиума АН КазССР, в 1988–1994 гг. – советник Президиума АН. Лауреат Государственной премии КазССР.

Керимов Джангир Аббасович (1923–2015) – юрист, член-корреспондент АН СССР (1966). Народный депутат СССР. Лауреат Государственной премии Азербайджанской ССР.

Кожяхметов Султанбек Мырзахметович (р.1935) – инженер-металлург, академик АН КазССР (1983). Работал вице-президентом (1982–1987) и академиком-секретарем Отделения наук о Земле Академии наук (1994–1999). Лауреат Государственной премии СССР.

Колбин Геннадий Васильевич (1927–1998) – советский политический деятель, в 1986–1989 гг. – первый секретарь ЦК компартии Казахстана.

Корсунский Моисей Израилевич (1903–1976) – физик, академик АН КазССР (1962).

Кржижановский Глеб Максимилианович (1872–1959) – советский государственный и партийный деятель, академик АН СССР (1929). Вице-президент АН СССР (1929–1939). Герой Социалистического Труда.

Крупская Надежда Константиновна (1869–1939) – государственный и партийный деятель, супруга В.И. Ленина. Доктор педагогических наук. Почетный член АН СССР (1931).

Кубеев (Кобеев) Спандияр (1878–1956) – казахский советский писатель, организатор просвещения.

Кудрявцев Владимир Николаевич (1927–2007) – юрист, академик АН СССР (1984). Вице-президент АН СССР (РАН) в 1988–2001 гг. Народный депутат СССР.

Кул-Мухаммед Мухтар Абрарулы (р. 1960) – государственный деятель РК. Доктор юридических наук. Лауреат Государственной премии РК. Автор цикла эссе под общим названием «Менің ағаларым» о выдающихся деятелях науки и культуры республики.

Кунаев Аскар Минлиахмедович (1929–1999) – ученый-металлург, академик АН СССР (1981) и АН КазССР (1972). Работал вице-президентом (1972–1974) и президентом АН КазССР (1974–1986). Дважды лауреат Государственной премии СССР, дважды лауреат Государственной премии КазССР.

Кунаев Динмухаммед Ахмедович (1912–1993) – советский государственный и партийный деятель. Первый секретарь ЦК компартии Казахстана (1960–1962, 1964–1986), председатель Совета Министров республики (1955–1960, 1962–1964). Трижды Герой Социалистического Труда. Академик АН КазССР (1952). Президент АН КазССР в 1952–1955 гг.

В январе 1994 г. Президиум НАН РК обратился с ходатайством в Кабинет Министров республики о присвоении имени Д.А. Кунаева Институту горного дела, району, городу, одной из центральных улиц столицы, школе, где он учился, Балхашскому горно-металлургическому или Лениногорскому полиметаллическим комбинатам; об организации дома-музея Д.А. Кунаева; об учреждении ежегодных именных премий в области наук о Земле для молодых ученых и стипендии для студентов политехнических вузов.

Курчатov Игорь Васильевич (1903–1960) – физик, академик АН СССР (1943). Трижды Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии, четырех Государственных премий СССР. Почетный гражданин СССР.

При его непосредственном содействии открыт Институт ядерной физики АН КазССР.

Лаврентьев Михаил Алексеевич (1900–1980) – математик и механик, академик АН СССР (1946). Основатель Сибирского отделения и вице-президент АН СССР (1957–1976). Ученик академика Н.Н. Лузина. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии, двух Государственных премий СССР.

Лаврентьев Михаил Михайлович, старший (1932–2010) – математик, академик АН СССР (1981). Ученик академика С.Л. Соболева. В 1979–1985 гг. – декан механико-математического факультета Новосибирского государственного университета, в 1986–2002 гг. директором Института математики им. С.Л. Соболева Сибирского отделения АН. Лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР, премии РАН им. М.А. Лаврентьева.

Среди его учеников – доктор физико-математических наук С.Е. Темирболат.

Ландау Лев Давидович (1908–1968) – физик, академик АН СССР (1946). Лауреат Нобелевской премии, Ленинской премии, трех Государственных премий СССР. Герой Социалистического Труда.

Латышев Георгий Дмитриевич (1907–1973) – физик, академик АН КазССР (1958). Лауреат Государственной премии СССР.

Лебедев Вячеслав Иванович (1930–2010) – математик, доктор физико-математических наук (1967). Научный руководитель академик С.Л. Соболев. Всю жизнь проработал в Институте атомной энергии им. И.В. Курчатова. Один из создателей современной вычислительной математики, долгие годы тесно сотрудничал с Г.И. Марчуком.

Удостоен Государственной премии СССР за 1987 год вместе с Султангазиным, В.С. Владимировым, Т.А. Гермогеновой, В.Я. Гольдиным, М.В. Масленниковым, С.Б. Шиховым за цикл работ «Развитие математических методов теории переноса частиц», опубликованных в 1958–1983 гг.

Лукьянов Алексей Тимофеевич (1922–2010) – специалист в области прикладной математики, академик НАН РК (1994). В 1977–1986 гг. – проректор по научной работе КазГУ. Участник Второй мировой войны.

Султангазин совместно с А.Т. Лукьяновым, А.Т. Любушкиным и В.П. Шерышевым имеет авторское свидетельство Госкомитета СССР по делам изобретений и открытий на изобретение «Устройство для решения нелинейных сопряженных задач» за № 858015, зарегистрированное в государственном реестре изобретений СССР 21 апреля 1981 г.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – советский государственный деятель. Академик АН СССР (1930).

Малышев Виталий Павлович (р. 1937) – физико-химик, доктор технических наук. Лауреат Государственной премии РК. Ученик академика АН КазССР Е.А. Букетова.

Мальцев Анатолий Иванович (1909–1967) – математик, академик АН СССР (1958). Ученик академика А.Н. Колмогорова. С 1959 г. работал в Институте математики Сибирского отделения АН СССР и Новосибирском университете. Лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР.

Мамбетказиев Ережеп Альхаирович (р. 1937) – химик, член-корреспондент АН КазССР (1989).

Марек Иво (р. 1933) – чешский математик, член-корреспондент Чехословацкой академии наук, профессор Карлов университета. В соавторстве с Султангазиным опубликовал монографию, удостоенную премии АН СССР и Чехословацкой АН.

Марчук Гурий Иванович (1925–2013) – ученый в области вычислительной математики, физики атмосферы, геофизики. Академик АН СССР (1968). Участник Второй мировой войны. Последний президент АН СССР (1986–1991). Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР, Государственной премии РФ, премии им. А.А. Фридмана, Демидовской премии. Трое сыновей Марчука (Александр, Андрей, Николай) – математики, доктора наук.

Совместно с Султангазиным обосновал применение метода расщепления для уравнений переноса излучения и доказал его сходимость в этом случае. В числе учеников Марчука – С.А. Атантаев, К.Е. Сарбасов.

Марчук Ольга Николаевна (р. 1927) – химик, супруга Г.И. Марчука. В счастливом браке они прожили 62 года. Автор 10 книг-мемуаров.

Мика Станислав – чешский математик. Первый иностранный аспирант Умирзака Махмудовича (1978). В соавторстве с Султангазиным опубликовал монографию, удостоенную премии АН СССР и Чехословацкой АН.

Мичурин Иван Владимирович (1855–1935) – биолог и селекционер. Почетный член АН СССР (1935).

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – советский государственный и партийный деятель. Герой Социалистического Труда. Почетный член АН СССР (1946).

Муканов Сабит (1900–1973) – писатель, литературовед, академик АН КазССР (1954). Лауреат Государственной премии КазССР.

Мукашев Булат Нигматович (р. 1942) – физик, академик НАН РК (1994). Лауреат Государственной премии РК, международной премии им. аль-Хорезми.

Мулдахметов Зейнолла Молдахметович (р. 1933) – химик, академик АН КазССР (1989). В 1988–2001 гг. – академик-секретарь Центрально-Казахстанского отделения Академии наук республики.

Мусабаев Талгат Амангельдиевич (р. 1951) – летчик-космонавт, генерал-лейтенант авиации. Герой Российской Федерации, Халық Қаһарманы. Доктор технических наук. Член-корреспондент НАН РК (2013). Лауреат Государственной премии РК.

В детстве встретился с супружеской четой Султангазиных в гостях у друзей своих родителей – Идриса и Мазак Тюребаевых.

Мусрепов Габит Махмудович (1902–1985) – писатель, литературовед, академик АН КазССР (1958). Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственной премии КазССР.

Наурызбаев Хакимжан Исмаханович (1925–2009) – первый профессиональный скульптор-казах, народный художник КазССР. Лауреат Государственной премии КазССР.

Неменов Леонид Михайлович (1905–1980) – физик, академик АН КазССР (1962). Лауреат Государственной премии СССР.

Несмеянов Александр Николаевич (1899–1980) – химик, академик АН СССР (1943). Президент АН СССР в 1951–1961 гг. Дважды Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР.

Ниретина Надежда Васильевна (р. 1938) – кандидат биологических наук. Ученица академика АН КазССР Т.Б. Дарканбаева. Свыше 40 лет работала на ответственных должностях в Президиуме АН Казахстана. Автор ряда книг по истории отечественной науки.

Нурпеисов Абдижамиль Каримович (р. 1924) – народный писатель Казахстана. Участник Второй мировой войны. Герой Труда Казахстана. Лауреат Государственной премии СССР.

Нысанбаев Абдумалик (р. 1937) – философ, член-корреспондент АН КазССР (1989). Лауреат Государственной премии КазССР, президентской премии мира и духовного согласия.

Овсянников Лев Васильевич (1919–2014) – математик и механик, академик АН СССР (1987). Ученник члена-корреспондента АН СССР Д.Е. Меньшова. Лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР.

Овчинников Юрий Анатольевич (1934–1988) – биохимик, академик АН СССР (1970). В 1974–1988 гг. – вице-президент АН СССР. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР.

Омаров Ильяс Омарович (1912–1970) – государственный деятель Казахстана.

Орлов Юрий Александрович (1893–1966) – зоолог, академик АН СССР (1960). Лауреат Ленинской премии.

Патон Борис Евгеньевич (р. 1918) – специалист в области сварки, специальной электрометаллургии и технологии металлов, академик АН СССР (1962). С 1962 г. – бессменный президент АН Украины. Дважды Герой Социалистического Труда. Герой Украины. Лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР, двух государственных премий Украины. Иностранный член НАН РК (1995).

Пененко Владимир Викторович (р. 1938) – специалист в области вычислительной математики и математического моделирования, доктор физико-математических наук. Ученик Г.И. Марчука. Сотрудник ВЦ СО АН СССР с 1964 г. по настоящее время.

Его сын – Алексей Владимирович, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института вычислительной математики и математической геофизики СО РАН активно сотрудничает с учеными РК.

Пентковский Мстислав Вячеславович (1911–1968) – математик, академик АН КазССР (1958). В 1957–1962 гг. – академик-секретарь Отделения физико-математических наук АН КазССР.

Персидский Константин Петрович (1903–1970) – математик, академик АН КазССР (1951). В 1951–1954 гг. – академик-секретарь Отделения физико-математических наук АН КазССР.

Под редакцией Султангазина издана биобиблиография трудов Персидского (1984). На научной конференции, посвященной 50-летию развития математики в АН КазССР, Умирзак Махмутович выступил с докладом «Развитие академиком К.П. Персидским математической теории устойчивости движения». В 1990 г., по предложению Президиума АН, были учреждены стипендии им. К.П. Персидского для молодых ученых Академии наук Казахской ССР. 22 октября 1993 г. в Национальной академии наук провели торжественное заседание, посвященное 90-летию со дня рождения К.П. Персидского.

Померанцев Глеб Борисович (1920 –2003) – физик, член-корреспондент АН КазССР (1975). Лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР.

Ректорис К. – чешский математик. Автор работ по вариационным методам в математической физике и технике, переведенным на иностранные языки. В 1976 г. опубликовал статью в соавторстве с Султангазиным.

Русаков Михаил Петрович (1892–1963) – геолог, академик АН КазССР (1946).

Рыжков Николай Иванович (р. 1929) – советский государственный и партийный деятель. В 1985–1991 гг. – председатель Совета Министров СССР. Герой Труда Российской Федерации. Национальный Герой Армении. Дважды лауреат Государственной премии СССР.

Сагадиев Кенжегали Абенович (р. 1938) – экономист, академик НАН РК (1994). В 1994–1996 гг. – президент Национальной академии наук РК.

Автор ряда публикаций об У.М. Султангазине.

Сагинов Абылкас Сагинович (1915–2006) – горный инженер, академик АН КазССР (1970). Герой Социалистического Труда. Дважды лауреат Государственной премии КазССР.

Сапа Василий Антонович (1922–1994) – механик, член-корреспондент АН КазССР (1989). Участник Второй мировой войны.

Сатпаев Каныш Имантаевич (1899–1964) – геолог, академик АН КазССР (1946), академик АН СССР (1946). В 1946–1952, 1955–1964 гг. – президент АН КазССР. Лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР.

В 1989 г. впервые после долгих лет забвения проведен комплекс мероприятий по увековечиванию памяти основателя Академии наук республики (Сатпаевские чтения; торжественное собрание общественности республики; закладка камня на месте будущего памятника у здания политехнического института; открытие мемориального музея).

В 1990 г., по предложению Президиума Академии наук, были учреждены стипендии им. К.И. Сатпаева для аспирантов АН и Министерства народного образования, молодых ученых Академии наук Казахской ССР.

Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989) – физик, академик АН СССР (1953). Трижды Герой Социалистического Труда. Лауреат Нобелевской премии мира, Ленинской премии, Государственной премии СССР. В 1980 г. лишен всех советских государственных наград и премий.

Сергалиев Мырзатай (1938–2011) – языковед. Член-корреспондент НАН РК (1995).

Смирнов Владимир Иванович (1887–1974) – математик, академик АН СССР (1943). Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственной премии СССР.

Соболев Сергей Львович (1908–1989) – математик, академик АН СССР (1939). В 1957–1983 гг. возглавлял созданный им Институт математики Сибирского отделения АН СССР. Герой Социалистического Труда. Лауреат четырех Государственных премий СССР.

Собчак Анатолий Александрович (1937–2000) – юрист, доктор юридических наук (1982). Народный депутат СССР. Первый мэр Санкт-Петербурга.

Сокольский Дмитрий Владимирович (1910 – 1987) – химик, академик АН КазССР (1951). В 1965–1975 гг. – вице-президент АН республики. Герой Социалистического Труда. Лауреат Государственной премии КазССР.

В 1990 г. по предложению Президиума АН, были учреждены стипендии им. Д.В. Сокольского для молодых ученых Академии наук Казахской ССР.

Соломенцев Михаил Сергеевич (1913–2008) – советский государственный и партийный деятель. В 1959–1962 гг. – первый секретарь Карагандинского обкома компартии Казахстана, в 1962–1964 гг. – второй секретарь ЦК компартии Казахстана. В 1983–1988 гг. – председатель Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС.

Спирин Александр Сергеевич (р. 1931) – биохимик, академик АН СССР (1970). Лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР, Государственной премии РФ.

Учитель академика АН КазССР М.А. Айтхожина.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) – советский государственный и партийный деятель. В 1922–1953 гг. занимал высшие руководящие должности в Советском Союзе.

Суворов Борис Викторович (1925–1996) – химик, академик АН КазССР (1983). В 1987–1994 гг. – член Президиума Академии наук.

Сулейменов Бегежан (1912–1984) – историк, член-корреспондент АН КазССР (1972).

Сухарев Александр Яковлевич (р. 1923) – юрист, доктор юридических наук. В 1988–1990 гг. – Генеральный прокурор СССР. Народный депутат СССР.

Тайманов Асан Дабсович (1917 –1990) – математик, академик АН КазССР (1962). Выпускник Уральского педагогического института. Участник Второй мировой войны. Ученик академика АН СССР, лауреата Ленинской премии П.С. Новикова.

В 1968–1970 гг. – академик-секретарь Отделения физико-математических наук АН КазССР и одновременно директор Института математики и механики. Работая в Новосибирске и Алма-Ате, внес большой вклад в подготовку высококвалифицированных кадров математиков для Казахстана. Среди его учеников доктора и кандидаты наук – Н.Г. Хисамиев, А.И. Омаров, Т.Г. Мустафин, Ж.А. Алмагамбетов, Б.С. Байжанов, Е.Р. Байсалов, М.И. Бекенов, М.М. Еримбетов, Т.А. Нурмагамбетов, А.Т. Нуртазин, Т.Ш. Шаяхметов, Б.Н. Дроботун.

Его сын – Искандер Асанович Тайманов, родившийся в новосибирском Академгородке в 1961 г., является академиком РАН (2011), членом Президиу-

ма РАН и СО РАН. Избран почетным академиком НАН РК.

Султангазин выступил в качестве редактора и автора биографического очерка в биобиблиографии трудов А.Д. Тайманова (1987). В 1990 г., по предложению Президиума АН, были учреждены стипендии им. А.Д. Тайманова для аспирантов Академии наук Казахской ССР.

Такибаев Жабига Сулейменович (1919 –2016) – физик, академик АН КазССР (1958). Ученик академика АН СССР А.М. Маркова. В 1962–1963 гг. – академик-секретарь Отделения физико-математических наук, в 1962–1971 гг. вице-президент АН КазССР.

Тихонов Андрей Николаевич (1906–1993) – математик, академик АН СССР (1966). Основатель факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ. Дважды Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии, двух Государственных премий СССР.

Уразбаев Базарбай Мамбетович (1912–1981) – математик, член-корреспондент АН КазССР (1967). Ученик члена-корреспондента АН СССР Н.Г. Чеботарева.

Фазылов Малик Сабирович (1927–1995) – государственный и партийный деятель, дипломат. Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР.

Фихтенгольц Григорий Михайлович (1888–1959) – математик, доктор физико-математических наук (1935). Среди его известных учеников – Л.В. Канторович, И.П. Натансон, С.Л. Соболев, Д.К. Фаддеев, С.А. Христианович.

Харитон Юлий Борисович (1904 –1996) – физик, академик АН СССР (1953). Трижды Герой Социали-

стического Труда. Лауреат Ленинской премии, трех Государственных премий СССР.

При его непосредственном содействии открыт Институт ядерной физики АН КазССР.

Христианович Сергей Алексеевич (1908–2000) – ученый в области механики, академик АН СССР (1943). Один из создателей Новосибирского университета, заместитель председателя Сибирского отделения АН СССР. Герой Социалистического Труда. Лауреат трех Государственных премий СССР.

Хрущев Никита Сергеевич (1894 –1971) – советский государственный и партийный деятель. В 1953–1964 гг. занимал высшие руководящие должности в Советском Союзе.

Чокин Шафик Чокинович (1912–2003) – энергетик, академик АН КазССР (1954). В 1964–1967 гг. – президент АН КазССР. Халық Қаһарманы. Лауреат Государственной премии КазССР.

Шарманов Торегельды (р. 1930) – медик, академик НАН РК (1994), академик Академии медицинских наук СССР (1982). Лауреат двух Государственных премий РК.

Шаяхметов Жумабай Шаяхметович (1902–1966) – государственный и партийный деятель Казахстана. В 1946–1954 гг. – первый секретарь ЦК компартии Казахстана.

Щерба Григорий Никифорович (1914–2001) – геолог, академик АН КазССР (1972). Лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР, Государственной премии КазССР.

Юсупов Исмаил Абдурасулович (1914–2005) – государственный и партийный деятель Казахстана. В 1962–1964 гг. – первый секретарь ЦК компартии Казахстана.

Яковлев Александр Николаевич (1923–2005) – советский политический деятель. Участник Второй мировой войны. Академик АН СССР (1990).

Яненко Николай Николаевич (1921–1984) – математик, академик АН СССР (1970). Участник Второй мировой войны. В 1976–1984 гг. – директор Института теоретической и прикладной механики СО АН СССР. Герой Социалистического Труда. Трижды лауреат Государственной премии СССР.

Среди его учеников – доктор физико-математических наук Н.Т. Данаев. Яненко проявлял большую заботу о развитии дарований доктора физико-математических наук Ш.С. Смагулова.

Основные даты жизни и деятельности Умирзака Султангазина

1936, 4 октября – у Султангазы Махмудова (1889 года рождения) и Нурили (1906) в поселке Кара-Оба Урицкого района Кустанайской области рождается сын Умирзак

1940 – умирает отец. С 1943 года воспитанием Умирзака занимается отчим – Арсаков Кабдолла

1944 – Умирзак поступает в Кара-Обинскую казахскую среднюю школу, которую успешно оканчивает в 1953 году

1953 – поступает на физико-математический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова

1958, февраль – вступает в брак с односельчанкой, одноклассницей и сокурсницей Райхан Ганиевной Мейрмановой

1958 – получает университетский диплом с отличием по специальности «математика». Начинает трудовую деятельность в КазГУ им. С.М. Кирова. В

университете Султангазин проработает свыше 20 лет, последовательно занимая должности ассистента, старшего преподавателя, доцента, профессора, заведующего кафедрой, но сотрудничество с вузом продолжится до конца жизни

1958, 31 октября – рождается дочь Жаннат

1960, 14 октября – рождается дочь Салтанат (скончалась в 1980 г.)

1963, октябрь – умирает мать

1964, 2 июля – рождается сын Алмас

1964 – направляется на двухгодичную стажировку в Вычислительный центр Сибирского отделения АН СССР в Новосибирск

1966 – успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук в Институте математики СО АН СССР на тему «Метод расщепления для кинетического уравнения переноса» по специальности «вычислительная математика»

1968 – вновь на два с половиной года новосибирский Академгородок становится местом работы Султангазина над докторской диссертацией

1972 – после защиты диссертации на соискание ученой степени доктора физико-математических наук

в Институте математики СО АН СССР на тему «Метод сферических гармоник для нестационарного кинетического уравнения переноса» по специальности «дифференциальные уравнения и математическая физика» становится самым молодым доктором наук-математиком в Казахстане. В течение полугода трудится приглашенным профессором Карлов университета в Праге

1974 – присваивается ученое звание профессора по специальности «вычислительная математика»

1975 – на альтернативной основе избирается членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР

1978 – назначается директором Института математики и механики АН Казахской ССР, во главе которого будет бессменно находиться 12 лет. Два месяца работает по приглашению ученым-исследователем в Стэнфордском и Мэрилендском университетах в США

1983 – на альтернативной основе избирается действительным членом (академиком) АН Казахской ССР

1985 – избирается академиком-секретарем Отделения физико-математических наук АН Казахской ССР и на два десятилетия – членом Президиума (высшего распорядительного органа) Академии наук

1986 – избирается вице-президентом АН Казахской ССР, депутатом Верховного Совета Казахской ССР XI созыва. Награждается медалью им. С.П. Королева АН СССР

1987 – избирается председателем Фонда мира Казахской ССР. Становится почетным гражданином города Кентукки в США. Награждается орденом Трудового Красного Знамени. В составе авторского коллектива становится лауреатом Государственной премии СССР в области науки и техники за цикл работ «Развитие математических методов теории переноса частиц», опубликованных в 1958–1983 годах

1988 – избирается восьмым (считая с 1946 г.) президентом Академии наук Казахской ССР и проработает в этой должности семь лет

1989 – избирается народным депутатом СССР. Присуждается премия АН СССР и Чехословацкой Академии наук в области естественных наук

1990 – на XXVIII съезде КПСС избирается членом Центрального Комитета правящей политической партии страны

1991 – становится директором образованного Института космических исследований Республики Казахстан, возглавляя его до последних дней жизни. Награждается орденом Ленина за успешное выполнение первого полета космонавта Т.О. Аубакирова и научной программы Казахстана

1994 – Республика Казахстан становится членом Всемирного математического общества, а У.М. Султангазин – председателем Национального комитета математиков. Избирается членом-корреспондентом

Российской академии космонавтики и международного союза научных работников радио. Весь состав Президиума Академии наук во главе с Султангазиным подает в отставку. В течение 10 месяцев – приглашенный профессор университета Киото в Японии

1996 – назначен первым заместителем министра – вице-президентом Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан. В этой должности проработает три года. Награждается медалью им. П.Л. Капицы.

1999 – повторно работает приглашенным профессором Университета Киото

2000 – мировое сообщество отметило год математиков. Становится почетным гражданином г. Нагасаки в Японии

2001 – награждается Большой бронзовой медалью Международной ассоциации участников космических полетов (ASE) за заслуги по развитию космических исследований в РК

2002 – избирается на два года вице-президентом Национальной академии наук РК. Присуждается независимая премия «Тарлан» в номинации «Наука». Избран членом Канадского научного общества по дистанционному зондированию

2004 – награждается орденом «Парасат» за большой вклад в развитие науки и формирование космической отрасли в Казахстане

2005, 22 мая, 22.45 по времени ФРГ (в Казахстане это 23 мая) – Умирзак Султангазин умирает в клинике Фрайбурга от рака поджелудочной железы. Похоронен на кладбище Кенсай-1 (г. Алматы)

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	4
Истоки	9
«Путевку в жизнь мне дала аульная школа».....	21
Моя альма-матер – КазГУ.....	44
Так начинался путь в науку	66
Новая высота.....	89
Академия.....	110
Восьмой президент	146
Служение науке продолжается.....	216
Послесловие	253
Биографический комментарий	256
Основные даты жизни и деятельности Умирзака Султангазина	281

КОЗЫБАЕВ Ильяс Манашевич

УМИРЗАК СУЛТАНГАЗИН

Биографический очерк

Генеральный директор *З. Тен*

Редактор *Д. Шуканова*

Дизайн *А. Бегалиевой*

Компьютерная верстка *Н. Цой*

Подписано в печать 31.03.20.

Формат 84×108¹/₃₂. Бум. офсет. Гарнитура «Times».

П.л. 20,0. Тираж 500 экз. Заказ № 5016.

Издательская компания «Раритет»

050022, г. Алматы, ул. Абая, 52В.

Тел./факс: 8 (727) 339-83-59

E-mail: rarity_pc@mail.ru

Отпечатано с файлов заказчика в

ТОО «Полиграфкомбинат» Республики Казахстан.

050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41

ISBN 978-9965-770-96-8

9

789965770968

